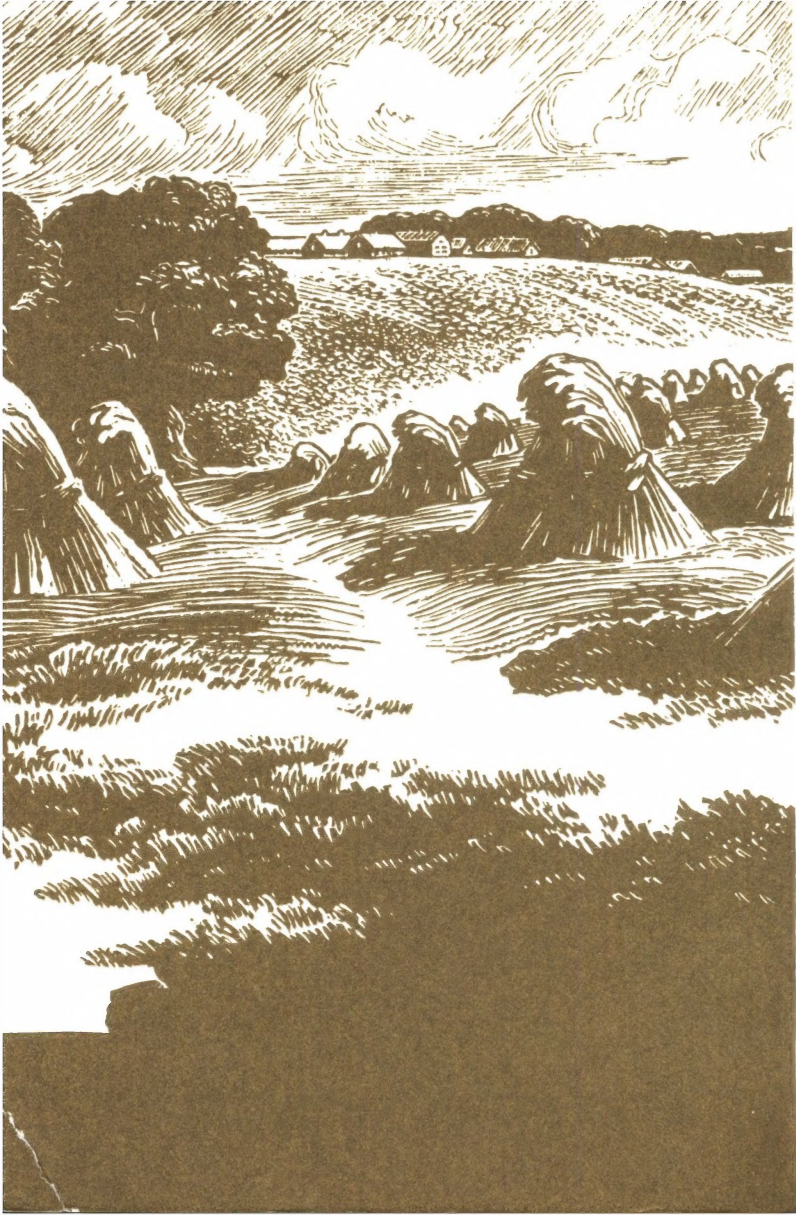

З.П.Васильцова

Мудрые заповеди народной педагогики

З.П.Васильцова

Мудрые заповеди народной педагогики

(Заметки журналиста)

2-е изд., доп.

Москва
«Педагогика»
1988

ОТ АВТОРА

Педагогическая тематика всегда актуальна, поскольку она обращена к Человеку, к его будущему, она вынуждает думать, взглянуть на себя со стороны, дабы наши собственные ошибки и несовершенство не обернулись ошибками и несовершенством наших детей.

Педагогические книги раскупаются нарасхват. Отцы и матери, журналисты и ученые и просто энтузиасты бережно и тщательно, как золотоискатели, изучают книги педагогов, опыт известных своими педагогическими достижениями семей.

Народ — воспитатель, народ — педагог... Задачу вырастить свою смену умной, смелой, доброй, трудолюбивой жизнь ставила не только перед нами, нашими отцами и дедами, но и перед дедами наших дедов — в веках и тысячелетиях. И века и тысячелетия решалась эта задача: осмысление, сохранение и передача следующим поколениям того всеобщего, на чем зиждется все человечество, и того частного, что составляет неповторимое лицо данного народа.

Внимательно штудировав ученые труды, мы, живущие в многонациональной стране, должны чаще заглядывать в педагогические запасники каждого из народов Советского Союза, учиться мудрости и опыту воспитания у казахов и русских, у латышей и эвенков.

Мы решили побывать в гостях у разных народов нашей страны, внимательно понаблюдать за тем, как воспитывают они своих детей, и о лучших традициях рассказать в нашей книге.

...Разные колыбельные и разные предания слуша-

ют дети в стойбище и в ауле, в кишлаке и в деревне, разная музыка звучит вокруг них в будни и в праздники, не похож друг на друга труд их матерей и отцов. Но, поднимая к свету и жизни еще зеленые ростки, родители, где бы они ни жили, какой бы ни представляли народ, воспитывают в своих детях любовь к Родине, матери, труду, заботятся о нравственном и физическом здоровье подрастающего поколения. Доброта, честность, уважение к старшим, справедливость, мужественность, совесть — качества, которые пестует каждый народ в детях. И это основа, это «киты» народной педагогики.

Но при общем идеале совершенного человека существуют национальные, семейные традиции воспитания. В нашей книге мы стремились показать, как бесконечно разнообразна палитра национальных методов воспитания, сколько духовного богатства и мудрости хранят они. И потому нам стоит не только внимательно присмотреться к тем традициям воспитания подрастающего поколения, которые уже существуют тысячелетия и которые так бережно хранит наш народ, но осмыслить их, воспринять, открыть им дверь в нашу жизнь, учитывая при этом, что, сформировавшись в определенных жизненных условиях, впитав в себя исторический опыт народа, своеобразные народные традиции воспитания хороши и действенны прежде всего у себя «дома». Их трудно, а порой и невозможно перенести в другой край. Да и не стоит это делать механически.

Но мы обращаемся к народной педагогике не только потому, что это кладезь мудрости, запасник педагогической мысли и нравственного здоровья, но и потому, что это наши истоки. Забывая свои корни, мы разрываем связь времен и поколений, а «человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, чело-

век, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем», — сказал Ч. Айтматов.

Наивно было бы полагать, что народная педагогика поможет нам решить все сложные проблемы нашего бытия. Всему свое место. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что в опыте наших отцов и дедов есть зерна такой мудрости, которые и в наш век прорастут и дадут добрые всходы.

На страницах книги выступают не только ученые-педагоги, занимающиеся изучением народных педагогических традиций, но философы и писатели, учителя и рабочие, — словом, люди самых разных профессий. Приглашаем и вас, читатель, присоединиться к общему разговору, поразмышлять над тем, что в нас отмирает с течением времени, а что остается свято и неприкосновенно.

Только, пожалуйста, не думайте, что, перевернув последнюю страницу, вы прочитали всю «Книгу народной педагогики». Перед вами лишь самые первые ее главы. Материал для будущей «Книги народной педагогики» еще только собирается, обдумывается, изучается учеными, педагогами, просто энтузиастами. К тому же еще не весь огромный, веками накопленный опыт — только наш Советский Союз населяют более ста наций и народностей! — стал объектом пристального и доброго внимания людей, отыскивающих в повседневной жизни народа крупинки-золотинки народного педагогического мастерства.

Разлученный с милой
плачет семь лет,
разлученный с Отчизной
плачет всю жизнь (туркм.).

Кто не живет на родине,
не знает вкуса жизни (осет.).

Родина — земляника спелая,
чужбина —
ягода можжевеловая (карел.).

И кости по родине плачут
(рус.).

Родина — матушка родная,
чужая страна —
мачеха (чуваш.).

Не растет трава
без корней (бурят.).

У светлой реки Пинеги

Северные русские избы не изукрашены резьбой. Огромными, могучими птицами сидят они на зеленой траве, и рядом — ни кустика, ни деревца. Лишь вдаль, в огород, выпущены на высоких куриных ногах узкие амбары. Вольное солнце из окна в окно печет желтые, как масло, половицы — в полметра шириной каждая, — и черные крутые бока изб теплеют в северных лучах.

По преданию, деревня Кеврола стоит на месте древнего Кевроль-городка, что в XII в. был центром Северной Руси. И воевода тут жил. Отсюда русские мужики начинали осваивать Север...

Издавна складывался здесь свой жизненный уклад, и корни нынешних традиций нужно искать в глубине веков.

Хлеб насущный скупой давала отобранная у леса земля, и потому тропы мужицкие далеко уходили

от родного дома: на промысел охотничий, рыбный, морской, на ямщицкий тракт, на лесоповал. Пинегга — лесная дальняя сторона, а Семен Дежнев, первым проплывший по проливу между Азией и Америкой, родом с Пинежского Волока. Часть его спутников тоже из этих мест.

В Архангельском краеведческом музее висят за стеклом карты, которые составляли местные мужики, лежат книги, которые они читали. А в избах нет-нет да и наткнутся на «клад» — старые в черной кожаной «одеже» книги светские и духовные. Грамотность в Северной Руси была распространена на удивление широко, и учившийся недолго северный крестьянин известен был любовью к чтению. И мир за лесным частоколом видел он большим и сложным.

...Луг, что проталина, возникает среди бородатого леса — не подарок природы, а след трудов мужика, выкорчевавшего этот кусок чащи и посеявшего что-то на пропитание семье. И сегодня уплывают крестьяне на сенокос за сто, за двести километров. Грузят с собой в лодку и корову, и люльку с ребенком, и стариков, и подростков. Сейчас — мотор, а тогда — на веслах, шестах, вверх по Пинеге, по ее притокам... Неделю, а то и больше путешествует крестьянский караван. А там уже ждут сенные избушки и артельная, под дымок костра, жизнь...

Где взрослые — там и дети. Как взрослые — так и дети. Да только жить по-взрослому надо еще научиться.

«Первый раз взяли меня на сенокос, когда я ходил еще в детский сад. И началась моя сенокосная «эпопея». Взрослые заставляли разжигать костер, приносить воду. Брат Витька, старше меня на два года, всюю косил. Его дед и отец шутили, что коса, которой косит их внук и сын, с моторчиком.

Я не верил. Но все-таки хотел попробовать. На одной поляне выделили нам «делянку»: «Путайте здесь траву, учитесь. Вот с вами и дед будет, он вам косы поточит». Садились отдыхать, взрослые посылали нас то за водой, то смотреть лошадей...»

Для городского ребенка утром дверь — щелк, уходят родители на работу, как в другую страну. Их трудовой пот с радостью победы и упорством при неудаче, их во что-то овеществленные мечты и идеи донесутся до него как дальнее эхо — в вечерних разговорах за ужином. Не страшно, что путает человек яблоню с грушей, пока нет плодов, что не различает птиц по их пению, а цветы видит только на клумбах. Другое важно: понимает ли он и чувствует, что мир не квартира, даже самая комфортабельная, мир не только семья, даже большая и дружная, мир — это цепь поколений, которые, трудясь, творили красоту земли, которые своими делами, как по ступеням, вознесли нас на наши этажи: не как на вершину — а для нашего следующего шага в будущее. Помним ли мы о том в суете будней? Передаем ли память о трудовой истории народа своим детям? Но кто, кроме нас, расскажет им, откуда берут начало наши корни?.. Дед, бабка — они поднимались до света и ложились, когда деревья, отворачаясь от солнца, вытягивали по траве длинные тени. Их руки знали землю. Не они начали, они лишь продолжили труд отцов, как мы — их, взяв в свою память молочно-травяной запах стада, заполняющего вечерами деревенскую улицу, утреннюю росу на лугу и белый каленый кирпич русской печи...

Не нужно об этом рассказывать кеврольской ребятне. Что ни день, перед их глазами — березы, рубленые «в лапу» избы, тропинки по хлебному полю и каждодневный пример тех, кто делает жизнь своими руками.

А. П. Вальков — великий труженик, в молодости на комсомольско-молодежном субботнике на току получил травму правой руки, но вся бесконечная нелегкая мужская работа по хозяйству на нем, теперь вот сыновья, подрастая, подставляют плечи.

Дом у Вальковых просторный, светлый. Двадцать лет назад перевезли они его из соседней Едомы.

— Прежде чем рубить, надо обяжать дворы-то, кто поможет; 6 мая разорили дом, 22 конек подняли, а осенью жить зашли.

«Горлом изба не рубится», — говорят на Пинеге. Я смотрю на огромные, вековые бревна родового гнезда и на горстку людей невеликого роста и силушки. А дом — вот он, покрашен по новой моде коричневой краской, снизу аккуратный голубой бордюр — Любаша все утро водила кистью.

На Пинеге избы жмутся друг к другу, как овцы в стаде. И место есть, а новую рядом кладут — артельней так, веселее. Понятие деревни как единой семьи живо и сегодня — хозяйка, уходя, избу не запирает, палкой дверь заложит: никто не войдет. Пытались как-то в райцентре рынок устроить — не получилось, торговать в этих местах не любят — если рыба лишняя или охота удачная, соседям снесут в подарок.

Коллективное сопереживание, общая радость и работа не подавляют индивидуальность человека, наоборот, вырастет он в понимании, что доброта, смелость, сила, щедрость — все хорошее, заложенное в человеке, не должно огораживать забором — это общее достояние.

И все сделанное вроде бы лично для себя: наличники на окнах, платье узорное, колыбель ребенку — сразу становится частью общего достояния, как будто еще одна краска засветилась в общей деревенской картине. И зорко смотрят тут на вещи, ища в них не

только умение, но и душу. Не случайно говорят в народе, что сделанные вещи так же похожи на хозяина, как и его собственные дети.

А как часто мы подходим к лифту, нажимаем на кнопку — и нужный этаж послушно возникает в дверном проеме. Мы моем руки, садимся за стол и не задумываемся: ни сами, ни тем более дети, — что вещи, окружающие нас, кем-то задуманы и сотворены. В деревне каждая вещь говорит о мастере. Печнике, чьи печки не дымят, не валяются десятки лет. Столяре, чьи поделки радуют удобствами избы: умывальник ли, нары для сушки лука. Кузнецы — в каждой избе по несколько кос. Ткачихе — чьи узорные полотенца держат для души. «Лес — враг, лес — друг», — говорят пинежане. В каждой избе и сегодня полно поделок из дерева: плетенные из щепки кошелки для белья, овощей, узорные зыбки, кровати, прялки... Возле забора узкой спиной давит траву выдолбленная из целой сосны лодка — «сосновка».

— А печку-то нам, — нараспев, как сказку, ведет мне баба Настя, — Павел Григорьевич Губин клал, старичок, ему семьдесят восемь будет. На год меня моложе. И родитель его тоже умел печки класть. Скоро Павел Григорьевич клал. Привычное дело, так скоро — дня три-четыре. Большая жизнь у Павла Григорьевича — служил в Красной Армии, слышала, на флоте был. А сейчас Геннадий Новиков кладет. Недалеко от Губина его дом. Посмотрел — и кладет.

Я спрашиваю, а кто сделал узорный голубой умывальник. Есть и у него своя история.

— Умывальник-то крестовый — крестный мужа Степан Поликарпов. Умер. Женка-то его жива. Заболел так помер. Столяром был, много чего умел: наблюдник — его работы, рамы, кровать детям...

Умер мастер, но вещи будут напоминать о нем. Этот небольшой, негромкий отряд деревенских ремесленников каждой своей поделкой говорит ребенку о рукотворности огромного мира, о начале начал каждого дела — умелом человеке.

Не отсюда ли «рукастость» деревенских мальчишек? Безбоязненно и лихо они берутся за любое дело, потому что вокруг — мир людей, делающих все своими руками. Женя с Витькой уже несколько дней в перерывах между прополкой, хлопотами по дому, помощью отцу по побелке склада сидели над разобранным велосипедом и пытались из его останков создать усовершенствованную модель. Не получалось, видно, но ни отец, ни Валентин не тревожили их — пусть учатся. И куры осторожно клевали траву между черными рамами.

Когда отправились на лодке в соседнюю деревню в гости, Женьке доверил отец управлять мотором, и тот долго копался в нем посреди реки, когда заглох двигатель. А потом взревели лошадиные силы и, хлебнув легкой волны, понеслась семейная лодка вдоль красных берегов.

Вите тринадцать лет, в седьмой перешел. Весной в распутицу — мать больна, отец дежурит в котельной, Женька в интернате за рекой живет — все хозяйство на Витьке. Шестнадцать ведер воды принести в день. А еще дров нарубить на топку. А еще полы помыть в доме. Рано поднимаются деревенские ребяташки. И не ходят — летают. От дела к делу. Из избы в хлев, от поленницы к баньке, от колодца к огороду. Подоить коров, постричь овец, прокопать и засадить огород, скосить траву, убрать хлев, покормить коров и овец, постирать, погладить, избу протопить — что могут взрослые, то в разной степени могут и дети.

Исследователи отмечали, что русские крестьян-

ские дети только по дому были заняты в 85 видах работ. И это не считая общего труда в поле, в огороде, в саду, в который дети втягивались с 5—6 лет. Было подмечено также, что во многих делах взрослые не очень и нуждались в помощи детей, могли бы обойтись вовсе, т. е. привлечение детей к труду осуществлялось сознательно.

Не было профессиональных школ в деревнях — тот же специалист по печкам Павел Григорьевич Губин знал и кузнечное дело, потому что отец брал его в кузницу смалу. И нынче родительские дела не отгорожены от детских глаз: дочка доярки знает материнских коров не хуже матери. Сам Александр Прокопьевич работал долго пастухом. И Люба еще малышкой караулила его на околице, чтобы помог влезть на лошадь — и ускакать с ним в луга.

Мальчишки-конюхи, ребята, работающие на прополке капусты, помогающие в совхозной столовой и, конечно, на сенокосе. Летят по траве летние сани, белоголовые парни верхом — голыми пятками по конским бокам: конно-механизированные звенья.

Раньше, когда девочка на свет появлялась, ей прялку маленькую дарили, потом побольше. Сначала игра, и уже к десяти годам — задание: на веретено наряди, а позже и половики натки. Мальчику — маленький топорик и какой-нибудь инструмент, чтобы мастерить учился. И — уж известно — с детства ходить за скотом, за лошадью приучали. Мужчина! Рано в Кевроле мальчишек в извоз брали.

— Мишку у меня отец завозил с пяти лет. За сеном — зимой закутает в тулуп — и везет. Сначала за лошадью чтоб смотрел, потом и всяко помочь.

Не отдельным операциям, не скучному однообразию детских поделок учат деревенских ребятишек, а — Ремеслу. Пусть сразу видят они конечную цель своих пока еще неуверенных усилий. Не по детской,

укороченной мерке, а навырост дается здесь парню, девочке работа.

Городской ребенок шагнул с тропинки на мокрый от дождя луг: «Нельзя!» Потянул руки к березовой ветке: «Нельзя!» Разулся — и по лужам босиком: «Нельзя!» Как красные флажки на охоте, как светофорный окрик: «Нельзя!» А что можно? Слушаться, молчать, не двигаться... Сколько своими «нельзя» мы погасили ростков любознательности, радости, желания перемерить мир своими шагами. Черными, как чертова кожа, ступнями, не знающими летом тесных сандалий и цепких резинок носков, деревенские ребятишки салютуют о свободе, с которой они познают мир. Их нервную систему трудно «истощить», ибо она всегда в прямом контакте с таким мощным аккумулятором, как земля.

И разве ребенка воспитывают только люди? А птицы, что встают в саду раньше самой проворной хозяйки, — не воспитывают? А цыплята, которые пьют, толкаясь, из старой миски? А река, а лес, а земля, из черного тела которой вылезают, строясь по рядам, головастый клевер или сухощавый ячмень?

Есть педагогика труда, педагогика природы, педагогика сказок и пословиц... Как живой организм: все видящий и знающий, вбирающий в себя целый мир, чтобы целебные соки жизни полнее напитали росток детского сознания, — есть **Бабушкина педагогика**.

Мать и отец для ребенка в деревне, как солисты в большом, мощном оркестре, надежны и крепки. Бабушка будто расстилает по бесконечному этому пространству цветастые деревенские половики. И оттого все вокруг становится домашним и жить веселей. Материнским своим чутьем, опытным глазом первой видит бабушка в неуверенных шагах и лепе-

те младенца его характер, воспринимает его не как прожорливый комочек, а как Человека. И осторожно, ласково вводит юное существо в Мир. Отец может приласкать, но и наказать, коль виновен. Мать затопит нежностью своих ласк, но день поднимает ее к взрослой работе. А бабушка всегда рядом, как добрый дух дома. У нее будто и нет своей жизни. Она многое простит и поймет, она скорее пожалеет, чем обидит. Ребенок и бабушка — это привычное сочетание настолько было для нас всех нормой, что, когда в одиноких городских квартирах мы этого лишились, не сразу поняли размеры утерянного. Можно купить сложные и дорогие игрушки, можно, хоть и трудно, найти хорошую, расторопную няню, но как и кому сотворить бабушкин мир? И растут на пятидневках толстощекие, не знающие бабушек дети, а на ночь вместо сказки приходит в палату няня и шепотом говорит о дисциплине.

...Бабушка Настя зовет внука Витю «мой любашик», Валентина — «голубанушек». Пятеро детей в доме Вальковых. Валентину — двадцать, младшей сестренке Любе — девять. «Все такие, что зевасты были (крикуны)», — вспоминает Раиса Дмитриевна. Ей — сорок два года. Ни разу из-за детских болезней дома не сидела. Бабушка!.. Она и выхаживала внучат, и нянчила. От материнской груди отнимут малыша и — пока не подрастет — под бабкино крыло, она и спит с ним.

Под потолок Валентин, широкоплеч и чуб пшеничный лихой, а крошечной, легкой, как перышко, бабе Насте он что младенец. Хлопочет, не холодно ли ему — помнит, что раскрывается по ночам. Поел ли? Не опоздал на работу? Годы, что прожила сама баба Настя, вспоминать страшно. Двенадцать лет возила она за десятки километров лес на подводах — и летом, и в сорокаградусный мороз.

— Возили сено зимой, портянки к ногам примерзнут, студено-таки. С Шардова возили, там и рыбы много, в Шарди. Дед и хариусов и язь бил. Там, в Юресе, жизнь была лебединая...

Подрос сын Санька, и его с собой. На колхозной детской площадке в войну умер с голоду младший сын. В 42-м, израненный, вернулся муж, чтобы в своем доме закрыть глаза. А она возила этот бесконечный лес. И позабылся совсем белый сарафан, в котором замуж выходила, и ушло из памяти, как плакала, увидев в первый раз сама, в замужнем повойнике, девичий хоровод, — все унесла пинежская вода. Стало маленьким и морщинистым ее красивое лицо, только взгляд — светлый и твердый.

Отступят боль и головокружение — глядь, баба Настя уже на огороде: поливает, полет грядки. А тут соседка прибежала — заболел ребенок. Баба Настя и лечит, и парит. И приметы знает.

Приладит баба Настя прялку, и потекла, закрутилась, рождаясь из серого пуха, нитка. Ее руки тонкие, маленькие, схваченные ревматическими узлами. И голос легкий, негромкий — пыталась было песню взять, не смогла. От серебра голова бабы Насти будто светится. Восьмой десяток пошел.

Вот что рассказывает Любовь Александровна Смоленская — она учительствует в Кеврольской школе: «Задала я как-то в классе сочинение о бабушке. Ребята писали только хорошее: «Бабушка песни поет. И вязать умеет, и все делать умеет». «Бабушка сказки рассказывает». А Витька Вальков написал, как сейчас помню: «Бабушка у нас ласковая, добрая. Бабушка шаньги печет».

У самой Любви Александровны четверо детей, а у матери ее было семеро. «Мама моя говорила: «Спросят, сколько у меня детей, я скажу — целая неделя».

— Как неделя?

— В неделе шесть рабочих дней — шесть сыновей. А воскресенье — одно, и дочка — одна».

— Мама многое могла, — вспоминает Любовь Александровна, — она и стихи учила мою Марину сочинять. Что и говорить, мы и дети наши выросли на руках бабушкиных.

Сеют бабушки добро, а пожинают всеобщее уважение. Живет в соседней деревне Едоме старуха Марина Таборская. Вальковым (едомским) не родня, чужая. Хоть у них самих шестеро детей, зимой ее к себе берут: одной-то топить трудно. Дочка их Лариса говорит: «Бабушка Марина со мной нянчилась, как не любить ее». Не родня старушка, а как родная. К одиноким старухам ребятишки часто заходят: что-то сделают по дому, в магазин сбегают, дров наколют. Настасья Земцовская, старая бабка, — ее домик, как игрушечный, прилепился у дороги — увидит Любовь Александровну: «Твоя голубушка опять забегала...»

— Ой, — поет баба Марья, — по дорожке, по широкой шла — прошла силушка да армия. Ой, сила армия, конногвардия...

— У меня мужик убит, — обращается она ко мне. — Я, как петь буду, плачу: «Ой, конногвардия, три было полка солдат — да. Ой, молодых ребят. Ой, солдаты безбородые сами во поход пошли — да...»

Как поет баба Марья — низкий свободный голос, будто говорит, не поет, никакого напряжения — и час может петь, и два. И в пояс поклонится, и пройдет по половице.

И баба Настя, которая кажется тоненькой девочкой-подростком, вспоминает, слушая соседку, как ели здесь в войну лепешки из пареного мха, а сколько умерло от голода в каждом доме детей, взрослых —

кто считал? И у бабы Марьи муж погиб в войну, не все дети дожили до сегодня...

«Вот боле все». И началась другая песня — в ней «бережно везут молодую княгиню Еринью во келью» — глаза блестят у бабы Марьи, она явно озорничает и упоминает сыновей Раисы Дмитриевны и какие-то девичьи мелькают имена... Все хохочут — спектакль. Баба Настя подпевала поначалу, теперь жадно слушает соседку и только смеется от сочных народных припевов.

Дерево памяти не литературная быль. Северный народ свой род знал хорошо — по фамилии люди определяли, из какой деревни человек, чем славится его семья, чем худа и нехороша. Говорят, сидел как-то на высокой земляничной горе веселый старик-странник и пел частушки, где каждую деревню или хвалил, или ругал: «Тут-де женки не пряхи, не ткахи, а там-де жизнь лебединая...» И верно увидел он одно: каждая деревня на свое лицо, как большая семья, где и праздники и работа миром сильны.

От древних новгородцев, переселившихся сюда несколько веков назад, взяли пинежане, сохранив по сегодняшний день, свой звонкий цокающий говор. И приезжий потрясен щедростью слов, из которых лепит свою речь хозяйка каждой избы: здесь есть слово «годяй» — в антипод «негодяю», а грибы называют «губками», низкий берег — «наволоком». За полями и по сей день названия давние: «Стрельчиха», «Казниха». Из пинежских мест знаменитая сказочница Мария Дмитриевна Кривополенова. И сказки, которые здесь бабки рассказывают ребятам, не проговариваются ими, а почти поются, потому как сторона пинежская — «певкая».

— У кого дочке первый год исполнится — уберут полосу и в честь ее поют песню.

— Я всю жизнь пела, — говорит баба Марья. —

Сидишь с прялкой — поешь. Сама сочинишь иной раз. «Выкошу, выкошу чистое поле. Нагоню, нагоню белых лебедей, приготовлю жар и испеку житнички (домашний хлеб)». У меня голос-то был хороший, а сейчас взъерошенный.

Баба Настя не согласна: «Нет, дородный».

— Какой... — вздыхает Марья. — Худой.

Петь вместе — это не говорить разом, это вместе чувствовать, думать, мечтать одними словами и одной, положенной на звуки страстью. Петь вместе — одной семьей ощущать себя. Нет одиноких среди поющих. Из припевок-частушек острое, меткое словечко соскочет, как горошина, — и нет нужды в длинной назидательной проповеди — все уже сказано и вошло в тебя в легком зарифмованном слове.

Песенное воспитание — воспитание чувств — приобщает к братству человеческому, к ощущению бесконечности удивительного нашего мира и пониманию, как свободно проникает красота в звуки, образы, цвета. И потому русский крестьянин, не принимающий красоты без пользы, песню любил и знал — была она частью его жизни.

Есть у архангельского сказочника Писахова сказка про «морожены песни». В старину будто бы мужики замораживали слова, и в дощатых ящиках везли их купцы за границу, а там в натопленном аглицком театре ящики раскрывали, и взлетали льдинками к потолку северные мелодии. Если бы представить, как Писахов, материальную «упаковку» песен, которыми владеет Кеврола, в каждой избе не один сундучок был бы набит этим богатством. Приезжают сюда фольклорные экспедиции, приезжают в места, где поет не горсточка старушек в ярких сарафанах и кокошниках, а каждая хозяйка. Баба Марья поет «лекрутские» песни, ей подпевает Раиса Дмитриевна, слушает в уголке Любаша,

а баба-то Марья их пела еще на девичьих посиделках, где пряли и получали в подарок от парней хитрое веретено с черными точечками — проверяли, сколько напрясть может юная красавица.

Молодых в совхозном клубе осыпают зерном — «столько деточек вам иметь», а потом уж и стол, и тосты, а в сенях станут, прижавшись тесно друг к другу, бабки-«позырянки» — новые платки, красные, зеленые кофты, — и к новобрачным потекут в открытые двери многоголосые русские песни с припевками, с тянущимися, повторяющимися распевками. И не сядет этот хор на скамью, не войдет в горницу — на счастье людей будет петь часами.

А провожают парня в армию — придут женщины и будут петь: и жалобное, про сыру землю-матушку, отца родного — солнышко, или такое лихое, что даже опечаленная разлукой с сыном мать засмеется сквозь слезы. Смотрит окнами на Пинегу Кеврола. Вокруг луга, и чайки летают над травами, обещая перемену погоды. Лес, как высокий забор, стоит поодаль, и солнцу нет помех ни в домах, ни в поле.

...Уезжают кеврольцы, чтобы осесть в Архангельске, Северодвинске, Мурманске. Поживут, поживут в городах — и... возвращаются в родные места. И, качая, несет светлая Пинега на волне, как на ладони, их чемоданы к родительскому берегу.

*Архангельская обл.,
Пинежский р-н,
д. Кеврола*

Читатель. Немало мыслей вызвало у меня знакомство с русскими народными традициями воспитания. Хотя и вопросов возникло не меньше. Хотелось бы узнать, что вы подразумеваете под народной педагогикой.

Автор. На ваш вопрос ответит *Г. Филонов, академик АПН СССР*. Что такое народная педагогика? Это система принятых в данной местности данным народом приемов и методов воспитания, которые передаются от одних поколений к другим и усваиваются ими прежде всего как определенные знания, умения и навыки, приобретенные людьми в процессе жизни. Народная педагогика предполагает передачу социального опыта, норм поведения, общественных традиций, той или иной идеологии.

Народная педагогика проявляется в моральных законах и обычаях, закрепляя сложившиеся традиции. Существовая со времени возникновения человеческого общества, она впитала в себя вековые обычаи и требования к воспитанию детей.

Читатель. У В. Астафьева есть замечательные слова: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина — он еще не сирота. Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине... Родина — это все: и прежде всего язык, природа, древняя история своей страны, ее праздники, народные песни и сказания, память о предках и уважение к родителям, а главное — труд, творческий, созидательный труд, труд во имя своей страны, своего народа».

Но как, с помощью каких средств народная педагогика растит в душах детей чувство Родины, чувство родства с окружающим миром?

Автор. Любовь к Родине — это любовь к матери, любовь к своей земле, народу своему. Впрочем, давайте послушаем, что говорят об этом наши с вами современники, люди самых разных профессий. «В хорошей беседе ума набраться...» — говорит старая русская пословица.

Б. Бессонов, профессор, доктор философских наук (Москва). Живя тысячелетия на этой земле, народ просеял через невидимое сито все культурные ценности, и то, что дошло до нас, должно быть дорого нам. Вот почему мы должны хранить и оберегать и старые колыбельные песни, и национальную одежду, и изумительные народные праздники и танцы, и художественные ремесла, и старую живопись и архитектуру. Мы должны хранить память об их творцах, о тех, кто мужественно бился за независимость нашей Родины, о тех, кто боролся за свободу и счастье нашего народа. Ибо Родина — это не только день сегодняшней, но это и наши корни, питавшие и питающие нас. И эти корни — славная история нашего народа — питают не только настоящее, но и будущее.

Но прежде всего мы должны стремиться передать нашим потомкам сокровища нашего народного языка. Язык народа, язык Родины... Сколько сказано о нем проникновенных и величественных слов его лучшими сынами! Обращаюсь к прекрасным словам К. Д. Ушинского, посвященным великому русскому языку: «...в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исто-

рических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой жизни, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове... Когда исчезает народный язык, — народа нет более».

В. Чурюмов, учитель (с. Болотино Глодянского р-на МССР). С чего начинается Родина? Наверное, с родительского дома. Прошло полтора года с тех пор, как из-за частых бомбежек мы уехали с железнодорожной станции в глухое село к знакомым. Каждый день для нас в тягость. Там не сядь, то не бери. Немца отогнали, и мы возвратились домой. Нет в доме окон, поломан забор. Но мы ничего этого не заметили. С волнением вошли в дом. Чем возможно, забивали разбитые стекла. Растопили печь. Весело затрещали дрова. Все знакомо до боли: каждая трещинка, каждый сучок.

М. Дриаева (Ленингорийский р-н, Юго-Осетинская автономная обл.). В августе у нас в горах начинается сенокос, нужно успеть собрать на зиму для скота сено. Взрослые мужчины косят сено, женщины собирают его в стога, и дети работают: приносят кто воду из родника, кто обед. Во время сенокоса, кроме стариков и малых детей, никто дома не ночует. После рабочего дня, усталые, лежим мы на свежескошенном сене. Запах разных цветов, свежего сена, чистый горный воздух, легко дышится и не чувствуешь усталости. Тихо вокруг, только голос ночного орлика временами нарушает тишину. Не заметишь, как и утро настанет, как красиво взойдет солнце в горах...

Я давно живу в городе, но родные места, где выросла, родной очаг, который согревал меня в детстве, — разве можно это забыть?

В зимние ночи мы, дети, собирались у кого-нибудь из соседей. Женщины занимались рукоде-

лием, вязали, шили, готовили кушанья. А нам старики рассказывали разные истории. Мы очень любили слушать старика Артема. Он нам рассказывал сказки о семиглавом великане, о том, какие славные предки были у осетин — аланы, какими были мужественными воинами, о том, как во время Великой Отечественной войны наши односельчане ушли на фронт, какой героизм проявили. Многие из них не вернулись, о них надо помнить всегда. Дядя Артем нас учил: «Надо любить родную землю, быть мужественным, честным». Его слова мы запомнили навсегда.

И. Оршибеков, доцент кафедры педагогики Джамбулского педагогического института имени 50-летия Октябрьской революции (КазССР). Народный кодекс воспитания казахов на первый план выдвигает служение народу, стране. Воспитательный идеал народа, его беззаветная педагогическая мечта выражается в подготовке «ел ушин енреген ер» (в подготовке героя ради своей страны). Каждый должен считать своим долгом при необходимости пожертвовать собой во имя Родины, расцвета своей страны, благополучия и умножения богатства народа. Служение народу должно превратиться в личные убеждения, в правила повседневного поведения человека.

Народные казахские герои долго странствуют по свету, мужают в борьбе с различными злыми силами. Добрые люди им помогают. Да и сами герои не раз оказывают помощь людям, находящимся в руках злодеев. Наконец после страданий и мучений, преодолев все муки борьбы за торжество добра и справедливости, они достигают благородной цели. Наши советские патриоты в период гражданской и Великой Отечественной войн были именно такими.

В моральный облик «героя своей страны» народ включает такие черты, как доброта и отзывчивость, почтение к родителям и старшим. Народный герой — защитник сирот и вдов, заступник бедноты и угнетенных, отважен и храбр, беспрдельно любит свою Родину. Не случайно казахи говорят: «Не будь сыном отца, а будь сыном народа». Следовательно, в пробуждении у молодежи убеждений в духе служения народу, своей стране и состоит огромное значение идей нравственного воспитания казахской народной педагогики.

Казахи придают огромное значение формированию у ребенка чувства справедливости. У казахов справедливым считается только тот, кто может даже волосок разделить по справедливости на две части («кара кылды как жарган»), кто не отклоняется от истины даже на волосок («кылдан кисаймайтын»). Справедливость, стоящая за правду горой, казахами ценится как высокое моральное качество. По убеждению казахов, справедливый человек — настоящий герой. Они говорят: «Правдивое слово приведет к истине, лживое слово — только к его хозяину». Таким образом, чувство гражданственности, стремление добровольно служить родной стране ярко выражены в казахской народной педагогике.

М. Юхма, писатель (Чувашская АССР). Был у меня старый друг Алим-пичче, пастух. Однажды, гоняя стадо, мы вышли на опушку и наткнулись на огромный муравейник. Играя, я проткнул его прутиком. Алим-пичче сказал:

— Нельзя трогать муравейник. Говорят, будут муравьи проклинать: «Пусть так же уничтожится твой дом».

С тех пор муравейник всегда ассоциировался для меня с родным домом. Нельзя разрушать родной дом, так же как и муравейник.

...Может быть, воспитывая детей, мы должны чаще возвращаться в свое детство?.. Люди тысячами воспитывали детей. За это время формировались у каждого народа своеобразные обычаи, добрые традиции. Не были ли они тем основанием здания, называемым «народная педагогика», на котором оно держится?

...Целый год не был в родных Сугутах. Спускаюсь с высокой горки, перехожу через речку. Вот и моя деревня, моя любовь, мои мечты. Мимо меня проходят люди. Я им кланяюсь:

— Аван-и!

Старые люди отвечают мне по древнему обычаю:

— Аван-ха.

Молодые по-новому:

— Салам.

Я вижу у некоторых в руках транзисторы, звучит какая-то современная музыка. Девушки улыбаются мне, они, как весенние цветы, в ярких национальных платьях. Я иду и оглядываюсь по сторонам: тракторы, комбайны. На домах паутиной висят антенны телевизоров. Прохожу мимо нового сада. Приметы нового, приметы роста, культуры.

Хорошо это или плохо? Хорошо!

Но что же это такое? Недоуменно оглядываюсь. Где же лап (сельская площадь)? Его нет. На этом месте всегда зеленела трава. Сюда по вечерам собирались мудрые шурсухалы и вели свои нескончаемые беседы о вечности и переменчивости жизни, о бессмертии мечты. Здесь играли мы, ребяташки. Здесь проходили девичьи гулянья в день Синье (день пробуждения травы). Я вижу, как наяву, моего старого друга, любимого всеми детьми деревни, мудрого пастуха Алим-пичче. Здесь ждали мы его вечернею порою, здесь сидели около него, слушали дивные сказки о Кармал-баторе, спящем

уже несколько веков под землею и готовом встать, когда народу грозит опасность, о Ламане, величайшем герое древней Чувашии, о Сунае и его железном коне, об Ульпе, добром великане, восставшем против бога, чтобы дать людям счастье, а потом плясали джигитские пляски под звуки его кавалы... Но самое незабываемое — вайа, девичьи хороводы. В красивых двухоборочных платьях, в островерхих тухья, собирались сюда девушки, собирались ради вайа.

Дома встречает меня старая мать.

— Я ждала сегодня тебя, — говорит она.

Всегда так, каким-то чутьем угадывает она день моего прибытия.

Вечером спрашиваю:

— А где бывает теперь хоровод?

— На хоровод девушки не собираются.

— Но почему? — И сам думаю: вот отучили курицу летать. Уже сколько веков прошло с тех пор, но она все машет крыльями. Человек тоже так, с щемящей тоской будет думать о красивых обычаях, традициях своего народа, если они забыты незаслуженно.

Нашел я хоровод на лесной стороне, в самых глухих деревушках, в Шераутах и Тарханах. Несколько вечеров специально выходил я на сельские лапы и любовался девушками, водящими хоровод, парнями, увлеченными древними играми.

Красивы песни хороводные, у них особая мягкая и задумчивая мелодия, будто идущая из глубин веков и приносящая тоску о прошедших годах.

Древние легенды моего народа говорят, что этот рисунок танца девушек напоминает древнюю письменность, что, зная эту письменность, можно прочесть о желаниях и мечтах девушек.

Да, вайа хранит древнюю культуру моего наро-

да. Она является своего рода выражением национальной сущности, и явление это не временное, а исторически сложившееся, и поэтому, мне кажется, не должна и не может исчезнуть без следа...

Я храню много сурбанов моей матери и бабушки, похожих на длинные полотенца и вышитых изумительными орнаментами и фигурами. Есть среди них и сурбаны моей прапрабабушки. Все они мне кажутся волшебной открытой книгой, рассказывающей историю народа с древних времен до наших дней.

Холодными зимними днями ткали чувашские женщины свои неповторимые сурбаны, думая о летнем дне, когда возвращенное солнце разогреет весь мир. Для маленького чувашонка сурбан был первым миром искусства. Глядя на материнскую работу, он учился видеть красоту, он учился понимать прекрасное. Умирая, бабушки дарили сурбаны своим внукам. Это считалось самым большим подарком. Женщина была хранительницей не только семейных преданий и легенд, но и мира прекрасного.

Г. Волков, профессор, доктор педагогических наук (Москва). В Вологодской области есть маленькие селения и небольшие избушки. Стоят в них большие старинные сундуки. В сундуках тех девичьи праздничные наряды состарившихся после войны бабушек и прабабушек. Никто сейчас не носит таких нарядов. И не интересуется ими никто. Стоишь удивленный... Более того — потрясенный: сколько чутья к рисунку, краскам, линиям в праздничной женской одежде!

Поразительно тонким был художественный вкус у народа. У молодежи развивалось чувство меры. Какие чудесные вышивки делали и какие кружева вязали девушки! Налицо — материализованный духовный заряд ушедших поколений. Сундуки те — эстетические арсеналы или художественные музеи в консервации...

Кимоно, дэли, сари... Быть может, не напрасно собирал «волшебник из Павлыша» национальные костюмы в своей школе? Они и сегодня могли бы украшать праздники. Вместе с песнями и танцами народными. Душа народа и в них. Любила она, эта благородная и возвышенная душа, одеваться в праздничные наряды. И отвергала шаблонность и стандарты, будь они и очень модными.

Т. Тимошина, преподаватель Мордовского педагогического института имени М. Е. Евсеева. Исстари мордва живет главным образом в лесной местности, расположенной между Волгой, Окой, Сурой и Мокшей. Жизнь народа настолько тесно переплелась с лесом, что о нем самые лучшие песни и сказки. У нас говорят: «Яблоками насытишь желудок, а березой — душу».

Дети сели в плотный кружок, слушают сказки. В них звери, птицы самозабвенно заботятся о своем потомстве, помогают друг другу, плачут о погибших от рук охотников. Кончилась сказка, разбежались дети. А через некоторое время мальчишка из рогатки убил скворца. Взрослые ему говорят: «Ты бы смог жить без отца и матери? Нет? А как быть птенцам, оставшимся в гнезде?»

К природе самое бережное отношение. Поэтому никак нельзя пройти мимо того, кто уничтожает живое.

Разорил мальчишка муравейник и наслаждается зрелищем суетливо забегавших муравьев. Заметил это проходивший мимо мужчина, подозревал мальчугана: «Посмотри, как хорошо кругом! Если же каждый хоть что-то уничтожит в лесу, от этой красоты ничего не останется. Плохое дело делаешь, сынок».

Т. Ормонов, заведующий кафедрой Ошского педагогического института. В киргизском эпосе «Манас»

есть такие строки:

*Что же будет с ребенком его,
В искорку величиной?
Что же будет с отчиной его,
С прекрасной его страной?*

Эта параллель — ребенок и Родина — величайшее двуединство, в нем наилучшим образом проявляется не только патриотизм народа, но и его отеческая забота за судьбу грядущего поколения во имя лучшего будущего Отечества.

Г. Волков, профессор, доктор педагогических наук (Москва). Молодая бабушка пестует внуку:

*Сорока, сорока,
Сорока-белобока,
Кашу варила,
Детей кормила.
Этому — дала,
Этому — дала,
Этому — дала,
Этому — дала...*

Далее, останавливаясь на мизинце и еще нежнее прижимая к себе внуку:

*А этому,
Самому ма-аленькому,
Самому хоро-ошенькому,
Не дала,
Говорит:
«Воды не носил,
Дров не таскал —
Нет тебе каши!»*

Печальная, казалось бы, история. Но не кашей же единой жив человек, есть еще и полет в неизведанное, непознанное.

Разводя ручки в стороны и затем быстро положив их на голову, сказала бабушка:

*Шу-у-у, полетели —
На головушку сели.*

Что это? Пестушка, потешка, прибаутка, считалка? И то и другое. Более того — и поэтическая сказка, почти доступная младенцу. И самый первый в жизни ребенка гимн труду, безоговорочно — гимн, хотя и отец уже давно не носит воду, не колет и не таскает дрова. И театр одной артистки: бабушка — и в роли сороки, и в собственной роли, сама же — и поэт. Режиссура — тоже ее. Великий воспитатель — родное слово. Никакая книга, никакой магнитофон, никакой телевизор никогда не сможет заменить ни бабушку, ни прабабушку. «Полетели...» Куда? Кто? С кем? Сорока не была одна. Внучка — вслед за сорокой? Или вместе с бабушкой? Тогда зачем же они сели на головушку?.. Какой-то странный полет.

Неожиданного, парадоксального много в любом творении народной педагогики. Самое любопытное в том, что мною приведен вариант широкоизвестной пестушки, никогда еще не опубликованный. Многовариантность, подчеркивающая индивидуальное творчество каждого из представителей народа, свидетельствует о том, что в воспитание детей вкладывается душа. Можно ли ее канонизировать?

Я привел самое простое народное творение, обращенное к ребенку, чей возраст исчисляется только месяцами. Но у народа есть на все случаи жизни ребенка поэтические шедевры — когда ребенок гулит и агукает, просыпается и потягивается, становится на ножки, учится ходить... Движениями детских ручек изображается растягивание холста; делающего первые шаги зовут в лес за мхом, чтобы избушку мшить, чтобы нехолодно жить... Подбрасывают ребенка вверх — напевают, покачивают на коленях — приговаривают, припевают речитативом... Велик и гениален русский народный эпос, адресованный ребенку.

В. Ситников, писатель. В детстве самым большим

авторитетом для меня был дедушка, Василий Фадеевич. По-доброму, ненавязчиво он и приобщал меня к книге, и учил подшивать валенки, и выпиливать лобзиком фанерные узорчатые крышки для гармоней, которые ремонтировал во множестве. В голодную военную пору умел проявить доброту, утешить и успокоить людей. К нему всегда шли за советом, хотя он был просто старый плотник, гармонных дел мастер. Почти у каждого в памяти светлые дни детства, связанные с бабушкой или дедом. Старики нянчились со своими внучатами, учили их уму-разуму, показывая, как надо свято беречь хлебushку, как сажать лук на грядке, подрезать в лесу грибы, пасти корову... Да мало ли житейских наук прошли мы под руководством своих деревенских и городских стариков! Есть такое понятие «семейная психология», которое включает в себе принципы домашнего воспитания. Может, они не всегда совпадают с приемами школьной педагогики, но, на мой взгляд, всегда верно направляют ребенка, подростка, учат, как позорно безделье. «Без труда не может человек соблюсти свое человеческое достоинство», — говорил Лев Николаевич Толстой. Такой же точки зрения придерживаются обычно крестьянские семьи, стараясь с ранних лет приобщить ребенка к работе. Много делают отцы и матери, бабушки и дедушки, которые прививают своим детям и внукам любовь к родным местам, к сельскому труду.

Богатой стала нынешняя деревня. И заработок неплох, и хлеб не пуст, а вот родители неохотно соглашались, чтобы дети остались в селе. Да, сильной была миграция из областей северного Нечерноземья — не потому ли понесло Нечерноземье большие потери не только в людских ресурсах, но и в утрате традиций? Тех традиций, которые старшее поколение передает младшему, отцы и матери — детям,

деды и бабушки — внукам... Традиции эти заключаются и в отношении к труду — своему и своих предков, к ниве и лугу. И тут разговор о деревенских стариках неминуемо переходит в разговор о корнях наших. Каждый год совсем еще недавно в областях северного Нечерноземья выпадали из оборота тысячи гектаров пахотной земли. Значит, сводился на нет труд многих крестьянских поколений, что веками создавали ниву, отвоевывали ее у тайги, создавали плодородный слой, в котором вся сила поля. Ехал я как-то на скоростном теплоходе с капитаном, человеком сравнительно молодым, думающим. Плыли навстречу нам раздольные луга с пасущимися коровами, обновившиеся селения, но чаще видели мы почерневшие от дождей, солнца и времени покинутые деревушки. Костром торчал тес провалившихся крыш. Грустно было смотреть на эти деревеньки. Да, говорил капитан, не скоро вновь придут в эти покинутые селения люди. Что привлечет их сюда, как они будут жить, эти новые, капитан не знал, но думалось ему, неминуемо прервется связь крестьянских поколений. Мне это казалось мрачной фантастикой, пока не вспомнились слова французского писателя Экзюпери, когда Маленький Принц спрашивает у Цветка: «Где же люди?» И Цветок отвечает: «Их носит ветром. У них нет корней...»

Быть без корней! Не помнить преемственности поколений, не испытывать почтительного уважения к тем людям, которые жили до тебя, к тем местам, где ты родился! Возможно ли такое? Говорят, возможно. Но это противоестественно...

**Хорошее дело
само себя хвалит (хакас.).**

**У бросившего работу
останавливаются челюсти
(арм.).**

**Из маленькой лени —
большая лень,
из маленького дела —
большое дело (бурят.).**

**Человека греет не шуба,
а работа (туркм.).**

**Для еды малая семья хороша
для работы — большая
(якут.).**

Хлеб родного дома

Еще черны, будто нет у них дна, арыки, еще не проткнул розовый луч шершавые ветви тутовника и небо бледнеет в изморози. Кишлак встает, подметает дворики, кипятит чай, доит коров. Еще раньше стариков, по обычаю, поднимаются здесь невестки. Дети готовят завтрак, тащат корм овцам, подставляют ноги и кувшинчики под струю воды из колонки.

Две с половиной тысячи жителей в кишлаке — четыреста дворов. И каждый год четыреста детей рождаются здесь.

В честь новорожденного сажает отец тополь. Де-

рево растет вместе с сыном, и никто не смеет коснуться ствола топором. Задумает сын строить свой дом, тогда и пригодится ему светлый, как свеча, тополь.

Родив малыша, мать и отец «теряют» свои имена, называя друг друга именем первенца. Не иметь детей — горе и стыд. И бездетную семью ждет отчуждение, пока те не возьмут у родных или из детдома малыша на воспитание. Нередки здесь женщины, воспитавшие неродных детей, ставшие им настоящими матерями.

Как круглая хлебная лепешка, бесконечен бег жизни в доме Сатвалды-ака. Младшая невестка в роддоме, а уже обсудили, как вносить внука во двор: ногами или головой. Считается, что в первом случае он быстро пойдет и вырастет добрым человеком, во втором — будет хорошо владеть языком и станет оратором. Решили: главное — быть добрым. Приняла ребенка на руки самая старая родственница семьи. Так же долго живи, малыш! Качается детская колыбель, а скоро родит и жена старшего сына. А там подоспеет свадьба четвертого сына, на очереди пятый... Одиннадцать детей у Хошимовых — семья в двадцать пять человек, из которых старший сын Махпрали — заместитель директора школы, а в ней первоклассницей его младшая сестра Мухтасар.

Сатвалды-ака — пятьдесят один год, а его жене Хадычи-опа, матери-героине, еще и пятидесяти нет.

Сатвалды-ака прожжен и просушен солнцем, и черная его шея не знает шарфа даже в январские дни. Он идет с нами по улице и шутливо просит, чтобы жена хоть на полшага шла позади: «Все-таки я старше ее». Всю жизнь он был мирабом — чисто узбекская профессия: отводить воду на хлопковые поля. Сейчас — дехканин.

Возле ворот на корточках, как крошечный пухлощекий зверек, сидит Мухтасар, младшая, любимица

отца. Даже ночью, когда бы отец ни пришел домой, проснется и в темноте затопает ножками — к отцу. Все ее стихи и песни — для отца!

«Когда мы построили этот дом, — говорит Сатвалды-ака, — отец мой был жив. Он всегда много работал, ничего не знал, кроме работы. Когда постал, лежал плоский и слабый. Молча тосковал. Просил, чтобы я отнес его туда, где стоял старый наш дом. И я взваливал его на себя и тащил. Однажды он мне сказал: «В старости понимаешь, как нужен рядом любимый человек. Никогда не обижай жену. И смотри, как растет сын. Что бы я делал сейчас, если б не ты. Лежал бы, как полено...»

В одной из книг, посвященных Востоку, говорится о ежедневном счастье узбека «почтительно созерцать белую бороду, без которой, как равно и без младенческого крика, дом считается наполовину пустым, ибо хорошо и спокойно бывает на душе у человека только тогда, когда он находится между тем, кто дал ему жизнь, и тем, которому он сам дал жизнь».

...В доме Сатвалды-ака много одеял, до потолка расцвечивают они белые ниши. В доме Сатвалды-ака много вышивок: вместе с молодой женой вошли они в дом как ее приданое и многие годы рассказывали живущим здесь вечные и мудрые двустилишья собственного сочинения о любви, верности, красоте. В доме Сатвалды-ака, как и у соседей, ковры и сюзане, глиняные пиалушки и блюда для плова.

Лучшему гостю на ночь дадут тут ватное одеяло, стеганное настоящим шелком, чтобы, скользя во сне по цветастым узорам, гость боками своими ощущал плоды труда хозяина. Так крепче поймешь, отчего руки его такие большие, отчего в кишлаке нет ни у кого потребности в диете, отчего нет здесь и толстых,

перекормленных детей. Сухощавые, мускулистые, ловкие: их спорт не подвесные комплексы в квартирах, а труд.

Много чего есть в узбекском доме. Нет только... игрушек. На улице в калошах на смуглую босую ногу пятилетний крепыш лихо стегает нагайкой деревянную юлу. Классики у соседних ворот. А куклы, машины, заводные и всякие, клоуны, конструкторы, пушистые, мордастые звери — где они? У всех моих знакомых городских малышей их столько, что впору открывать домашние детские магазины.

...Восьмилетняя Матлуба пытается посадить удобнее в коляску полуторагодовалого племянника, а у того сползает на глаза шапка, и он, поднатужившись, скидывает мохнатый треух на землю. В другом углу коляски кряхтит, пищит, требуя синего неба, внимания и вообще воли, трехмесячная дочь Гафуржана. Матлуба качает этот маленький ковчег, а за глиняной стеной хлопают белыми ресницами овцы и лезут друг на друга, стараясь ухватить что-нибудь из кормушки, хотя одиннадцатилетняя Мавлюда еще ничего им не дает, она еще только сметает солому и сор в кучу.

— Бе-е... — хрипло кричат в темноте овцы.

— Бе-е... — весело показывает язык своему племяннику Матлуба, и тот хохочет.

А потом, когда малыши перейдут на руки разогнувшихся от стирки мам, девочки побегут полоскать белье, потом их кувшины заплещутся водой, и солнце покроет их влажные бока розовым серебром, потом они приготовят похлебку — одна из сестер мимоходом подбросит несколько прутьев в костер, и закипит, пучась белым жиром, суп.

Кукол нет, но есть живые, любящие ласку человечки, есть настоящие животные и птицы. Из этого богатства нельзя собрать лавку для распродажи

старья. Это — мир, где нет отдельно понятия «работа» и понятия «игра».

— Убери за собой, — пригрозила как-то четырехлетнему москвичу его няня, — а то мать придет, заругает.

— Не заругает, — последовал невозмутимый ответ, — сама уберет.

Есть у узбеков пословица: «Дочке десять лет — матери дела нет». Представляю, как споткнутся об нее иные мамы, имеющие не десятилетних, чего уж там, а семнадцатилетних дочек и сыновей, которым по телефону сообщается ежедневно, «где сырники лежат, чтобы поели, а каша не сковороде, а хлеб бабушка купит и принесет...»

В статье «К вопросу о социалистической школе» Н. К. Крупская писала: «Школа должна укрепить и углубить проснувшиеся общественные инстинкты ребенка, раскрыть перед ним, что труд лежит в основе человеческого общежития, научить его радости творческого производительного труда, дать ему почувствовать себя частью общежития, полезным его членом».

Народная педагогика учила трудолюбию с малых лет — поначалу в семейных делах, но вырастал человек, и проверка его трудовой подготовки всегда была общественной.

Одна из важнейших заслуг народной педагогики перед всем человечеством состоит в разработке ею принципов одной из главных педагогик — **педагогики труда**.

...Хлопок и шелк — нет древнее и священнее занятия для узбека. И нет труднее дел. Кто победил в сборе хлопка, тот в любых боях победит.

Еще сегодня машины — часто лишь помощники в поле, а не основные работники. Прополка, окучивание — все вручную. Дождь утих — вновь спешит с

кетменем к крошечным росткам: солнце одинаково щедро и к сорняку, и к другу-ростку. Прошлая весна была дождливой, и радуга поднималась над скло-ненными спинами работающих.

Хлопок и шелк. Один созревает в полях, другой — среди глиняных стен. Каждая семья в кишлаке выращивает шелковичных червей: получив на дом 40—45 граммов точек-личинок, спустя два месяца сдают 140—145 килограммов шелковых коконов. Но это потом, а пока вся семья спит на улице, комнаты отданы шелкопряду. В четыре утра поднимаются мужчины и подростки и уходят с топориками резать ветки тутовника, пока роса и листья свежи и сочны. Прожорливым ткачам корм дают по режиму три-четыре раза в день, строго соблюдается температурная норма, иначе шелкопряд погибнет. Подростки таскают ветки, сортируют листья, убирают мусор.

— Шш... шш... — едят и растут гусеницы, и в комнатах от них белым бело. Съедят все, приподнимутся и головками качают, ждут. Хозяйка зайдет: «Поели...»

Хлопок и шелк, скот да собственный огород с собственными сорняками. По два-три урожая умелый хозяин снимает со своих десяти соток. А у подростков еще и школа, уроки, экзамены. Покрутись-ка под благодатным солнцем, когда летом сорок градусов в тени!

С того самого дня, когда кроха начинает понимать значение слова, в узбекской семье он включается в гибкую, но непрерывную систему воспитания. Прежде всего трудового. С двух лет у него свои обязанности и дела по дому. Сначала принести пиалушки, подмести пол, воды в маленьком кувшинчике подать... Растет человек, и мир с ним, и границы дел его шире.

«Я в детстве посещал ясли, а сейчас оттуда забираю братишку. Встаю в шесть утра, смотрю за животными. После школы часто работаю в поле».

«Из детского садика меня забирал папа. Потом мы с ним делали мужскую работу: пилили дрова, давали корм животным, короче говоря, до позднего вечера мы делали то, что доступно и ребенку. Цель отца — не воспользоваться моей работой, не искать выгоды, а воспитать меня закаленным, выносливым и сильным. Тогда я этого не знал, а сейчас понял».

«Сейчас мне 15 лет. Если писать о своем прошлом, получится целая история. Например, я с детских лет помогала матери подметать двор. Мне часто родители говорили: «Увидишь на улице старшего, обязательно поздоровайся, увидишь, что старшие несут ношу, обязательно помоги».

«В 2—3 года я умела хорошо читать стихи, танцевать, рассказывать сказки, в 4—5 лет выполняла легкие работы по дому. В 7 лет пошла в школу. В это время я приносила воду, мыла посуду, кормила баранов.

В 14 лет стала выполнять полевые работы. Я очень благодарна родителям за то, что они выделили мне комнату, поставили стол и стулья, собрали необходимую библиотеку. Я каждый день завтракаю в 7 часов. Сама собираюсь и собираю братишек в школу. В школе чистят крыши хошаром — сообща, вместе. Работают в саду. Все связаны с полем работой. Мой отец — рабочий, а мать — сборщик хлопка. Я тоже хочу стать, как мама, механизатором».

«Я хоть и молодой сейчас, но выполняю много работы, так как никогда не устаю».

«Когда мне мама и папа поручают какие-то дела, я всегда отвечаю: «Хоп!»

«Я не понимаю, как это отдельно работать и отдельно думать, — говорит Сатвалды-ака, — работай

и думай. Старший сын мечтал быть учителем. Однажды сказал: «Я хочу быть учителем». Я: «А может быть, механизатором?» Он промолчал, а потом кончил школу и сказал, что поедет в Коканд на педагогический. Я не хотел, думал, что не поступит: сельская школа. Коканд — чужой город, но ему не сказал. Поехал с ним. Перед каждым экзаменом уходил с ним в чайхану, хорошо кормил: яйцами, молоком и внушал: «Говори с учителем так же, как со мной, спокойно, не торопись, может быть, ты провалишься, но расскажешь все, что знаешь». Он сдал все экзамены хорошо — и поступил. Я уехал обрадованный и огорченный. Через два года он приехал как-то, увидел своих друзей — кто с кетменем, кто просто болтается, расстроился и решил, что здесь лучше, и сказал матери: «Я, пожалуй, не прав, а отец был прав, надо мне вернуться. Сейчас ходил бы со всеми». Я был у родственников. Вернулся — жена мне все рассказала. Тут же поехал в Коканд, прождал его три лекции, повел в чайхану: «Ты что меняешь свои взгляды, словно девица. Реши так или так. Как мужчина. Через неделю приезжай и скажи. А если и у нас тебе трудно будет, тоже пожалеешь? Подумай и только тогда решай, но каждое дело нужно делать до конца».

Старшим, уже женатым сыновьям Сатвалды-ака говорит: «Я посадил на 140 рублей чеснок и подсчитал, что от выручки мы пошлем деньги брату, который учится, а на остальные купим обувь, платье. Сейчас много сорняков на грядках. Если мы их вместе не прополоем, что ж, пропадут наши 140 рублей».

Не требует он: «Я вас растил, а теперь вы платите долги старику отцу», не силой власти подчиняет, а стремится у каждого вызвать личное желание поработать.

...В розовом молоке вечера дома за дувалами (заборами) попыхивают дымоходами, будто раскуривают трубочку перед беседой.

— Ать-ать, — легонько постукивает малыша по боку двенадцатилетняя Мавжуда, потом накрывает его детским голубеньким пальто и занимается ужином. А он тихо посапывает, крошечный комочек. Телевизор в нише показывает фильм, и герои громко поют. У темного окна на корточках Матлуба долго всматривается в задачник для II класса, потом берет тетрадь, в середине страницы круглая клякса, здесь Матлуба писать не хочет.

— Сатвалды-ака, — обращаюсь я к хозяину дома, — били вы когда-нибудь своих детей? Одиннадцать человек, шутка ли!

Сатвалды-ака осторожно поставил пиалу на пол, чай качнулся зеленым солнцем. Хадыча-она посмотрела на мужа.

— Ни разу не бил, — строго сказал он и сжал в щепоть тонкие длинные пальцы, чтобы показать крошечную детскую душу. — Когда бьешь ребенка, его тело привыкает к ударам, а душа злится.

Когда бьешь одного, чтобы другие не повторяли, — плохо. Дети в душе всегда за детей. Они после этого тебя будут только бояться. А потом, что скажет сосед, — поднял палец Сатвалды-ака, — когда у тебя во дворе плачет ребенок?

Пришел гость, расстелен для него дастархан — стол, и малыш первым потянулся к лучшему куску. Увидят, запомнят, промолчат, чтобы не унижить свой дом криками. И только когда останутся одни, скажут слово укора ребенку, и тот запомнит.

— Слово глубоко внутрь уходит — к слову не привыкнешь.

Сатвалды-ака очень серьезен: важные вещи говорит.

Один из сыновей остался на второй год и долго это скрывал от отца, потом Сатвалды-ака узнал, конечно. И был у них мужской разговор. Без криков, без рева. Не при всех — отдельно, с каждым говорят, и сурово, если надо, отец и мать.

Глиняные дувалы в кишлаке выше человеческого роста, только недавно окна в домах стали прорезать в сторону улицы, они висят в темноте желтыми нарисованными пятнами. Двор, как оазис, замкнут и самостоятелен, не все равно, что скажет сосед по поводу твоих домашних дел.

Хадыча-опа качает головой и улыбается...

В кишлаке есть человек, мастер варить плов, и его зовут на все праздники и свадьбы варить плов.

В кишлаке есть плакальщицы, которые так поют и плачут, когда человек умер, что люди очищаются в этом море слез. И этих плакальщиц всегда зовут на поминки.

В кишлаке есть сапожник, и его сапоги носятся по три и по четыре года и не рвутся по швам, а лишь белеет и стирается кожа. И все покупают его сапоги.

В кишлаке есть музыканты, которые играют на свадьбе, есть аския, от остроумия которого смеются даже деревья. Есть портнихи, которые шьют одеяла — 20 штук нужно в приданое каждой невесте из очень красивой ткани. И когда назначен день свадьбы — этих старух зовут шить.

Наконец, в кишлаке есть аксакалы, мнение которых очень важно для всех.

— Я женил старшего сына, я женил еще двух сыновей и отдал замуж дочь. Как бы я сделал это один? — спросил меня Сатвалды-ака.

Сколько лепешек требуется на свадьбу! А плова! Много! А как же — зовут всех.

В дом жениха зовут соседей-мужчин — помогать

чистить морковь для плова. Утром бежит по кривым улицам гонец и кричит в каждые ворота: «Приглашаем на свадьбу!» Потом группками потянутся по дороге женщины, на голове у каждой плывет цветастый куль с лепешками, сладостями, подарком молодым.

Огромный костер разожжен у входа в дом жениха. Сухой хлопок посылает в черное небо сотни звезд. И гуськом под покрывалом с пением обходят костер невеста с подружками. Три раза обходят костер, прежде чем войти в дом мужа, чтобы любовь их была горяча, как костер, а жизнь светла и ярка.

До седьмого колена юный житель кишлака знает свою родню: бабушка или дедушка нараспев обо всех рассказывают, а потом и видятся часто. Задумал кто строить дом — положил стропила и зовет всех на хошар — за несколько дней дом готов. С шутками, песнями, под дымок острой шурпы. Сад закладывать или готовить его к весне — объявляется хошар, и все выходят: дети, старики, взрослые. Кто чем может — хоть словом, советом.

А раньше, до постройки Ферганского канала, каждую весну кишлак снаряжал караван из арб, нагруженных кетменями, ехали семьи за сорок километров — чистить к посевной арыки. Это — тоже хошар. Особенно ярко коллективистское начало хошара проявилось сегодня, при социализме. Понятие себя как частицы общего сидит в каждом крепко, как позвоночник. Нельзя плюнуть в воду — а вдруг кто из арыка пить будет. Нельзя хлеб бросать — его столько людей потом полило. Даже кусочки собирают, поджаривают в жире и съедают.

Нельзя на хлопок наступить: дочь солнца и человека — хлопковая коробочка. В страду даже младенцев берут с собой в поле женщины и там в тени огромных деревьев устраивают общественные ясли.

Разумеется, не все обычаи хороши, есть такие, которые подчас могут использоваться во зло человеку. Но в своей основе народные традиции воспитания всегда утверждают в человеке доброе. Именно такие традиции и надо беречь и приумножать.

«Мне часто мама говорила: «Делай людям только добро. Хочешь кому-то сказать плохое, подойди к арыку и скажи эти слова в воду — вода их унесет прочь».

«Как-то я бежала по двору, упала и сильно ушиблась и заплакала. Подбежала мама, подняла меня, поцеловала в лоб и сказала: «У тебя впереди еще много трудностей. Если из-за каждого пустяка будешь плакать, слез не хватит». Тогда я не поняла, какие трудности, но поняла одно: если у меня закончатся слезы, то что я буду делать на похоронах?»

«Я не помню, чтобы я что-то делал один. Вместе с братьями веселее и быстрее. И еще, сколько я себя помню, я — участник всех семейных советов и переживаний».

«Сам я свое прошлое не помню, но вижу, как мама относится к младшим, вижу ее доброту, думаю, что и меня она тоже так же воспитывала. В 3—4 года я выполнял сравнительно небольшую работу: мыл пиалы, подметал пол. На ночь мама стелила мне очень мягкую постель и, пока я не засыпал, пела мне колыбельные песни».

...По улицам миллионных городов ходят красиво одетые люди, а ты порой одинок. И можно мысленно перемерить все модные костюмы, распахнувшие рукава на витринах, и пересмотреть кинофильмы. Но потом, дома, ты сварешь одну чашечку кофе и поставишь перед собой одну тарелку. Почему мы считаем, что одиночество — плата за годы? Я видела в пражском «Бюро знакомств» анкеты, которые за-

полняют приходящие сюда люди, к ним приколоты фотографии. Какие там лица, простодушные, строгие, кокетливые... Одна так просто красавица. Ей только двадцать!

Как мы иногда рано смотримся в зеркало одиночества. Что же говорить о старости? Как сказал один человек, старики становятся детьми, если они не у дел.

В гостях у Сатвалды-ака пожилая женщина. Муж умер. Есть сын, внуки, но они живут отдельно. Значит, одинока? Она не понимает моего вопроса. А сын?

— Да он и сейчас мне всю зарплату отдает. Смотрите... — И женщина достает из кармана деньги. — Вчера принес. И во всех семейных делах советуется. Как одинока?

Ее сына я знаю, это директор школы, солидный человек.

Хадыча-опа подтверждает, что соседка правду говорит: слово матери и слово отца даже для взрослых детей — закон.

— Что же, у вас в кишлаке нет одиноких старух и стариков? — спрашиваю я у аксакалов.

— Есть, конечно, — кивают старики, — им кишлак покрывает дома, заболеют — соседи еду приносят. Но их мало.

— А есть такие, кого забыли дети?

Один из стариков, коснувшись бороды, белой и почти прозрачной, сурово сообщает, что, появившись такой, что мать или отца забыл, они и в Ташкенте его нашли бы, и в кишлаке такому не прожить. Сначала его старики предупредят, потом на хошаре аския высмеет. Достаточно, чтобы понял. А нет, тогда все отвернутся от такого. И к нему никто не придет на праздник. И его никто к себе не позовет. Как жить ему в кишлаке?

— Нет, — покачали аксакалы головами, — такого еще не было.

А они помнят кишлак с начала века. Один — первый тракторист, второй — комсомол здесь учреждал, третий — воевал. Кишлак гордится тем, что ни разу не впустил на свои улицы ни одного басмача. И среди своих не нашлось никого, кто бы ушел в банды. Днем и ночью сторожили дехкане входы в кишлак, дети и женщины собирали на крыши камни, чтобы потом бросать в бандитов.

«У нас сейчас в семье восемь человек, я самая старшая. Основное мое занятие сейчас: помогать месить тесто для лепешек, готовить ужин, помогать на огороде, доить корову. Мой папа не пьет и не курит. Как-то я возвращалась из школы, на дороге старая женщина не могла поднять ведро с водой. Я ей помогла, а она сказала: «Спасибо твоему отцу». Я была вне себя от радости».

Формула человеческого счастья: люби своих детей, и будет тебе высшей наградой их любовь. Но только социализм создает материальные и духовные условия для ее подлинной реализации.

Хадыча-опа приносит со двора уголь, и ржавая «буржуйка» освещает ее маленькие желтые руки.

— Все в жизни бывало. Трудно оставаться спокойной, когда тебе плохо. Проще жаловаться. Только я этого не допускаю. И я счастлива своими детьми.

...Огромную роль народная педагогика отводит семье, где и формируются основы мировоззрения ребенка. У разных народов в зависимости от образа жизни и способа существования отец и мать несут разную педагогическую нагрузку в семье, но, безусловно, главенствующая роль в воспитании подрастающего поколения принадлежит женщине. Матери. Бабушке.

...Хадыча-опа в черном платке: траур по матери, которая умерла три года назад: «Самое страшное горе, которое было у меня в жизни». Она тихо проговаривает короткими «перебежками», с паузами, слова песни о маме: «Мамочка, моя мамочка, когда я просила хлеб, вы мне давали сахар, когда просила воду — шербет. Порванное зашивали, на рваное сами становились заплатой. Когда я с вами говорила, сердце мое наполнялось счастьем, когда я смотрела на вас, глаза наполнялись счастьем. Очень шла вам и походка ваша, мамочка. Когда одевались и одежду красили вы, мамочка. Кто сравнится с вами, родная? Для детей моих вы были воспитательницей, мама, все, что ни делали, ничем не попрекали».

*Ферганская обл.,
Риштанский р-н,
кишлак Буджай*

Читатель. Но не завышаем ли мы возможности детского организма? Не рано ли начинается такая серьезная подготовка к труду, и притом довольно серьезная?

Автор. А когда вы предлагаете начать готовить человека к взрослой жизни, к труду? Лет в двадцать? Когда он не только окреп физически, но и уже созрел как личность? Не поздно ли? Народный опыт в сотнях и сотнях примерах опровергает ваши слова о невозможности ребенка трудиться всерьез. Конечно, кто поручит ребенку грузить тяжелые вещи или стоять у конвейера? Но по дому, в огороде, в поле, во дворе дел ему хватает. Фундамент народной системы воспитания — труд.

Хочу добавить — настоящий труд, а не игрушечный. Каждый по себе знает: если твоя работа нужна людям — будто крылья у тебя вырастают и скучное дело в радость. Так же и у ребенка. Если нужен и важен кому-то его труд — дома ли, в саду, в школе, так он исхлопочется весь, дотошно влезая в каждую мелочь. А потом с сиянием и надеждой будет ждать оценки. Так и воспитывается трудолюбие. Ну, а когда месяцами пылятся у школ собранные детьми груды металлолома — это, конечно, другой разговор. Уважение к своему труду, уважение к чужому труду — цепь неразрывная.

М. Дриаева (Ленингорийский р-н, Юго-Осетинская обл.). Я помню, весной у нас, ребят, всегда было много забот — копать огороды, гонять стадо в лес. Родителям помогали во всем. Летом было больше свободного времени. И мы целыми днями пропадали в лесу. Какие только ягоды не растут в ущельях: малина, костяника, брусника, рябина, черника, ежевика! Не успевали собрать одну, как поспевала другая. Скольکو собирали грибов!

А еще мы любили пасти колхозную отару овец. Вставали рано утром, овец гоняли высоко в горы на пастбище. Вечером их пригоняли в стойбище, пастухи встречали нас, считали овец.

Ночью, помню, зажжем костер, сидим все вместе. Пастухи рассказывают нам, как пасти овец, как ухаживать за ними, беречь от волков.

М. Дмитриев, педагог (г. Мозырь, БССР). Праздник первого снопа, первого хлеба, праздник урожая, День работника сельского хозяйства давно уже стали национальными, они празднуются и в детском саду, и в школе, и в колхозе, и в городе. И не просто празднуются. Праздники эти надо добыть своим трудом. Сделать плодородным участок песчаника, отвоевать площадь у болот. Нужны знания и труд.

В. Филиппенко. Мы часто недооцениваем желание ребенка помочь нам. Как-то во время отпуска я строил дачный домик. Строительным материалом были доски разных размеров, от метра до трех. Бывало, разложу их на всю улицу... Мой сосед, прогуливаясь с трехлетним внуком, однажды сказал: «Ну и дядя Володя — разбросал доски по всей улице, пройти нельзя». Гляжу — Сережа, так звали внука, недолго думая, начал сам наводить порядок. Настолько он серьезно и усердно перетаскивал доски с одного места на другое, что я невольно залюбовался.

М. Белова (Ярославская обл.). И не только в деревне есть дела для детей, но и в городе. Расскажу один случай.

По узкой улочке старого Таллина в густой толпе шел человек. Шел он спокойно, деловито, не оглядываясь по сторонам, не останавливаясь. Очевидно, до появления на этой улице у человека была уйма дел, в результате чего его светло-голубые колготки и вязаная шапочка местами загрязнились. На вид человеку не более трех лет. Мальчик шел по делу. В одной руке его была маленькая авоська (из тех, которые называют безразмерными), другая рука крепко сжата в кулачок. Догадываемся, там деньги.

Мы с дочкой переглянулись и замедлили шаг. Следуя за деловым человеком, мы рассуждали о том, что в нашей местности, в Центральной России, нередко такого ребенка взрослые несут на руках или, во всяком случае, ведут за руку. А попробуй не уступи ему место в транспорте! Родители ребенка попросту сгонят вас с сиденья, в лучшем случае разбранят, более воспитанные кинут уничтожающий взгляд. А вот крошечный таллинец шел один. Не трудно было понять, что направлялся он в булочную. Впереди — суматошный перекресток: автобусы, троллейбусы, легковые машины, гремит по рельсам трам-

вай. Малыш устремился к переходу. Вот он пережидает поток машин, вот перешел трамвайный путь, остановился, пропуская поток из другой улицы, вот пробегает оставшуюся полоску улицы. Перешел!

Мы переводим дыхание и... теряем его из виду. Густая толпа пешеходов скрыла мальчика. А мы стоим и какое-то время вглядываемся: не мелькнет ли среди пешеходов его маленькая фигурка.

А. Степовой, проводник пассажирских поездов (Москва). Сегодня девушка, выходя замуж, не считает зазорным, если она не умеет, к примеру, веник в руках держать, готовить обед. Как она будет воспитывать своих детей? Вспомним, как воспитывали — готовили детей к будущему труду наши деды. «Уважение к минувшему — вот черта, отделяющая образованность от дикости» — это слова Пушкина.

Е. Шувалова (Краснодар). Мое детство прошло в одном из сел Житомирской области. Перед глазами — долина, спокойные и добрые люди, окружавшие меня.

С самых малых лет нас, девочек, учили трудиться, воспитывали в нас аккуратность. Если после обеда я не спешила вымыть посуду, говорили: «И женихи будут от тебя убегать так же, как ты от немытой посуды». А кому это понравится? Если девочка начинала мести пол, нельзя было бросать веник на середине комнаты, занявшись чем-то более интересным. Взрослые качали головами: «Нельзя останавливаться на полпути».

И. Оршибеков, доцент кафедры педагогики Джамбулского педагогического института имени 50-летия Октябрьской революции. Напевая своему ребенку колыбельную, казахская мать желает, чтобы он был, «пальцы свои сгибая, разные орнаменты вырезая, Мастером». Еще несмышлениш и слов-то не понимает, а мать по капле вкладывает в него основу буду-

щей жизни. И слова о Мастере не случайны в колыбельной.

Почти в каждом казахском доме и сейчас можно увидеть яркие войлочные ковры на полу и расшитые тускиизы на стенах. Они придают жилищу казахов национальный колорит.

Домашние промыслы и художественное ремесло казахского народа зародились в глубокой древности. Предметы быта кочевников-скотоводов: седла, кожаная сбруя, изделия из дерева, кости и металла — богато украшались орнаментом. Обычно изображались луна, звезды, солнце, геометрические фигуры, стилизованные листья, цветы, бараний рог. Искусные мастера-ювелиры (зергеры) делали кольца, браслеты, серьги, застёжки, пуговицы, украшая их вставными полудрагоценными камнями или плетением из тонкой серебряной проволоки. Женские головные уборы, платья, сумки, ковры, чепраки для седла отличались красивой вышивкой.

Еще в начале XIX в. немецкий фольклорист-этнограф Рихтер Карутц особенно интересовался искусством орнамента, историей возникновения казахской орнаментики и ее особенностью. Любуясь богатством красок, «тонким и выразительным чувством колорита», этнограф пишет: «Население степи имеет врожденную любовь к краскам, что вообще свойственно народам, стоящим ближе к природе».

Традиционные изделия художественных промыслов — это своего рода народная память, сохраняющая духовный опыт народа, связывающая прошлое с настоящим и будущим. Опыт показывает, что народные художественные ремесла могут жить и развиваться лишь в том случае, если мастера-умельцы старшего поколения растят себе смену, передают молодежи свой опыт.

Казахи отличались тонкой наблюдательностью,

вырабатывавшейся веками еще в условиях кочевой жизни, когда нужно было уметь по едва уловимым приметам выбрать правильное направление в степи, запомнить характер пастбищ, предвидеть изменения погоды. Это было свойственно и их детям. Казахский советский педагог Ш. Ахметов пишет: «Дети, вырастая на просторе и приволье степей, хотя и не имели книжных сведений об окружающем их мире, но никогда не чувствовали себя гостями в природе и даже в самые темные ночи находили нужные им направления по звездам и по другим природным ориентирам. С малых лет они обладали острым слухом, зорким глазом, наблюдательностью, знали о том, какая будет погода, какие животные, травы им встречаются в степи, мастерски ловили птиц и метко стреляли... Они были прекрасными знатоками повадок и привычек домашних животных и уже в шестилетнем возрасте бывали смелыми наездниками. Они не умели читать, но обладали прекрасной памятью, могли на всю жизнь запомнить однажды услышанную песню, интересную сказку и знали наизусть множество легенд, преданий, загадок, прибауток, скороговорок, пословиц и поговорок».

В народных казахских песнях и инструментальных произведениях отражены многовековая история народа, его борьба с завоевателями, с местными баями, труд и бытовой уклад, воспеваются природа родной степи.

Большую роль в воспитании играли народные сказители. Храня в своей памяти изречения древних мудрецов, крылатые слова, они умело перерабатывали их и передавали своим последователям, распространяя их среди народа. Таким образом, они явились по существу летописцами воспитательных идей народа, не имевшего письменности.

В казахской народной педагогике главную роль

играло регулирование поведения человека во всех сферах общественной жизни — в труде и быту, в семье и общественных местах. Регуляторами поведения человека у казахов являлись моральные нормы, обычаи и традиции, общественное мнение. Не только родители, но и аксакалы аула, и даже первые встречные имели право требовать соблюдения морали, существующей в течение столетий.

Можно с уверенностью сказать, что у казахов крепка живая связь времен и поколений. Старшие воспитывают у молодых уважение к старшим, стремление достойно продолжить их дело. Уважение к старшим у казахов не просто правило хорошего тона. Чувство это глубоко социальное. Прививая его, казахи растили гражданина, любящего отчизну, ее героическое прошлое. Сейчас, воспитывая подрастающее поколение, необходимо обращаться к такому ценному учебнику жизни, как народная педагогика. Свод законов тут прост, но в них огромен многовековой опыт поколений. В этой сокровищнице житейской мудрости немало поучительного могут найти и ученые-педагоги, и родители.

Т. Ормонов, заведующий кафедрой Ошского педагогического института. В киргизской семье детей приучают к труду с раннего возраста. К 12—13 годам дети начинают старательно выполнять любые виды работ. Разумеется, при этом учитываются их возрастные и физические возможности. Дети в киргизской семье — первые помощники своих родителей. Они принимают участие в различных видах домашнего труда: в уходе за домашними животными, в приготовлении пищи, мойке посуды, уборке комнат и двора. Занимаются рукоделием, ткут ковры и т. д. Старшие ухаживают за младшими: одевают, обувают, кормят. Словом, умело нянчат своих братьев и сестер, так как киргизская семья многодетна —

в среднем пять-шесть, а то и больше детей. Дети ежегодно принимают посильное участие вместе со старшими в сенокосе, в сборе урожая хлопка-сырца, фруктов, свеклы и других видов сельскохозяйственных продуктов.

Участие детей в созидательном труде дает им возможность почувствовать свою силу. И все это соединяется с традиционными ритуалами: в киргизской семье детей с раннего детства учат тому, чтобы, проходя мимо работающего человека, они не забывали выразить доброе пожелание — пожелание успехов в труде и хорошего настроения. Ребята постарше, как это принято в сельских местностях, не ограничиваются пожеланиями, а оказывают пожилому человеку помощь, некоторое время работая вместе с ним. Это говорит о том, что чувство взаимопомощи издревле сильно развито у киргизов. Более того, даже имеется специальная коллективная трудовая взаимопомощь — хошар, выработанная веками в трудных условиях жизни киргизского народа.

Т. Тимошина, преподаватель Мордовского педагогического института имени М. Е. Евсеева. Богат и разнообразен мир, окружающий человека. А какое место человек занимает в этом мире? Каково его назначение?

Говорят: «Человек — венец природы», а человеческий разум — самая могучая сила. Человек потому и силен, что разумен. Ребенок часто слышит наставление: «Все родятся людьми, да не все по-человечески себя ведут». Так кто же достоин называться человеком?

Прежде всего — трудолюбивый. Трудолюбие является мерилем ценности личности. Поэтому к труду начинают приучать как можно раньше. Лет до пяти ребенок на посылках: принеси то, подай это.

Затем выполняет более серьезную работу. Во многих семьях забота об огороде полностью лежит на плечах детей. Домашние обязанности между мальчиками и девочками различаются. Девочки подметают и моют полы, доят корову, стирают белье, варят обед, т. е. во всем помогают матери, а мальчики носят воду, колют дрова, топят печь, помогают отцу ухаживать за скотом. Матери-дойрке помогают дети на ферме, тракторист или комбайнер-отец берет с собой в поле сына. Раньше был такой обычай: чтобы сын вырос хорошим хлеборобом, новорожденному дарили соху или борону. К 16—17 годам девушка и юноша умеют делать все, чтобы жить самостоятельно. Особенно достается старшему ребенку. Он отвечает за организацию и выполнение всех домашних дел, заботится о младших. Поэтому братья и сестры всегда с уважением обращаются к старшему брату — «алякай», к старшей сестре — «акай».

«Мы три сестры, учились в педагогическом техникуме. Учились хорошо. На каникулы приезжали в родное село. Каждое утро будила нас мама в три часа на работу в колхозное поле. Порой мы не высыпались и просили дать нам поспать еще полчаса. Но мама была неумолима: «Что вы, девочки, люди могут подумать, будто вы ленивые, а это позор для семьи».

В понимании народа ленивый — обладатель многих отрицательных качеств. На него нельзя положиться. О ленивом говорят: «Кто не любит работать, тот очень есть любит», «Кто ищет легкие пути в жизни — никогда не будет хорошим человеком», «Счастье добывается в труде, а не в лени и сне».

Право называться Человеком может получить только добрый, отзывчивый и справедливый. Но если кто-то не обладает этими качествами? Тогда услышите: «Он — не человек». И этим сказано все.

О злом, завистливом говорят: «Есть такие люди, которые живут, как крапива среди цветов: зла много, а добра мало; они хотят подняться выше других, но остаются ниже всех».

Жестокий, утративший чувство жалости, сострадания, даже не достоин жить. Эта мысль внушается во многих песнях и сказках. Вот одна из этих сказок.

«У разбогатевшего человека было много зерна в амбаре, а его мать стала голодать. Тогда пришла она к сыну и попросила хлеба, но тот притворился нищим. Сильно обиделась мать. А тем временем в амбаре с зерном развелось много крыс, и когда богатый сын вошел туда, то крысы набросились на него. Сын просил прощения у матери, но она не простила. Так богатый погиб от своей жадности».

В селе жизнь любого как на ладони. О каждой семье складываются определенные суждения, передаваемые из поколения в поколение. Могут сказать: «На него можно положиться, он из хорошей семьи». Чаще всего это мнение подтверждается. Ведь ребенок рос в трудолюбивой и честной семье, а став взрослым, он старается не запятнать ни свое имя, ни имя своей семьи.

Как воспитать хорошего человека? Только не жестокостью!

Исследователь быта мордвы В. Н. Майнов еще во второй половине XIX в. отмечал, что в организации семейных отношений у этого народа лежит «...не страх перед физической силой, а страх огорчить человека».

Малышей не боятся перехвалить, когда они, подражая взрослым, что-то делают, пусть даже и неумело. Но как только ребенок начинает все понимать, похвалы со стороны близких резко сокращаются: пусть теперь тебя похвалят чужие за хорошие дела.

Мне было лет пять. Шла с матерью как-то по селу. Встретили знакомую женщину, та и спрашивает обо мне у матери:

— Это у тебя которая?

— Четвертая, предпоследняя.

— Ну, и какой растет?

— Ой, да она у меня одна из самых умных и дельных детей!

Разошлись женщины, а я долго шла с гордо поднятой головой.

Обратите внимание, разговор о ребенке идет в серьезном тоне, с ним не заигрывают, о нем говорят как о человеке, который скоро будет равноправным членом общества. Поэтому считают, что нельзя идти на поводу у ребенка, свои требования взрослые должны доводить до конца.

В. Афанасьев, доктор педагогических наук, профессор Якутского государственного университета. Самым положительным нравственным качеством нерусских народов Сибири является их трудолюбие, благодаря которому они приспособились к суровым климатическим условиям, принимали и принимают активное участие в освоении этого необъятного, недостаточно еще изученного и освоенного края.

Глубокое уважение к труду, к трудящемуся человеку отражалось в многочисленных поговорках и пословицах этих народов: «За один удар не срубишь дерево»; «Хорошего коня по телу узнают, хорошего человека по работе видят» (хакас.); «Прилежный рассвета ждет, лодырь вечера ждет» (шор.); «Энергичный зря не сидит» (якут.); «Заработанное прочно лежит»; «Чем без дела сидеть, лучше, прихрамывая, двигаться» (бурят.); «Рукой не пошевелишь — и счастье мимо пройдешь» (нивхи).

Народы слагали улигеры, сказки, песни, скороговорки о людях труда, об искусных мастерах и ма-

стерицах. С чувством глубокой любви наделяли их высокими трудовыми качествами, восхваляли их умение, находчивость, физическую закалку и результаты их труда.

А. Гашимов, доктор педагогических наук (Баку). Возьмите пословицы, поговорки, сказки, былины, песни, загадки... Идеи трудового воспитания, выраженные в них, чрезвычайно богаты и разнообразны. Безнравственно жить или даже желать жить за счет других. «Труд правой руки не пойдет впрок левой», — скажет азербайджанец. Этот момент наиболее ярко выражен в сказке «Пчела и муха», где муха, символизирующая собой людей-паразитов, не живет своим трудом, старается получить удовольствие за счет других, «стремится есть мед без труда», поэтому она строго осуждается пчелами — трудовыми людьми. Другой вывод этой сказки: одна пчела лучше роя мух.

По мнению народа, лентяи бывают разные: просто лентяи и лентяи особые — те, что не подумают подняться, даже если под ними загорится постель. Такому лентяю сказали: «Закрой дверь» — а он в ответ: «Ветер прикроет». Подобный лентяй никогда не торопится, откладывает работу со дня на день. «К чему торопиться, — говорит он, — впереди есть зима, лето». Пришла зима, и лентяй опять отложил работу — «Доживу до лета, спряду и свяжу». Но вот и лето — «Кто спрядет, кто свяжет?» — спрашивает он. Любимая присказка такого лентяя: «В пятницу — отдых, в субботу — охота, а когда же работа?» или «Накорми да укрой, да, чтоб я не умер, рядом стой...»

В фольклорных материалах раскрывается психология таких лентяев: очень многие потому так заражаются ленью, что она подкрадывается к человеку, прикрываясь маской «заботливости», и вмес-

то труда, работы на холоде она приглашает его по-
нежиться в постели, погреться около горячей печки.
В результате же нежно убаюканный, обласканный
человек незаметно попадает в искусно расставлен-
ные ею сети и погибает. Потому в народе говорится:
«Безделье — начало бедности»; «Благие упования —
путь к гибели»; «Лень — ключ несчастья».

В устном народном творчестве азербайджанцев
красной нитью проходит мысль о том, что презрение
к труду ведет к моральному упадку, к духовному
опустошению. «Лень и безделье подобны преступ-
лению», — говорит народ. Как преступник разоря-
ет народное имущество, достояние, так и человек,
проводящий свою жизнь в лени и безделье, расхи-
щает самое ценное в жизни — время, уклоняется от
своего священного долга перед Родиной и обществом.
И наоборот: «Желанная работа светлее солнца»,
«Завершенный труд благоухает розой», — гласят на-
родные пословицы.

Азербайджанские дети с 7—8 лет приобщались
к труду. Им приходилось помогать родителям в при-
готовлении пищи, ткани и ковров, вязании носков,
обработке земли, заготовке сена, уборке дома, в жат-
ве, уходе за скотом. В основном мальчики участво-
вали в работе отцов, а девочки помогали матерям,
воспитывались в духе родителей. Сама обществен-
ная жизнь, окружающая среда заставляли родите-
лей приучать детей к ремеслу. Чем старше станови-
лись дети, тем шире и сложнее становился круг их
трудовых обязанностей. Вот, например, виды трудо-
вой деятельности, в которых дети получали опреде-
ленные навыки и знания: земледелие, скотовод-
ство, охота, ткачество, портняжное дело, рыболов-
ство, садоводство, плотничество, кузнечное дело
и т. п.

Трудящиеся массы в своем устном творчестве не-

однократно отмечали необходимость овладения различными профессиями или ремеслами. В результате многовековой жизненной практики они пришли к выводу о том, что «ремесло — сокровищница человека», «в ремесле — богатство человека», без него обойтись нельзя.

Народ считает, что человек по возможности должен знать несколько профессий и владеть ими в совершенстве. Но лучше знать одно ремесло хорошо, чем много ремесел плохо. «Чем плохо знать сто ремесел, лучше знать одно ремесло», — говорит азербайджанский народ. Следовательно, человек должен быть мастером своего дела, знатоком своего ремесла.

Согласно идеям, выраженным в ряде азербайджанских фольклорных материалов, без глубоких знаний невозможно стать искусным мастером, зрелым специалистом в своей области.

Тувинцы не применяют телесных наказаний, чувашки советуют: «Лучше, чем ударить ребенка, ударь по столбу — столбу не больно, тебе больно. Авось задумаешься».

Е. Васильев, доцент Чувашского педагогического института им. И. Я. Яковлева. В войну я был мальчишкой. Жила с нами бабушка по матери. Помню, как осторожно веду бабушку за руку. Она плохо видит. И от старости, и потому, что слезы застилают глаза. Почтальон дед Лариван только что вручил моей двоюродной сестре Улюк-аппа извещение о том, что пропал мой отец без вести, при этом сказал: «Не показывайте никому эту бумагу, авось и найдется он». Спрятал я извещение в щель потолка, чтобы мать не видела и не нашла ее. Горе... огромное горе дошло и до нашего дома. Сажу на ступеньках крыльца и плачу с сестрой.

И вдруг бабушка говорит: «Горем мертвого не оживишь. Еще шурсухалы (чувашские старцы) го-

ворили: «Горе можно побороть лопатой. Пойдем оку-
чивать картошку».

Тогда, давно, слова бабушки мне показались не
только неуместными, но и жестокими.

— Работать учиться надо, — сказала мне бабушка
тоном, не допускающим возражений. — Учиться
горевать не надо — горе само научит.

Главное в жизни — труд, говорила бабушка. Он
помогает побороть горе, он же приносит и радость.
Внуки бабушки — их более 40 — выросли трудо-
любивыми.

**Что посеяно отцами —
пожнут сыновья (азерб.).**

**Кто не имеет брата —
обнимает палку (кабард.).**

**От плохого семени —
плохой плод (тадж.).**

**Переученный хуже
недоученного (рус.).**

**Если не согнулся, когда был
прутиком, не согнется, когда
станет палкой (тат.).**

**Сырое дерево гни, пока не
высохнет, ребенка учи
в свое время (хакас.).**

Орлиное сердце мужчины

Завещаю сыну... Что? Деньги, мебель, дом? Дело, мысли, мечту, то лучшее, чем гордился в себе сам, и то, чего не совершил и о чем сожалею? Завещаю сыну быть... настоящим мужчиной.

Завещаю сыну быть...

Вот что рассказывал аварец Заур Закиров о своем отце: *«Мой отец так понимал, что такое мужчина: «Разве мужчина тот, кто не умеет преодолеть свою слабость, боль? Он воспитывал в нас пренебрежение к боли. Палец ли порезал, молотком ли по нему*

попал — что бы у нас ни болело, он стоны от нас не терпел. Просто требовал спокойно говорить о боли, но стоны — ни-ни. Как-то он попал молотком по пальцу, да так, что ноготь расплющил. Он подал мне плоскогубцы, чтоб крепко схватил я ноготь, а сам дернул руку... Почему исполнителем он избрал меня, я понял много лет спустя — отец без нравоучений, как собственную кровь в мои вены, вливал собственное пренебрежение к боли. Учил меня, что участок боли следует мысленно отделять, изолировать волей от всего организма. Болит палец — отвести боль на палец, а не всеми клеточками организма переживать, то же и с больным зубом. Так сперва для отца, потом ради хвастовства перед сверстниками, а после и просто перед самим собой я научился пересиливать боль и не кричать «ура» для храбрости».

...Есть в дагестанском горном ауле Тандо, как в каждом ауле, гудекан — площадка, все с нее видно: играют ребятишки, женщины идут за водой, путник спускается с гор... Здесь молодые узнают, как жили их деды, здесь обсуждают, начинать ли сенокос, здесь подмечают, чей сын ловчей и проворней. Гудекан. Сидеть на гудекане, вступать в разговор можно только тем, кто стал настоящим мужчиной. Таков аварский обычай.

Дух соперничества всегда витает над стриженными мальчишескими головами. И взрослые горцы всячески поощряют его, весело поддразнивая ребят, подталкивая их к соревнованиям: «Давай, Магомед, будешь с Гаджи бороться». Смотрят взрослые на борьбу, не вмешиваются, сильнейший сам должен себя показать.

О Хаджи Мурате и Шамиле здесь говорят с такими подробностями, словно о ближайших родственниках. Давно, в начале века, погиб, обуздывая коня, Сады-

хо Ибрагим, муж портнихи Мисидо, а спроси в Тандо: кто он и каким был — скажут: добрым, гордым, смелым, самая непокорная лошадь становилась под ним овцой, на скаку мог монету в ямке достать. **На рассказах о легендарных людях и сейчас воспитываются аварские мальчишки.** Над колыбелью мечтает мать: вырастет сын и «бегущего схватит барана, у девчат будет любимцем и грозой для сверстников».

— У нас сами горы воспитывают, — говорят в Тандо старики.

Это так и не так. Воспитывают люди, живущие в горах.

— Люди у нас суровые, как камни, — сказал мне семидесятилетний Баширхан Багатаров, племянник стоодиннадцатилетнего Ахмедхана, в доме которого мы и вели беседу. «Споткнулся о камень, ничего — встань и иди». Восьмой десяток Баширхану, дяде за 100, а зубы у обоих ярко-белые. Откуда такие? От соли. Горцы испокон веков свои зубы натирают ежедневно солью. Это и питание и массаж десен. Народная мудрость, народная медицина.

Суровость, даже некоторая по-спартански жестковатость в воспитании будущих мужчин у аварцев объяснимы, если заглянуть в прошлое. Аул Тандо — типичный старинный аул — крепость, где слева и справа — пропасть. А праматерью Тандо была возвышающаяся посреди села высокая узкая скала. Первые тандовцы поставили на ней свои сакли. Как тут размещались люди и скот, как не падали вниз дети, трудно понять, но ведет наверх одна тропинка, загороди ее — и не страшен никакой враг для сельчан.

Многие годы, чтобы мирно жить и рожать детей, нужно было каждому аулу своих сыновей растить еще и как воинов-защитников.

Сейчас со скалы кричит глашатай: сообщает

сельские и совхозные новости и приказы. А раньше, когда неся клич по селу — о нападении недобрых людей на чье-то стадо, — поднималось все мужское население аула и торопилось на помощь попавшему в беду односельчанину. И, если однажды выносила горячая кровь на коня вместе с отцом и старшими братьями пятнадцатилетнего подростка, никто не смел и не мог его остановить. Принял такое решение — мужчина. И отныне сам он и все вокруг его поступки соизмеряли только взрослыми мерками. Детство кончалось враз.

...Такую сказку говорила когда-то своим сыновьям, а ныне внукам горянка Хадыжа: «Жила очень давно мать, растила сыновей, и, повзрослев, отправились они в мир. И каждому дала она совет, как верного выбрать товарища. Одному сказала: нарочно отстань в пути, а спутнику крикни: подпруга, мол, у коня ослабла, поезжай, догоню. Уедет, не предложит помочь — не товарищ он тебе. Другому сказала: проголодаешься, достань из хурджина лепешку, протяни спутнику, чтобы делил. Возьмет он себе большую часть лепешки, а меньшую отдаст — жаден, не иди с ним...».

В старой аварской сказке уже намечены черты настоящего человека.

Об идеальном настоящем мужчине можно говорить бесконечно, однажды я попыталась это сделать в разговоре со своим сыном и запуталась, поняв, насколько необъятна и сложна тема. Идеал или кодекс настоящего аварца более компактен, строг и понятен и ребенку, и взрослому. Настоящий горец прежде всего отчаянно смел. **Нет страшнее позора и для самого человека, и для семьи, вырастившей его, чем молва о трусости горца.** Понятие трусости здесь более широкое, чем мы себе представляем.

Как сказал житель аула Миарсо Гаджи-Магомед Дибиров: «Трус может схватиться за кинжал там, где все можно решить словами».

Г. Волков пишет: «Своеобразны представления народов Дагестана о совершенном человеке, в котором исходным является ум, но определяющими — нравственные совершенства. Примечательно то, что дагестанцы свой кодекс человеческих совершенств рассматривали во взаимосвязи и в единстве воспитания, самовоспитания и перевоспитания».

«Отец учил нас преодолению страха. Мы, дети, тогда верили и в чертей, которые якобы разводят в горных пещерах костер, и в бабу-ягу, верили и в аллаха... Жили мы в горах, где этих пещер множество. Отец, предварительно узнав, какой пещеры мы больше боимся, сам водил нас по всем ходам и выходам и твердил, что ничего страшного там нет и все, что нас пугает, можно одолеть факелом, ножом, чирканьем спичек. Ночами он находил время водить нас на кладбище и убеждал, что мертвецы не выходят из могил.

Высшим испытанием для нас бывал поиск не вернувшегося к вечеру скота: коровы обычно устраивались на ночлег в какой-либо пещере на склоне ущелья. Там отец давал нам с младшим братом Хакимом (мне — 12 лет, ему 8 лет) керосиновый фонарь, сам садился у края ущелья и посылал нас на поиски в горы. Ой, как мы проклинали этих коров, а шли, так как понимали, что отец видит фонарь и знает, где мы были, куда не дошли. А в горах водилось немало волков, много филинов, которые ужасно кричали. Волков, мы знали, можно отпугнуть, размахивая фонарем, — так отец говорил».

В народной педагогике конкретные черты совершенной личности не располагаются только в сфере пожеланий-слов, они выступают в тесной связи

с практикой воспитания. Единство слова и дела представляет собой одну из самых сильных сторон народной педагогики.

Ты — горец, значит, как бы тебе ни было плохо, не хнычь, не жалуйся, будь мужествен.

Стоодиннадцатилетний Ахмед-хан Ханапиев сидит на топчане, поджав босые ноги. Сквозь открытую дверь ему виден забор из серых камней, колющий плетень и горы. Как удар хлыста, поперек хребта — дорога. Издалека видно — кто торопится в аул...

Ты — горец, значит, если дал слово, — умри, но сдержи. Не сдержал — нет тебе места среди настоящих мужчин.

— Аварская пословица не зря говорит: «Ложь протащит тебя волоком три километра», — сказал отец четырех детей Лабазан Ахмеднабиев, председатель Тандовского сельсовета. — И еще: «Между ложью и правдой расстояние как от большого пальца руки до мизинца». Так нужно ли унижать себя неправдой?

Гостеприимство — долг и честь горца. Хоть горы и тесны, среди людей не тесно, считают здесь. По обычаю, хозяева должны забыть все свои дела и заботы, если гость переступил порог. Рассказывают, приехал к хозяину его друг и разговор шел долгий, а наутро гость увидел, собрались со всего аула старики во двор, и спросил: что случилось? И оказалось — у хозяина умер сын и пока в доме был гость, он лежал ночь в соседнем помещении. Каждый, кто приезжает на Кавказ, сталкивается с истовой отреченностью от себя хозяина во имя гостя. Так было, так есть. Гость в дом — старший сын разнуздает, напоит, накормит коня. Без приказов и понуканий. Это и неписанный закон, это и честь.

Для настоящего горца характерна прямота в обращении. Что думает о другом — говорит в лицо. И

не вспыхивает, как пламя, когда и ему в ответ говорят не всегда лестные слова. Здесь считают: лучше так, чем шептать за глаза — это для мужчины унижительно.

Всегда и везде настоящий мужчина помнит о своей чести. Всегда и везде ведет себя с достоинством. Отец уважает достоинство сына — и никогда перед людьми, как бы ни был тот виновен, не наказывает его и не унижает криком и руганью.

Наконец, с младенчества в крови у горца **уважение к старшим.** Не слепое поклонение, а именно глубокое уважение к мудрости Человека, много прожившего, много потрудившегося. В семье, в ауле, в городе старику уступят лучшее место, младший, здороваясь, встанет. И сегодня, приветствуя человека старше себя — на горной тропе или на асфальте улицы, — младший непременно спросит: чем он может быть полезен? Сын, плохо следивший за старым отцом, был у всего аула на языке. Им пугали детей: «Смотри, таким будешь». Такого и за мужчину не считали, не звали в компанию.

Покопайтесь-ка в собственной памяти: что больше всего нас обижало в детстве? То, что мы не взрослые и потому на многое еще не имеем права. Острое ощущение неравенства, желание убавить, уменьшить разницу между Они и Мы толкали, толкают и будут толкать ребенка на смешные, а иногда и опасные поступки. Наколки на руке у мальчиков, высокие мамины туфли и крашенные ногти в шесть лет у девочек. Хорошее это желание — расти, чтобы стать равным среди равных, и тут важно не передержать человека «в коротких штанишках». С маленьким все ясно, он — маленький, а с подростком? Когда он еще не... и когда, в какой час он уже?..

«Когда бы я ни подрался с мальчишками, пусть

и гораздо старше меня, узнав об этом, отец у меня спрашивал одно — плакал ли я? Нет — означало, что я не струсил, защищался. И каждый раз отец показывал какой-либо наиболее действенный в таком случае прием. Любой мой интерес он использовал, «чтобы храбрым быть», «чтобы сильным быть»...

«Э-эх, мужчина» или «какой ты мужчина, если не сможешь лучше сверстника учиться, бегать, если такого же, как ты, не переборешь»... Мне кажется, все действия отца были направлены на развитие у меня высокой мужской чести, соперничества, но не зависти. Зависть, он доказывал, есть признак слабости мужчины, стремление не к качественному своему развитию, а к затушевыванию достижений другого, стремление согнуть соперника до твоего минимума».

Все больше молодых парней в городах увлекаются сейчас каратэ. Пишут вступительные сочинения «Почему я хочу заниматься этим видом спорта?». Ловкость, силу, развитые мужские плечи, возможность выйти с достоинством из случайной ночной встречи с хулиганьем — вот что видят ребята за манящим словом «каратист». Их увлечение — как упрек за недополученное в детстве истинно мужское воспитание. Журавлиные, длинные ноги, вихляющая походка, из-под воротника тянется худенькая шея — а что вы хотите? — в детсаду, в школе, дома — всюду женщины. Они могут научить аккуратно есть, даже вышивать. Но что мальчику хочется и нужно состояться в силе, ловкости, в борьбе — об этом им подумывать страшно. Тех, кто борется, — в угол! Осуждаем мы драки, называем хулиганством, взамен размахивания кулаками пропагандируем только меру убеждения. И еще пуще осуждаем того, кто проходит мимо разнузданного хулигана, кто не заступился за старика, женщину, слабого. Как он — хороший —

с его тепличным воспитанием пойдет против пьяного дебошира, на вид явно превосходящего его физически? У хулигана чуть ли не волчье воспитание. А выпусти против него такого, выросшего в детском загончике, — один пух останется.

Почему же только в армии, да и то не все, могут получить парни представление о приемах самбо? А разве плохо будет стране, если ее граждане одолеют хотя бы азы самообороны?

Пусть мальчик по своей природе храбр, но, если он физически слаб, его сломают. А сильный, кроме редких случаев, обычно благодушен, не гонится за дешевыми победами, он добр, справедлив.

Есть еще одна сторона тепличного воспитания. На улице, в детских садах, в школе слабые дети обычно попадают под влияние сильных сверстников. Верховодить обычно любят своенравные дети, часто удел хилого в таких случаях хитрость, лесть, подхалимаж. И зерна этого прорастают в душе, давая побеги мстительности — у храбрых, равнодушия — у слабых.

Наконец-то возле наших домов появились рядом с песочницами качели, карусели. А вот микроспортивные комплексы на каждый двор — еще мечта. И потому родители, у кого руки умелые, делают у себя в квартире из неизвестного происхождения материалов шведскую стенку, турник, кольца, канат... Но не спрашивай, у кого что достали, — скажут «по случаю, с рук». В магазине — пусто.

А годы идут, и мальчишки превращаются в мужчин, и не их вина, что спины у них горбятся, как у старушек, — это аукаются многочасовые занятия музыкой, языком...

— Отец с семьей не живет? Ну что же, мы к этому привыкли. У нас в классе у половины учеников матери-одиночки.

Директор московской городской школы сочувственно улыбнулся. Что он еще мог добавить? Что к этой безотцовской половине отцы ходят очень нерегулярно, забывают поздравить даже в день рождения?.. Между тем если девочкам мать многое может дать сама, то мальчикам, выросшим без отца, не узнать никогда, как хорошо еще сонному идти на рыбалку по крупной седой росе, касаясь отцовского рукава, как интересно проверять свои хрупкие построения мира на крепость мужской железной логики, как радостно узнавать в себе те же черточки, те же «мужские» движения, поступки, слова, как у отца. Что мог сказать седенький директор большой школы? Только то, что известно всем.

У аварцев, как у многих народов, воспитание будущих мужчин уже с младенческого возраста четко отличалось от воспитания женщин. В каждом доме всегда существовали как бы две школы: мужская и женская. И дело не только в сумме навыков, которые передавали детям взрослые. В будущем воине, охотнике, пахаре, чабане культивировались одни черты характера, в будущей матери, хозяйке дома — другие. И делалось это вполне сознательно.

«В семье у нас четыре брата и две сестры. Учусь я в шестом классе. В семье все работы мы выполняем дружно. Отец работает в колхозе, мать — в школе уборщицей. Мать с ранних лет учила меня труду. Я встаю утром рано. Выгоняю коров в поле, а вечером загоняю их домой. Работа распределена между членами семьи. Старший брат помогает маме косить сено, убирать урожай. Меня тоже берут на сенокос. Я очень люблю работать в поле».

«Наша семья большая и дружная. В семье у нас пятеро сестер и два брата. Я самая старшая в семье. Учусь в шестом классе. В семье все работы мы выполняем дружно. Отец работает в школе. Мать с ран-

них лет учила меня труду. Я умею шить, гладить, стирать, готовить обед. Я встаю утром рано. Помогаю маме доить корову, чистить сарай, косить сено, убирать урожай. Перед уходом на работу мама поручает мне на день: помыть полы, приготовить обед, почистить двор. Это все я с младшими сестрами выполняю. Отец никогда не ругает меня, но я боюсь провиниться перед ним. Я самая старшая в семье и показываю пример младшим. Учусь хорошо».

«Не переносил отец проявления жалости к нам, убаюкивания. Жалеют жалких, а мужчина не должен быть жалким. И действительно, повредит ребенок пальчик, а мать охает, успокаивает, и создается впечатление у ребенка, что ушиб пальчика — трагедия всех трагедий. Отец в таких случаях посмеивался над нами, объяснял азы техники безопасности и при необходимости оказывал соответствующую помощь.

Отец выходил из себя, если кто из нас споткнется и упадет, говорил, что человек на то и человек, чтобы видеть себя со стороны, давать отчет своим промахам.

А главное, он бывал на равных с нами, спрашивал, советовался, как будто перед ним не сын-подросток, а степенный горец, не отмахивался от наших вопросов.

Истинным удовольствием мне было бегать с ним наперегонки. Большим событием и предметом семейного обсуждения бывали случаи, когда он хитро позволял мне обогнать его».

Родился в аварской семье сын — родня несет в подарок теленка или барашка. От них пойдет потомство, которое будет кормить и одевать будущего джигита.

Трудолюбие, забота о родных — черты настоящего горца. Сыну старались не дать понять, что он — малыш. Внушалось: «Ты — старший, ты — ответ-

ствен за семью. Если отец уедет куда-то, ты за него в доме». Мальчик — вторая рука отца, только чуть слабее. Может в 6—7 лет оседлать ишака, съездить за сеном, отправиться вместе со взрослыми пасти табун.

«Помню, мне было лет семь-восемь, взял меня отец в лес за дровами. Он рубил дрова, а я отошел в поисках семечек чинары. Вдруг — слышу треск сучьев, оглянулся — медведь! Идет на меня... Как я испугался! Никогда не видел медведя. Бегу, кричу: «Дада! Дада!» Вижу отца, а он и не шелохнется, стоит злой и спрашивает: «Что такое?» Я говорю, что медведь идет. У самого зуб на зуб не попадает. А он ка-ак шлепнет меня по щеке и говорит: «Мокрая курица». А медведь уже подошел, рычит, встал на задние лапы. Конь шарахается. Отец быстро снял фуфайку, намотал ее на левую руку, вынул кинжал. Меня поставил позади себя, потом оглянулся: «Рядом стой». Отец на медведя, а я сбоку иду. Левой рукой, обмотанной фуфайкой, он дразнил-дразнил медведя, а кинжал — наготове. Медведь схватил фуфайку лапами и попытался загрызть, а в это время отец его кинжалом под лопатку — чуть ли не насквозь! И тот рухнул. Что мне медведь! Я дьявола меньше боялся, чем осуждения отца. Личным примером нас отец воспитывал, как бы говоря «делай, как я».

Отец. В воспитании детей, особенно сыновей, отец играет в аварской семье очень большую роль. Это не означает, разумеется, что он уделяет детям много времени — дело не в количестве часов, проведенных вместе, — **отец для аварского мальчика — кумир, символ лучшего, что может быть в мужчине и человеке.** Во всех ситуациях высокое положение отца сохранялось. И полагаю, что не только домо-чадцы, но и сам отец это положение поддерживал.

Вот как представляют отца самые разные люди:

«Отец много не говорил — одно слово скажет, нам хватало».

«Даже редко бывая дома, отец тогда очень занят был, — внимательно следил за атмосферой в семье. Мы, помню, жили не очень сытно, и мать для отца приберегала сахарный песок и прятала от нас. А мне очень хотелось сладкого, вот я потихоньку и лакомилась. Узнав, что отец приезжает, испугалась и, чтобы не видно было, насыпала в сахар соли. Отец помешал ложкой в стакане, отхлебнул, а чай — соленый. Я покраснела и убежала из комнаты. Он сразу догадался и сказал матери: «От детей ничего не прячь. Пусть все будет на виду».

«Не помню, чтобы отец кричал, или ругался, или бил нас. Как-то родители ушли в поле, а нам велели поливать глину для раствора. А мы забыли. Глина высохла. Возвратился отец: «Полили?» — «Да...» Отец видит, что — нет. И иронически спрашивает: «Уже научились врать?» Всю жизнь у меня в ушах стоит этот иронический голос».

Если знал сам — отец учил грамоте детей. Дедовские реликвии: кинжал, шашка — переходили от отца к старшему сыну. Получалась крепкая взаимосвязь. Отец был образцом для своих детей — и он старался соответствовать высоким требованиям. Для аула он был представителем не только семьи, но и целого рода, и это тоже налагало определенные обязательства, потому что дурная слава о запятнавшем честь ходко идет и долго помнится.

Был кодекс горца, но был и неписанный кодекс общества — аула, который каждый подросток знал назубок. Разные были здесь правила, ислам накладывал, разумеется, свой отпечаток, но я хочу говорить о тех, которые достойны уважения. Прежде всего **коллективное воспитание**: любой старший

мог сделать замечание младшему, и тот, не обижаясь, слушал. Коллективное воспитание касалось не только детей. Прокричал глашатай о сельских делах, и если кто не пришел строить дорогу, рыть котлован для воды, на сенокос — был ли болен, дома не было — не считалось. Такого не уважали. Отсутствие в общем деле считалось недостойным для настоящего мужчины.

Аул Тандо гордится тем, что в его поколениях не было недобрых людей. В прошлом веке, правда, ушел один в абреки (разбойники). И односельчане, узнав о его грабежах и о нападении на тандовцев, постановили: найти и убить. Что и исполнили.

Тяжелая жизнь была до революции: за полметра белой ткани, вспоминают старики, давали 6 кг шерсти. Сеяли ячмень, картошку, но горы приносили скудный урожай, и многие жили обменом: яблоки покупали в горном Ботлихе и, пройдя глухие ущелья, меняли их в долинах на еду и одежду для детей. Опасными были такие путешествия — абреки. Ездили группами. И отец, посылая двенадцатилетнего сына в такой путь, наказывал помогать взрослым во всем — поить лошадей, стеречь, кормить: «Смотри, не жалуйся...»

Изменилась к лучшему жизнь горцев: социализм принес в аулы не только электрический свет и свет знания, но главное — мир, уверенность в будущем своем и детей, крепком достатке. И рассказы о голодном прошлом звучат как старые сказки для нынешних ребят.

Чтобы хорошо жить, надо быть вместе, помогать друг другу. По сей день правило такое у аварцев: умирает человек — его односельчане, родственники, друзья за него сделают все его дела. Недостроенный дом — достроят, невспаханный огород — вспашут, прополют. Попавшая в горе, беду семья еду не

готовит неделю — соседи берут все на себя. И другие помогают едой, одеждой.

Бегают в школу, играют с юлой, возят на ишаках сено аварские мальчишки. Какими они будут, что из них получится — не надо гадать, достаточно посмотреть на их дедов, на стариков, которые живут рядом в ауле. Выпустив в большой мир взрослых своих детей, старики обращают силы свои на дела общества. Помогают сельсовету, входят в совет старейшин, дают средства на постройку мостов, дорог, разведение сада. Короткая дорога, по которой из Ботлиха мы проехали в аул Миарсо, оказывается, тоже была построена на деньги одного старого горца, он продал для этого свою отару и сад.

...Лежит высоко в горах, припав к жесткой шкуре травы, мальчик. Овцы шерстяными клубками катятся вниз, а в синей пропасти вьются два орла. Не мигая, мальчик следит, как все ближе сходятся могучие гиганты, и слышно среди гор, как звенят железные клювы и стучит мальчишеское сердце.

*Дагестанская АССР,
Ботлихский р-н,
аул Тандо*

Читатель. Возможно, я спешу с выводами, но, мне думается, народная педагогика подсказывает нам один из «рецептов» воспитания здоровых, мужественных, добрых людей, знающих свое предназначение в жизни. Только там дети вырастают хорошими людьми, где мать и отец сами точно знают, чего они хотят от ребенка, каким они хотят его видеть. Где четко поставлена цель воспитания, каждый день только приближает ее. Согласитесь, разве

не естественно для человека, выращивающего, к примеру, пшеницу, знать, что растишь?!

Автор. Разумеется. Каждый народ заботится о том, чтобы подрастающее поколение было нравственно и физически здоровым. Но как вы могли заметить, очень большое значение в народной педагогике придается дифференцированному воспитанию, т. е. необходимо воспитать из мальчика мужчину, из девочки — женщину — будущую мать. Воспитать в одном храбрость, силу, ловкость, чувство ответственности за свои поступки, в другой — наблюдательность, чуткость, преданность, сноровистость помогали детские игры. В играх маленькая хозяйшка вырастает в большую хозяйку, в игре проверяет себя будущий мужчина на выносливость, смекаливость. Не случайно каждый народ без исключения всячески поощряет детские игры, старики любят смотреть, как и кто проявил себя в них, справедливо полагая игру репетицией взрослой жизни.

Г. Волков, профессор, доктор педагогических наук (Москва). Педагогический опыт многих поколений людей закреплен в различных обрядах, связанных с рождением ребенка, с первыми шагами младенца, с его приобщением к интересам семьи. Можно говорить также о педагогической направленности песен, игр, сказок — всего мира, в котором живет и формируется ребенок.

В. Элашвили, доктор педагогических наук (Тбилиси). «Встретив препятствие — преодолей!» — так бы я назвал одну из главных заповедей, которую чтит каждый юный джигит в Грузии.

Любой сбор мальчиков в горных селениях Грузии превращается в своего рода состязание: преодоление естественных препятствий (прыжки через ручей, расщелины), лазанье по деревьям, у которых нижние ветки расположены очень высоко, бег наперегонки

по резкопересеченной гористой местности, лазанье на скалы, метание камня, палки на дальность или в цель. Горская заповедь «Встретив препятствие — преодолей!» предполагает самостоятельность в решении каждой двигательной задачи.

Большое место в этих состязаниях издавна отводилось разнообразным играм на местности с использованием элементарных подручных приспособлений и снарядов, которые можно найти в окружающей природе (округлые камни, палки-копья, палки-шашки, различные биты и т. п.), а также более сложных, требующих специальных и трудовых навыков (лук, стрелы, тренировочные боевые кольца — сатитени, кочи, детские горные лыжи, сани).

Единых методов обучения детей физическим упражнениям и играм, а также искусству владения вначале имитационным, а затем боевым холодным оружием у горского населения не было. Однако в процессе подражания взрослым у детей складывались представления о силе и удачестве молодца («каи-кма») и представления о достойной матери-хозяйке.

Мальчики и девочки до десятилетнего возраста стараются имитировать действия старших. Естественно, девочки подражают матерям, старшим сестрам, а мальчики — отцам, старшим братьям. Причем любой старший — будь то родственник или сосед — всегда помогает советами, учит правильно выполнять то или иное действие, изготовить нужное приспособление (лук, рогатку, самострел, шарики, шитье, глиняную игровую утварь и т. п.).

Для развития ловкости, силы, мужества, смелости использовалось и такое упражнение, как переход вброд бурной горной речки. Такие речки несутся очень быстро и тащат довольно увесистые камни, которые больно бьют по ногам и сносят в воду, температура которой даже летом не превышает $+7-8^{\circ}$.

Нужно действительно обладать незаурядной силой и ловкостью, выдержкой, чтобы противостоять напору и, главное, передвигаться в холодной, доходящей до колен воде. Ну, а если случалось падение, то река сама «карала» нерадивого холодной ванной и «учила» остерегаться.

Другое упражнение — хождение и лазанье вначале по пологим, а затем и отвесным скалам. Постепенно упражнения усложнялись: подбирались более сглаженные участки каменистой поверхности скал. Достаточно широко использовалась и езда на неоседланной лошади по гористой местности. Дети к пяти-шести годам так цепко держались за гриву, что лошадь не могла их сбросить.

Очень распространено у горцев катание зимой на лыжах по обледенелому насту горного склона и летом по высушенной солнцем траве. Высота, глубокие ущелья, захватывающая дух скорость создавали те условия, в которых формировались присущие горцам с детства смелость, находчивость, мужество, настойчивость, ловкость, быстрота реакции, сила. Падения при спусках учили терпеть боль, стараться не показывать слабость, быть стойким и решительным, потому что существовала заповедь «Слезы — не для мужчин». Старики не помнят при этом несчастных случаев.

Несколько более упрощенным упражнением был спуск верхом на палке или доске. Это упражнение производное от использовавшейся в летне-осеннее время игры «спуск сена с горы», которая своими корнями, по-видимому, уходит в трудовое действие. В горах лугов нет. Покосы проводятся на склонах довольно значительной крутизны, куда не могут взобраться для транспортировки даже лошади и мулы. Поэтому перевозят сено на двух шестах способом торможения.

Игра, ранее распространенная среди девушек горных районов, где существовал обычай похищения невест, носит название «мотацеба» — «похищение». Суть ее заключается в следующем: две-три играющие в роли похищающих должны из круга вывести или вытолкнуть «невесту», которая защищается любым способом, проявляя при этом увертливость, силу и сноровку.

В последнее время эта игра распространилась и среди мальчиков.

Хочется рассказать о хевсурской игре «дарвеба» — «набег», которая проводилась взрослыми в день Нового года. Старейшина села собирал двух-трех самых ловких и давал им указание — незаметно пробраться в какой-либо дом и унести оттуда что-либо из праздничных яств. Если это удавалось сделать незаметно для хозяина дома, то «дань» относилась к святыни, где собиралось все население от мала до велика. Тут старейшина объявлял о том, что такой-то или такие-то потеряли чувство бдительности и подлежат порицанию. Наказанием им был смех, остро-ты, шутки сельчан, и также они должны были доставить к общественному столу праздничное пиво. В случае, если кто-либо из «похитителей» бывал схвачен, то его привязывали к столбу и высмеивали. Затем на спину прикрепляли разноцветные кусочки материи и провожали под смех собравшихся сельчан к святыни.

Старейшина благодарил за бдительность и восхвалял достоинства хозяина дома. Эта игра проводилась именно тогда, когда все бывали заняты торжествами праздника.

Игры девочек отличались бытовым характером. Однако это не исключало физических упражнений, так как женщина должна родить и воспитать ребенка, выдержать всю тяжесть домашней работы —

уход за скотом, сбивание масла, изготовление ниток и одежды для всех членов семьи и т. п.

Воспитание ребенка начинается с люльки. В колыбельной песне, которую поет мать сыну, ее надежды и заветные желания видеть его заботливым сыном и отцом, воином и тружеником, честным, сильным, гордым и храбрым. В колыбельной, которая поется дочери, воспевается доброта, верность, домовитость, гордость, трудолюбие.

Уже с четырех-пяти лет взрослые стремятся поддержать самостоятельность, инициативность, смелость, стремление к самосовершенствованию детей. Вот как обычно это делается. Во время бесед к мнению детей относятся серьезно, не перебивают их, выслушивают внимательно. В тех случаях, когда они говорят нелепости, их не высмеивают, а терпеливо объясняют, в чем состоит ошибка. Это делается для того, чтобы у детей с самого раннего возраста развивалось чувство ответственности за свои поступки и слова.

Н. Думбадзе, писатель. Моими первыми педагогами, как я теперь понимаю, были бабушка и дедушка. Взрослым человеком я ощутил себя лет в тринадцать. Я тогда оказался единственным мужчиной в доме. Особенно остро помню один момент. К нам зашла соседка и попросила спички. Бабушка сказала: «Подожди, спрошу у мужчины». Конечно, они могли решить этот маленький вопрос и без меня, но обозначили и для меня и для других, кто хозяин в доме.

О. Мясников (Львов). Однажды я заметил, что мой знакомый купил своей маленькой дочке дедомороза. Дело было летом, и я, заинтересовавшись, спросил: «Зачем вам сейчас новогодняя игрушка?» Вместо ответа он пригласил меня к себе домой. В детской комнате я увидел игрушечный стол, уставлен-

ный игрушечной посудой, за которым сидели одетые в национальную одежду куклы. Место старшего за столом пустовало. Мой знакомый осторожно поставил туда игрушечного старика и удовлетворенно произнес: «Вот теперь порядок». Внести в обыкновенную детскую игру национальную традицию, которая имеет большое воспитательное значение, — вот в чем увидел отец свою родительскую обязанность.

Е. Васильев, доцент Чувашского педагогического института им. И. Я. Яковлева. Рождение человека — всеобщий праздник в чувашской деревне. Отец и мать, бабушка и дедушка, вся родня принимают поздравления односельчан и приглашают на «ача чыкаче» (ребячий сыр). И каждый, поздравляя родителей с сыном или дочкой, высказывает, как принято, надежду, что сын или дочь унаследует лучшие отцовские и материнские качества, прославит их дело. Каждый родственник готовится к этому семейному торжеству. Каждый из окружающих должен подумать, как вести себя перед ребенком, ибо как он будет воспитан в семье, так и будет вести себя в обществе.

Новое в воспитании! Это хорошо. Это нужно. Но что оно без старого, это новое? Без преемственности? Без нее мы подрываем корни, которые держат нас. Мы собственными руками расправляемся сами с собой и становимся «иванами, родства не помнящими». Так приходит расплата за пренебрежение к прогрессивным народным традициям в воспитании. Недаром же народная мудрость гласит: «Не стреляй в свое прошлое из пистолета — будущее выстрелит в тебя из пушки».

**Хочешь жениться
на девушке —
сначала познакомься
с ее матерью (тат.).**

**Кто свою мать уважает,
чужую не обругает (азерб.).**

**Дочка ягодки ела,
а у матери оскомина (рус.).**

**Когда предложили принести
самую красивую вещь,
ворона принесла
своего птенца (чечен.).**

**Куда мать, туда и дочь
(лак.).**

**Бездетная плакала, и мать
плохих детей плакала (осет.).**

День, у которого нет границ

...Над Веженисом идет дождь. Которое уж лето бесконечный дождь. Дома в деревне отсырели, почернели, не затопит печь хозяйка — и стынет в избе воздух. Дед Юозас увидел как-то на лугу в солнечную прогалинку ярких, необыкновенной расцветки бабочек, обрадовался, пришел к сыну с вестью: ясная по примете должна быть погода. Но пока висит над домами мутная, серая толща, изредка что-то в ней громыхает, и ливень, как косилка, режет высокую траву. Альфредес озабочен — не погниет ли опять сено, самое время косить да сушить. Дом, в который они перебрались три года назад, отделившись от матери и отца, стоит в болотистой низине. Привез уже

пять машин песка — поднял двор, да на огород не мешало бы 30 машин земли.

Мягок и ровен Альфредес — колхозный тракторист, тиха и немногословна его жена Ванда, а работа в доме, где старшему — двадцать, а младшему — два года, да еще немалое хозяйство: одних коров — две, да птица, да свинья, да огород, — делается, будто играя, сама собой. Как хорошо отлаженный мотор у отцовского трактора. И находится минута у Ванды, чтобы сотворить неспешную женскую работу по тонкой ажурной вязке — дочкам кофточки, костюм, да и себе блузку, а тут еще бабушка увлекла на ковры-самоделки. Расцвечивает избу женское рукоделие, и хранят магазинного стандарта шкафы работу, уникальную по мастерству и одухотворенности. Присаживается возле бабушки, матери шестнадцатилетняя Даля, да легконогая Дайва глянет разок-другой...

— Дети мои — это люди взрослые и ответственные, — убежденно говорил Альфредес. — Все! Кроме, пожалуй, Дайвы. У нее еще прорывается детскость. В седьмом классе еще. Да и про маленького Вайдеса я молчу. А вот Римес, Даля, Альфредес, Виригис, уж эти, конечно, взрослые. Сами и судьбу свою выбирают, я не перечу, им жить, сами свое дело по общему нашему хозяйству знают. Приучены.

...В одной студенческой группе разгорелся как-то спор: зачем люди каждый день ходят на работу, если можно этого не делать, у нас нет безработицы, и никто не «подпирает» с улицы? Наивный этот спор можно было бы посчитать забавным, даже смешным, но такая за этим видна оторванность спорящих от людского труда, питающего все и вся на земле. А уж студенты, не малолетки. Еще несколько лет и — в руководители, в педагоги. Зачем люди работают? ...А вот Даля, которая обихаживает вместе с матерью

весь дом, уже третий год берет в колхозе норму обработки сахарной свеклы, а управится — так берет еще. Зачем?.. Дайва нянчит двух детей соседки, той не с кем оставить малышей, нет детсада в колхозе. Римас намерен работать в каникулы на тракторе, уже сейчас, если позволит отец, подменяет его. Зачем эти дети работают? Они же еще не взрослые.

— Жить мы начали, как говорят, с ложки, — вспоминает отец. — Долго с моими родителями в одном доме теснились, а три года назад колхоз дом нам построил и ссуду дал.

Дом у Поянаукасас большой, светлый, теплый. Вайдес гоняет по гостиной на велосипеде, как по площади. Прикрыт салфеткой телевизор в углу — старенький «Рекорд».

— А почему новый не купите? С большим экраном?

— Дети тоже просят цветной. Но, — рассуждает Альфредес, — телевизор есть, хоть и старый, работает. Зачем торопиться покупать новый?

— Сейчас все стараются друг друга перещеголять, — продолжает он. — У одного телевизор за пятьсот, сосед, значит, — за восемьсот рублей. У одного мотоцикл, у другого должны быть «Жигули», третий, чтобы не уступить, «Волгу» ищет. Вещь за вещь тащится в дом. Это же бесконечно. Зачем?

Мы купили мебель, когда въезжали. Ребята просят — давай еще гарнитур приобретем. Хорошо, говорю, давай. Деньги найдем. Только вот что: у нас уже есть шкаф, еще купим стенку, уставим всю стену шкафами. А жить где будем?

Глубокое уважение к труду, который обернулся в заработанные деньги, — и потому тратить их надо не в удивление соседа, а бережно — на полезную и нужную в жизни вещь — стоит за этими словами Альфредеса.

В серванте оставляют родители деньги на хозяйство и «на случай» — все дети знают о них и, когда есть необходимость, берут, потом точно отчитываясь матери в покупках. И ни разу не было, чтобы личное удовольствие что-то занять у кого-то возобладало над общим и кто-то потихоньку «увел» десятку. Смешно и страшно подумать такое в семье, где тесно переплетены любовь, родство, забота друг о друге.

Судьба семьи Поянаукасас для Литвы типичная. Юозас — дедушка, прошел полную пастушечью «школу», пася кулацкий скот. Стася Юозовна, бабушка, детство начала нянкой у детей кулаков, где батрачила и ее мать. В войну прятали в подполе до двадцати парней и девчат, не желавших уезжать в Саксонию. Советская власть дала им землю, и первое время детей — Альфредеса и дочек они держали у бабки, боялись, что зеленые бандиты, которые тогда еще постреливали в лесу, вырежут их всех. А потом Юозас пастухом, а Стася Юозовна дояркой работали в первых, еще слабеньких колхозах.

— Иду доить коров. Пять километров пути. Темно еще — три часа утра. И малых дочек тащу за руки, а они спят на ходу. Холодно было на ферме зимой. Руки согреешь под коровьим выменем, глядь, а у той хвост примерз. Ни водопровода, как сейчас, ни автодоилки...

Все вынесли рабочие руки бабы Стаси, вены на них вздулись, но... ничего. Приходил светлый вечер, и с уже повзрослевшими дочерьми торопилась она в деревенскую библиотеку — на хор. Сколько цветов на лугах — столько голосов в Литве. И многотысячные весенние певческие праздники в республике — как будто урожай духовного богатства людского. Потому что в песне, которую поют сами, а не слушают, говорит с людьми, страдает, радуется,

мечтает душа человеческая.

Как-то один писатель-фантаст силой искусства перебросил современного человека на несколько столетий назад. Кончилось это трагически. Привыкший к удобствам XX столетия путешественник, разумеется, не преминул взбудоражить воображение наших предков рассказами о телефоне, машине, электрической силе... Печальная развязка наступила, когда его попросили что-то сделать самому или объяснить другим. Промучился, но не смог. Тот человек неплохо знал свое какое-то «бумажное» ремесло, а в остальном был сведущ не больше дикаря. Забавный, но и грустный тот рассказ. И поучительный. Беседуя с жителями литовской деревни Веженис, местечка Субачюс, колхозниками, педагогами, я попыталась, очень условно конечно, составить среднестатистическое количество профессий, которыми владел (и сегодня нередко владеет!) литовский крестьянин. Получилось примерно что-то около пятнадцати. А что вы хотите — пахать землю, ходить за скотиной, уметь подковать лошадь, сложить печь, построить дом, наткать полотна и обшить семью, провести отопление по дому, поохотиться, порыбачить, засушить лечебных трав, наконец, из лупоглазых ребятишек подготовить смену свою — честь рода не замарать, а дела свои продолжить их руками — подсчитайте-ка, сколько «дипломов» хранится в каждом доме.

Простая литовская женщина не только везла на себе все бесконечную крестьянскую работу, но и рисовала, пела. О том, какое большое место отводили в своей жизни литовские крестьяне красоте, видно из огромного количества рукотворных изделий, прочно вошедших в их быт. Чем иначе можно объяснить живучесть и обширную символику плетеных или тканых лент — юост. Каждая девушка уме-

ла их плести с самого юного возраста, в приданое они входили сотнями штук.

Символом счастья издавна считалась юоста, не от того ли, что сотворена искусными девичьими руками и горячим ее воображением? «Тки холстины, матушка, а я стану юосты ткать, будут звать меня, просить во страну чужую», — пели девушки. Зазорно было бы молодой снохе отнести свой первый обед в поле, подвязав посудину веревкой, а не яркотканой лентой — юостой.

Широкими юостами матери пеленали детей, первый сноп на жатве связывали юостой. Вытешет парень в подарок любимой грабли, прялку или веретено — ответ в знак благодарности — пояс, где в орнаменте задержалась песня, а то и пожелание...

Чувство сотворенной красоты — это чувство, которое посещает художника. Перед каждым литовским домом непременно — маленький, но цветник. А самый красивый цветник, говорит молва (и обычай), у того дома, где живет самая работающая и лучшая девушка, смотрите-ка внимательнее, парни.

Нынешний директор одного из деревенских музеев Адоманис Пятраускас всю жизнь работал много, неумная его энергия пробивалась сквозь ревизорскую степенность, была ключом в твердых распоряжениях председателя, в бессонных бригадирских хлопотах, умиралась в осторожных руках пчеловода.

А ушел на пенсию — шестьдесят лет проскочили, как большой трудный день, — ночь на спал, думал, как соединить прошлое и будущее. И проснулся уже с решением быть директором самодеятельного музея этнографии, куда принес свои первые экспонаты — это были лапти отца, да еще штаны, в которых он ходил гулять, в костел, в гости. Праздничные отцовские штаны были сработаны из серой мешковины в грубый рубчик. «Мы здесь, а не в городе, должны ви-

дети и знать, как жили наши отцы. Каким трудом все они добывали и как хитро и умно, по-инженерному, сейчас можно сказать, решали они заковыристые задачи, которые подсовывала им природа».

Пятраускас, худой, гибкий, оживленный, ходит по обширному своему музею — а это двор его, да еще изба, да пристройки, да сад, где ценнейшие деревянные скульптуры закрывают синее небо. Он похож на жителя двух миров одновременно: прошлого и настоящего, так свободно, как с половицы на половицу, переходит он от истории к истории, где густо рассыпаны имена людей и их дела. Круглыми лепешками рассыпаны на траве жернова.

— Каменные всегда жернова у нас были, а один крестьянин, — тут Пятраускас делает паузу, — а одна умная голова додумалась: деревянные попробовать, чтобы камешки в хлеб не попадали.

Лапти, подшитые шнурками, чтобы дольше носились, приспособления для выделки колбас, прялки, черпаки...

— Тут наших дедов разум лежит!

Пятраускас вытаскивает из груды крестьянских инструментов длинную дощечку с ручкой.

— Как мы лен чистили? Сначала били его, чтобы освободить от грязи, трухи, потом от соломы освобождали, руки от долгого битья работали неточно — забудешься и ладонью бьешь в кровь, а она капает в лен. Чтобы этого не было, выдумали мужики особую ручку, защищающую ладонь.

А вот хитроумный сосуд из обожженной глазурованной глины для разделения сметаны от молока, особая мясорубка — она еще и сейчас может работать «как зверь», гладильные доски, ручные молотилки, короткие косы, грабли...

Пятраускас, на свою лишь пенсию собиравший все эти годы «разума народного образцы», уже не

один. Приходят к нему соседи, из других деревень приезжают, порой издалека — и с ними, как правило, дети, и везут ему в виде вышивок, изделий, утвари добрую память об отцах и матерях, а точнее, не только память — это овеществленное знание людей о мире, постижение его.

— Я решил, пусть все смотрят, как мы делали рационализацию с нашими инструментами, — говорит Пятраускас. — Бедный, значит, дурак, думают порой. Нет!

Такая ли уж «узкая профориентация» была (и есть) у крестьянских детей? Выросшие возле умеющего «почти все», особенно на взгляд сыновей и дочерей, Альфредеса и завидной рукодельницы Ванды, дети довольно рано определяют свое будущее. Ясно уже, что старший сын Альфредес и средний Римас, как и отец, — механизаторы, шоферы, десятиклассница Даля мечтает о кулинарном техникуме, одиннадцатилетняя Дайна — нянька всех детишек улицы, Виригис, как только приезжает, — сразу к животным.

Мама жалуется на дочку: та требует дорогих нарядов, а сама носить их не умеет — после нее хоть выбрасывай. Попыталась мать было запереть шкаф, да дочь грозитя поломать замок. «И в кого она такая?» — горько повторяет всем знакомым мать, забыв, как страстно жаждет она сама получать красивые вещи. «Сапожник — это сын сапожника», — говорят в народе.

— Дочка-неумеха — дурна матка, — прибавляет мать Альфредеса Стася Юозовна, — видела я одну семью, дочка только учится, а мать ей то кофту, то свитер, то платье вяжет, а она — ничего. Замуж пойдет — жди скандала.

— Любил я детей, но на работу был строг. Мы идем, и вы идите — по вашей силе, — говорит отец

Альфредеса Юозас.

Альфредес вспоминает: «Приходит ко мне сын Виригис:

— Хочу джинсы.

А они на базаре 180 стоят.

— Ты, — говорю, — хочешь джинсы, я хочу другого, мать хочет еще чего-то, а Даля тоже о чем-то мечтает... Заработай. Купишь.

Возражать не стал. Через некоторое время попросил, чтобы я помог устроиться ему на каникулы работать.

Пошел на склад грузчиком. Принес за лето 250 рублей. Купил за 180 джинсы, еще себе чего-то. Остальные отдал матери».

— А были бы в семье лишние деньги — купили бы, Альфредес, сыну джинсы?

— За такую цену?.. Не купил бы!

Хорошо, крепко мы сейчас живем. Можно, не справляясь о вкладе в сберкассу, по толстым, тяжелым животам шкафов и серебрянозубым сервантам понять, что мы не слишком боимся «черного дня». Только духовные ценности тоже любят пространство, они задыхаются среди царствующих вещей. Мы стали лучше жить — все верно, но стали ли мы лучше? — это должно заботить всех и всякого.

Виригис записался в секцию каратэ. Кимоно, сенсей, короткие, как из выхлопной трубы, крики, еще мягкая, но красная ладонь от тренировочных ударов по кирпичу... Только заметили в семье одну деталь — Виригис как будто вырос, то ли это от развернувшихся плеч, то ли от того, что гордая его голова немножко меньше стала склоняться к домочадцам. Из скольких компонентов состоит «семейная атмосфера» — не стоит и исследовать, у каждого свой воздушный «коктейль». Наши мечты и надежды, ласковый взгляд и трудолюбивое терпение — всего не

перечислишь. Как барометр чутки родительские души — холодно стало от Виригиса в доме. Почему?

Психология сверхчеловека, власть силы удара над добротой — нет, об этом еще рано было думать и говорить, а вот что-то непоправимо утекло из ясного и ласкового их сыночка — было видно, и это встревожило их настолько, что отец нашел время, поехал к мастеру и после беседы утвердился окончательно, что с каратэ по капле входит в Виригиса жестокость. Не созрел еще, значит, парень, пусть-ка его организм силу свою набирает в легкой атлетике, еще где-то, но не в ударах по человеку. И решительно запретил сыну посещать эту секцию.

Известная каждому картина: хозяйка колотится из последних сил у плиты от желания успеть приготовить массу блюд, хозяин хлопает дверью, принося из магазина все новые сумки с вином, водкой, дочери ставят тесно друг к другу стулья, табуретки, и воздвигаются над скатертью пирамиды съестного. Сели, тесно плечом к плечу, тосты, говор, песни, жарко, открыли форточки, а еще мясное несут, а еще торты терпеливо ждут своей очереди, пироги, варенье... Час сидят, два сидят, три сидят. И поздно вечером, провожая последних, крепко захмелевших гостей, как говорят, уже «хороших», хозяева благодарят их за то, что пришли, поздравили, не забыли, что...

Так проходит практически любое торжество: день рождения, юбилей, свадьба, новоселье, поминки... Даже странно, что в наш в общем-то не голодный век мы самые разные по смыслу, светлые и грустные события собственной жизни «освещаем» в основном огромным количеством съеденного и выпитого. И только. Между тем в каждом народе, и литовском тоже, праздник — это прежде всего действие, почти

спектакль, где участник — каждый присутствующий. И роль ему подсказывает этическое отношение к происходящему. Не случайно ученые настойчиво говорят о педагогике народных праздников.

Конечно, самые богатые обряды свадебные. Вся жизнь человеческая в них: и драма уходящей от родителей дочери, и праздник зарождения новой семьи. 15 лет в городе Купишкиссе существует народный этнографический театр, который ставит все эти годы один спектакль — «Купишкисская свадьба». Актеры здесь — люди, прожившие долгую, отнюдь не артистическую жизнь, как правило крестьяне, «невесте» за восемьдесят, «жених» тоже не молод, как и родители, гости, сваты... и потому этот полный импровизации, удивительный спектакль идет не как театральное представление, а как реставрированный самими людьми кусок их жизни, их горя, счастья, дум о мире. И не только старухи затихают и плачут в зале, когда, уходя к венцу, невеста бережно целует на прощание хлеб, испеченный матерью, даже подростков трогает величие и символика этой минуты.

Что там, на блюдах, зрителям не видно, но венок из руты, символизирующий девичью чистоту, был снят с кос невесты под ее слезы, «продан» с шутками и розыгрышем невестин «сад» — искусное творение из соломы, лент, чучел птиц 85-летней бабы Балтруни (артистки и бессменного художника театра). Звучат песни про Дрозда — их сложил когда-то народ в память народного поэта Страздоса, он был странным ксендзом в Купишкиссе — с лицом мужика и щедрым сердцем; когда умер Страздос, все его имущество оценилось в 1 рубль 37 копеек. На горшок для квашни усадили молодую хозяйку — чтобы всегда хлеб был в доме, водят вокруг стола — чтобы счастье круглым солнцем освещало эту семью.

Что любопытно: о любви мало, почти ничего не

говорится, на девичьих посиделках поют, как размышляют, о будущей жизни, танцы повторяют ежедневные дела — будто ткут полотно, прядут. И в шутках, и заветах родительских, родственных подчеркивается основание будущей доброй жизни — труд. Как точка отсчета — труд — начало всех нравственных норм жизни. В этом философия народа, его главный педагогический принцип.

У писателя Йозефа Балтушиса, уроженца Купишкисского района, есть книга «Проданные годы» — о его пастушеских университетах. И сегодня почти каждый немолодой литовец может вслед за писателем поведать об уроках, которые получил сам, пася свое, а чаще — чужое стадо. «Были хозяева, которые нарочно разбрасывали деньги и следили — взял ли монетку пастушок».

Скярджус — старший пастух, он первый после отца учитель мальчишек и девчонок. Уляжется на отдых стадо. Скярджус смастерит ребятишкам дудочку, а то и игрушечный плужок — пусть-ка пробуют силы хлопчики, не всю жизнь коров да овец им гонять. Легенды о подвигах великого князя Витаутаса, о борьбе с псами-рыцарями, сказки, песни... С помощью Скярджуса пастушки учились «распутывать» звездные клубки, постигали сложение и вычитание... Вырезая из дерева ложку, топорище, кнут, получали первые навыки плотницкого дела. Пению птиц, запаху трав, колкому холоду рассветного тумана, зною, дождю открыты были двери «школы Скярджуса». Но опять среди всех предметов главным был урок труда. Наперекор уставшим, нередко измученным от работы подросткам Скярджус сказами, песнями, притчами внушал, что основа жизни — труд. Часто, наверное, звучала среди лугов и болот сказка-притча о человеке, ищущем счастья.

— А что ты умеешь делать? — спрашивал его каждый, кто встречался ему на пути.

— Ничего!

— А как тогда ты хочешь быть счастливым?..

Баргулис Пятрас вспоминает: *«Меня, семилетнего, в пастухи отдали, мать, отец на дорогу наказали, чтобы работал, уважал старших, а чужое не брал. Помню, мы, пастушки, сгоняли вместе несколько стад и в лапту играли, а еще в рипку. Всех наших игр на ловкость и быстроту уж и не упомнишь. Умею класть печи, умею строить избу, от матери и бабушки знаю много лекарственных трав — раньше больше сами лечились, доктор один был на всю волость».*

Скиписис Пранес возле сарая за домом подбивал копыто у лошади. Синеглазая девушка, сидя на корточках, держала ногу животного, а лошадь все пыталась ухватить и пожевать белый платок.

— *Плотницкое дело знаю, — отрывисто, не прерывая работу, говорил Скиписис, — и пахать могу, лошадь подковать, многое чего умею. Как же без этого в деревне-то? Кто научил? А никто. Сам увидел у других и научился.*

Куканис Домас рассказывает свою жизнь неторопливо, как был: *«Мы в лесу на хуторе жили, корчевали пни, чтобы пахать. Отец умер, когда мне шестнадцати не было, остался за старшего в доме. Нет, работа мне тогда не казалась тяжелой. А любил я больше всего на свете музыку! Отец, особенно мать хорошо пели, мать ученые даже на пленку записывали. Как услышу музыку — бегу, хоть посмотреть. Отец купил мне тульскую гармошку, а играть я уж сам научился. А подрос, еще одну себе купил — немецкую «константиновку». И как-то сменял ее на американскую, сама серебристая, а звуки сочные, хорошие... Ехал с ней домой, кондуктор билета не дал — играй! И всю дорогу я играл».*

Куканис принес из-за занавески «константиновку» — странной, квадратной формы гармошку, начал играть старинный вальс. Старуха его сидела, молча положив коричневые руки на стол, слушала...

Над полем пролетел аист, мимо избы Куканиса, вдоль дороги. Аистиное гнездо как огромная плетеная папаха на спиленном стволе толстой ивы. Опустился в гнездо, запрокинул голову и застучал, как костяными трещотками. И отозвались два других, птицы показались со стороны болота, щелкали и кружили над двором, потом один приземлился в гнездо, а другой — одинокий — еще долго летал, совсем низко. Потом улетел прочь. А в гнезде шевелились, попискивали аистята.

Адомелису Пятрасу повезло: *«У родителей была своя земля, так что я не батрачил. Но работал столько, сколько себя помню. Отец на сенокос, и я с ним. Сделает для меня маленькие грабельки — работай. Пастушил, конечно. Пахать начал с двенадцати лет. Очень любил коней. У нас их два было в хозяйстве. Где бы ни был, как ни устал — к ним. Строгие были отец, мать. Мы по деревне не болтались — работы дома всегда было много. Только в воскресенье, уж когда парнями стали, на вечеринки ходили. Вскладчину продукты, дом назначали, музыкантов звали. Вечером, когда закат солнца, начинали... Но пьянства не было. Если пьяный — ни одна девка не пойдет танцевать. До двух ночи пели, плясали. А рано утром — за работу».*

Живет в местечке Субачюс Эмилия Станчикайте, бывшая батрачка, а после войны колхозница. Утром нарабатывается в поле, а вечером, торопливо завершив хозяйственные хлопоты, спешит к ткацкому станку, как к малому ребенку, что заждался ее. Десять лет так она вечера за созданием новой узорной ткани.

Еще подростком познакомила мать ее с этим искусством. Впрочем, и сегодня в 16—18 лет многие умеют ткать в литовских деревнях. А в 45 лет решила Эмилия изучить огромную науку художественного ткачества, новые стежки, сотни сложных узоров, отпечатанных на перфокартах. Выходят из-под ее рук малиново-синие, желто-зеленые, черно-красные узоры. Висит на стене нитяной приз — за 1-е место на Дне ткачих, а в крошечной комнатке, которую почти всю заполняет станок, стена, где ее касается крепко сбитое крестьянское тело, вытерта, как стерты бывают от работы рукавицы.

А сосед Эмилии Альгердес Бална в 26 лет совершил не менее серьезный поворот в своей жизни, бросил бухгалтерское дело и стал резчиком по дереву, скульптором-сказочником, чьи мифологические существа напоминают лучшее или грустное в нас самих. С тех пор прошло немало лет — золотую медаль привез с Международной выставки в Брюсселе его пастушок с дудочкой. И дом сказочника сам похож на открытую дверцу в мир фантазии и улыбки — где старик с пчелой и черпаком — бог пчел, влюбленные ужи и лихо пляшущая баба-яга, и, конечно, литовская семья: отец, мать и первенец — под расписное сияние солнца. Приходят в дом Балны дети, а хозяин, как секретарь секции самодеятельных художников, ведет журнал, где записан Кадайнис Бронис, кузнец из деревни Шепета, делающий из металла красивейшие вещи, и Биккус Бронес, колхозный электрик из деревни Скапешке-са, — резчик по дереву, ткачиха из соседней деревни, а еще вышивальщицы... Сколько таких в Литве — в каждой деревне...

...Погибла ласточка. Крошечный черно-белый комочек лежал на ладони у Дайвы легко, как живое

перышко. Только глаз не было видно. Закрылись. Ласточку нечаянно залепили в гнездышке, когда строили «жилье». Дайва заметила, что входа нет, заглянула внутрь, но — поздно. На задах двора она выкопала ласточке ее последнее гнездышко и украсила могилку ленточками. Ванда тоже была очень расстроена... Смерть, хоть и птицы, есть смерть.

Рассказали мне в Литве про одного парня, он учился в сельхозтехникуме, а окончив, приехал домой, в деревню. И, увидев, что ласточка запачкала его висевший под стрехой велосипед, схватил палку и бил ею по птичьим гнездам, руша, разметывая их. Скоро разнесся по деревне слух, приходили люди, подбирали и уносили к себе птенцов. А парня осудила народная молва так, что он не смог жить дома ни дня, уехал.

Жестокость к животным, к живому, пусть бессловесному, не прощают люди. *«Мой конь узнал меня через 6 лет, он уже был у другого хозяина, — вспоминает одна уехавшая из деревни женщина. — Это просто дрожь берет, как он все понимал и чувствовал».*

«Слышала, что есть такие, что держат корову на три двора по очереди — да разве можно так — она же родным существом становится в семье. Разве поднимется рука родного отдать кому-то?» — размышляет Ванда.

Вопрос — можно ли любить машину? Не знаю, может быть, и можно. Но это любовь безответная. А животное отвечает на любовь, будь оно могучее и сильное, как лошадь, или крошечный — в три ярких перышка — птенец. Каждый выросший среди лугов и полей помнит, как корова, куры... — не только собака — ждут и помнят своих хозяев. В старину люди не любили отдавать коня «на сторону», в

чужие руки. Сам хозяин шел с ним, если нужно было что-то сработать. И дети, видя это, учились доброте. Не потерять бы этого...

Если мы знаем, что у кого-то дома цветы лучше растут, — неосознанно чувствуем: добрые руки дают им силу. Филомена Таутине, как врач, может утверждать, что больше возможности выжить после тяжелой болезни у того ребенка, которого сильно любят. Мать, как говорят, дышит на него, жизненную силу в него вливает. А называется эта сила — любовь. Человеку очень нужна любовь. И маленькому, и большому.

Ребенок не хочет идти в сад — плачет, даже в раздевалке бьется в истерику. Уходят со стесненным сердцем мать и отец, а, наверное, доля истины в этом сопротивлении малыша есть — матери в группе нет целый день, а есть ли кто, полноценно заменяющий ему мать, излучающий ту же великую материнскую любовь и доброту? И неуютно малышу у тети, для которой он — один из тридцати, для которой главное — порядок. Где уж тут «распуститься», «расцвести» малышу? Мягкие, тонкие, ласковые порой становятся здесь замкнутыми, «правят бал» шумные, самоуверенные. И ребенок может успешно «кончить» детсад, а воспитатель так и не узнает, что он любил петь и даже сочинил песенку, что он фантазер и проблема начала и конца вселенной уже давно занимает его мысли. Знают о том лишь родители, беглые обрывки из целого дня посвящающие ребенку. Но они в жизни юного человека как пунктирная линия — есть и уже нет...

Тесная связь родителей с детьми как сообщающийся сосуд, через который перетекает, входит в кровь и в мысль ребенка нравственная сущность человеческая. Это основа, заповедь всей народной педагогики.

...Уже одиннадцать вечера, а на дворе у Пояна-
ускасов белый день, рамы в малиновом закате.
Сонно тянутся по небу голубые и серые облака.
И зреет под окном нового дома красная сморо-
дина...

Диалог с двухлетним Вайдусом:

- Кто ты бабушке?
- Красавец-любимчик.
- Дедушке?
- Внук.
- Матери?
- Сыночек.
- Отцу?
- Сын.

*Литовская ССР,
Купишкисский р-н,
д. Веженис*

Читатель. Именно в семье происходит формирова-
ние привычек, жизненных принципов. От того, как
строятся отношения в семье, какие ценности, инте-
ресы находятся на первом плане, зависит, какими
вырастут дети. Уроки жизни, которые дает семья,
обладают огромной воспитательной силой потому,
что эти уроки дают самые близкие и дорогие ребен-
ку люди — отец и мать. Мать! Сколько заключено
в этом слове! Все самое светлое, самое святое!
Песни о матери, даже самые безыскусные, глубоко
трогают человека, как бы ни зачерствел он в суете
дел.

Автор. Загляните в начало своей жизни. И вы уви-
дите Мать. Мать стоит у наших истоков и в прямом
и в переносном смысле. «Мать с ребенком только

земля разлучит», — говорит дигорская народная пословица.

А. Коршунов, шофер (Москва). Я хочу рассказать о женщине-матери. О своей Матери. Седьмого апреля 1942 г., когда мне не было еще и шести лет, к нам в деревню нагрянул карательный отряд. Всю деревню собрали на площади — от старца и до мала. Стариков и белобилетников повели на расстрел — среди них был и мой отец. А нас, ребятишек и женщин, заколотили в одну избу и подожгли. И когда уже стали задыхаться в дыму, нашлась одна отчаянная женщина, которая выбила рамы. И наша Мать, сама задыхаясь, выхватила из огня меня и потерявшую сознание мою сестру... В этот день каратели сожгли дотла всю деревню и уехали. Второе наступление на теперь уже голый курган, где все еще функционировал партизанский отряд, они предприняли 2-го мая. Партизан выбили, а нас, женщин и детей, погнали на станцию. Погрузили в товарные вагоны, заколотили окна и двери и отправили эшелон в Рославль. По дороге самые малые и слабые стали умирать от жажды. Чтобы спасти маленькую дочь от смерти, Мать отпоила ее... мочой. Девочка осталась жива, но «села на ноги» — перестала ходить. Из концлагеря в Рославле нам удалось бежать. Мать все время несла девочку на руках, еще и провиант, который нам подавали по дороге. А когда мы подошли к Десне и нас встретили партизаны, чтобы переправить на другой берег, в лодке нашлась одна «шустрая» бабка, которая очень настойчиво советовала выбросить девочку за борт — куда, мол, тебе возиться с инвалидкой в такое время. Но Мать на это не пошла, сказав: «Если мы здесь лишний груз, выбрасывайте нас всех...»

Теперь мы выросли, имеем своих детей. У сестры

их — трое, она замужем. И все это благодаря Матери».

В. Чурюмов, учитель (с. Болотино Глодянского р-на МССР). Бережное отношение к хлебу — это в первую очередь от матери. Раньше жизнь нас не баловала. Много детей — попробуй накормить всех. Хлеб — это прежде всего жизнь детей. И если заходил у нас разговор о хлебе, то мать находила самые ласковые слова, называя его не иначе, как хлебушко. Бесценной была каждая крошка. В тяжелые военные годы — двести граммов на иждивенца. Что нам этот маленький кусочек хлеба? На один зуб. Но никогда не возникало ссор. Тяготы нас объединяли.

В нашей семье все учились на «отлично». Стоило сказать, что я, мол, занимаюсь — и это было свято. Когда один за другим дети пошли на войну, наша мама села за стол, чтобы научиться писать. Правда, в ее письмах нет запятых, никаких больших букв, но нам все понятно. «Надо» — и она в свои преклонные годы училась.

Разве мы могли кое-как учиться? Просмотр дневника — как ответственный акт. «Отлично» — так и должно быть.

Не стало отца... мы сплотились около матери. И опять поучительный урок. Разбили гитлеровцев под Сталинградом. Необычайная радость. Разбитые фашистские войска, теперь уже плененные, третий день плетутся через наше село. У многих немецких солдат жалкий вид. Как мы сами ни голодали, но по просьбе мамы, отрывая от своего скудного пайка, вытаскивали хлеб и делились с ними. Враг он враг, пока с оружием, а здесь он пленен.

А немного раньше фашисты были в каких-то пятидесяти километрах от нашего села. На постой стали советские солдаты. Их было шестеро. Насту-

пила ночь. Бойцы хотели лечь на полу. Мама запротестовала и уложила солдат на койки, отдав лучшие одеяла. Нам постелила на полу и шепотом объяснила: «Ребятки, они же завтра идут в бой. Может, кого-то из них не станет. Пускай в последнюю минуту почувствуют заботу о себе». Святее и роднее слов «советский солдат» для нас не было. Они наши защитники, им первое место.

Можно бросить упрек: почему семейная педагогика рассматривается больше со стороны матери? Что ж, участвует в воспитании детей и много делает для них отец. И все же, по-моему, первенство за матерью!

Г. Волков, профессор, доктор педагогических наук (Москва). Народной педагогике присущ культ материнства. Бабушка своим многочисленным внукам с малых лет вполне серьезно внушала, что к каждой девушке, женщине надо относиться, как к будущей божьей матери, потому что никому не известно, от которой из них родится новый спаситель... Второе пришествие Христа ее не занимало.

Русские крестьяне еще в начале этого века принимали новорожденного в отцовскую рубаху, чтобы отец любил... О любви материнской народу печься особенно и не надо было: ее не измерить...

М. Е. Кирда (Омская обл.). Я родилась в тяжелом холерном 1921 году. Отец умер, когда мне было пять лет, а нас осталось 8 человек, мама — девятая. Помню в детстве страшный голод, мы были пухлые от голода, весной не могли даже траву рвать руками, паслись, как поросята. Маме нашей предлагали: выбери, мол, себе одного, а тех, остальных, отдай в детдом. Мама заплакала: у меня, говорит, на каждой руке пять пальцев, и какой ни порежь, с каждого кровь бежит и каждый болит, так и дети, мне всех жалко. И никого не отдавала, парила щавель,

разные травы. И мы все выжили. Она была мужественная, наша мама, сильная духом.

Е. Я. Семенчук (пос. Усть-Абакан Красноярского края). Мама согревает своим дыханием дитя, и быть матерью — это большая гордость. Тот прожил бесцельно и бесценно свою жизнь, кто не испытал, как пахнет парным молочком детское тельце. Превеликое счастье быть матерью, и большего счастья нет на свете.

Р. Гордиенко (г. Кривой Рог). Мои родители поженились сразу после войны. В возрасте трех с половиной месяцев, заразившись от старшего брата, я заболела корью. В результате наступил паралич. И тут началась подвижническая жизнь моих родителей. Приблизительно восемнадцать раз мама возила меня в Евпаторию... Не скажу, что лечение помогло на сто процентов, но благодаря моим родным я стала тем, что я есть. Когда мне исполнилось 8 лет, мама стала хлопотать, чтобы ко мне на дом приходили учителя... Вот уже пять лет я работаю в одном из научно-исследовательских институтов нашего города. Работаю на дому, работой очень довольна. Чувствую себя полноценным человеком.

Л. Х. Михайленко (г. Херсон). Я осталась без родителей, и приютила меня чужая женщина. Она стала мне настоящей матерью. Сколько она дала мне душевного тепла, сколько ночей не спала, когда я болела, как могла защищая меня от всех бурь. Вырастив, отдала меня замуж и еще помогла растить моих детей. И они относятся к ней с любовью, как и я.

Читатель. Помните у Толстого: все счастливые семьи похожи одна на другую, но каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Только вот где, подскажите, рецепт создания этих «одинаково счастливых» семей?

А. Степовой, проводник пассажирских поездов (Москва). Прежде чем приступить к воспитанию детей, надо чем-то остановить олимпийский бег родителей за модой: деньги, машины, мебель, джинсы, диски... Иначе на каком примере их дети будут учить своих детей?

Мы зачастую теряем рецепты наших предков, забываем, что основой, фундаментом для человека была и будет семья. Это его корни.

В. Чурюмов, учитель (с. Болотино Глодянского р-на МССР). Уважение к отцу — хороший народный обычай, вернее, уважение к работающему человеку. Ему — лучшее, ему — самое первое. Помню, жили мы трудно, отец недоедал, но говорил, будто бы сыт. Мы понимали, что мама хочет его накормить, а он в свою очередь отказывается в нашу пользу.

Надо не забывать: человеку нужны почет и уважение в своей семье.

Е. Васильев, доцент Чувашского педагогического института им. И. Я. Яковлева. Наши деды жили, строили, любили, отдавали жизнь за своих внуков, закладывали фундамент сегодняшней радостной жизни. И вот теперь их внуки во многих случаях не знают их добрых дел, в присутствии внука и внучки родители «вежливо» игнорируют, а порой невежливо третируют бабушку или дедушку, их богатый жизненный опыт. Горько? Обидно? Да, но и опасно.

Т. Шарапко (Днепропетровск). В хороших семьях не ссорятся по пустякам, мелочам. Мир в доме сохраняет семью, здоровье.

Я живу в семье своего сына. Стараюсь облегчить жизнь своим близким, делаю все, что может цементировать семью.

Вспоминаю слова одного пожилого мужчины, которого его малограмотная мать учила так: «Если хочешь, сынок, чтобы твои дети были здоровы и семья

была крепкой, никогда не пей. Уважай жену, береги ее. Твое уважение к жене — залог уважения детей к тебе. Дети не должны быть свидетелями ссор».

И. Г. Шахов (Павлодар). В 1932 г. наша мама работала в столовой, мы с братом заходили после садика к ней. И каждый раз видели там мальчика-казаха, грязного, оборванного, он собирал со стола объедки. Мы попросили маму забрать его к себе домой. Ладно, сказала мама. И мы привели его домой. Все, что на нем было, сожгли, одели во все чистое. И он стал членом нашей семьи. Не помню, сколько он прожил у нас, что-то два года, потом нашелся его отец и забрал сына... Это был не единственный случай, когда мама помогала нам совершать добрые поступки и творила добро сама. Во время войны у нее осталось четверо детей, старший сын ушел на фронт. Отец, как коммунист, почти все время находился в командировках или на заводе. Мама приходила домой усталая... Однажды вечером кто-то постучал. Я открыл — передо мной стояла старушка. Она попросила: «Подайте, Христа ради». Я пригласил ее зайти в дом. Она села на стул и тяжело вздохнула. Мама спросила: «Откуда вы, бабушка?» Та рассказала, что она — эвакуированная, немка. Потеряла во время эвакуации родных. Мама посмотрела на нее: «А что у вас с ногами?» А они у нее были такими, будто на них надели колодки. «Бабушка, давай раздевайся, будешь у нас жить», — сказала мама. Сводила ее в баню, дала ей свое белье. А ноги у нее опухли от голода. Эта бабушка прожила у нас всю войну и только в 1946-м нашла своих родных...

М. Дмитриев, педагог (г. Мозырь, БССР). В романе белорусского писателя, в прошлом учителя, Микола Гроднева «Что скажут люди» рассказывается о том, как в первые послевоенные годы в одной уцелевшей крестьянской избушке сельчане поселили

три многодетные семьи: семнадцать детей на три женщины-матери. Женщины и подростки должны были ежедневно выходить на колхозные работы. В избе оставались одиннадцать малолеток и по очереди одна из трех матерей.

Дети старались по утрам отправлять на работу своих матерей, чтобы остаться с «чужой» тетей. Почему? Тетя всегда в то голодное время в первую очередь оделяла лишней ложкой супа чужих детей, а своим, как правило, доставалось меньше и похуже пища, а то и совсем не доставалась. «Ничего, скоро будем готовить ужин. Потерпи», — говорила мать своему ребенку. Этого сказать она не могла детям из других семей. И ребенок голодал и ждал очередной похлебки. О чем он думал?

Спустя тридцать лет, будучи на родине писателя, я встретился с некоторыми членами этих семей.

— Тогда мы не все понимали, даже винили своих матерей. Теперь мы сами матери и поступаем так же: спешим делать добро людям. Это типичное воспитание белорусов.

Автор. Мне очень хотелось бы вспомнить слова В. А. Сухомлинского: «Это просто несуразица — считать, что от мужчины якобы исходит более сильное, волевое влияние и в этом заключается мужественность воспитательной силы мужчины-отца, а от женщины-матери — более нежное, тонкое, благородное влияние, чуть ли не расслабляющее человека. Настоящая женщина-мать нежна, как лепесток только что раскрывшегося цветка, и тверда, мужественна, негибаема, непримирима к злу и беспощадна, как справедливый меч».

**Что в котел крикнешь,
то он и ответит (осет.).**

**Не смотри на красоту,
смотри на сердце (алт.).**

**Злой человек
сам себя ненавидит (удм.).**

**Враг камнем ударит,
ты его хлебом бей (кумык.).**

**Не гони коня кнутом,
а гони овсом (рус.).**

**Широкой душе и мир широк,
а узкой и мир узок (уйгур.).**

**Где нет хороших стариков,
там нет
хорошей молодежи (адыг.).**

Белые снега детства

Красные прожилки конского щавеля. Немигающий вороний глаз ягоды шикши. Пестрая шкурка припавшей ко мху березы. Тундра. Когда идет дождь, капли, как тяжелые икринки, свисают с лакированных брусничных листьев. Темно-красная нерка, выставив из воды острую зеленую голову, идет вверх по реке Вамочке нереститься. В материнском безумии, не обращая внимания ни на что, даже на чаек, которые в хищном рывке выклеывают ей глаза. На песчаной косе медвежьих следы. Порой днем сети вытаскивают рыбаки, ночью — медведь. Это — летом,

которое длится месяц. Зато зима бесконечна: холод, пурга такая, что детей ведут в школу в связках, как альпинистов, а на улице нет домов — одни трубы. Почему я так подробно обо всем этом пишу? Чтобы поняли: и дикий зверь, и белый фонтанчик китового дыхания у берега, и трудная работа — для Чукотки не экзотика, а условия существования. С самого рождения попадал здесь ребенок в строгую школу, классы которой — тундра и учитель — каждый взрослый.

Дети и взрослые ловят нерку крючком, насаженным на палку. Р-раз! — не получилось, а внизу ворожится толстая спина. «Дай покажу», — кричит Саша, и крючок рвет красный бок. Нет, ушла... Медвежьи следы на песчаной косе — пятипалые, как человечьи, их столько, будто кто нарочно надавил. В бригадной яранге гигантская медвежья шкура, вздыбленная густым мехом, выделяется среди оленьих.

Поздно вечером я смотрю на закипающий чай, от костра дым стелется низко — сырость в воздухе, и сжимается сердце, когда вспоминаю наших детей, их выхолощенные городские игры, книжное знание мира.

Как-то одна мама начала рассказывать дочке сказку: «А вокруг Машеньки был темный-темный лес, и вдруг видит она зеленые огоньки...»

— Такси! — засияла малышка.

Вот так!

Чукотка... Каждый вырастающий здесь воспитывается на разных примерах, и разные слова произносятся разными учителями. Но есть в этой школе общие законы, которые должен постичь каждый, родившийся и живущий в тундре.

Первая заповедь, которую каждый чукотский малыш усваивает с младенчества: будь добр с при-

родой. «Земля кормит оленей, олени кормят нас» — так афористично подчеркивают чукчи замкнутый экологический цикл «природа — человек». Цветок — если нужен, чтобы нарисовать его, украсить себя, — сорви, если нет — просто полюбуйся и уйди. Голоден — собери яйца, но только у крупных птиц и ровно столько, чтобы насытиться. Это только молодые волки, опьянев от крови, убивают ради убийства. Человек — разумен. Рыбы в реке много, но нужна она всем — и медведям, и рососохам, и чайкам тоже.

— Чиикк-ка-ка, — кричит евражка, шустрый серый суслик.

— Дай нож. — Саша тянет руку. — Я мясо отрежу.

— Кому?

— Евражке.

— Разве она ест мясо?

— Все равно. Я антенну ставил и ее норку завалил. Брошу ей кусок мяса, потому что виноват.

— *Я росла девочкой капризной, — вспоминает Нина, — дайте мне, и все! Увидела однажды евражку — это такой суслик, хотела поймать, но зверек убежал. «Ах, ты не хочешь со мной играть, тогда я закопаю твои выходы из норки». И засыпала все камнями.*

Дедушка спросил:

— *Что это ты делаешь?*

— *Ничего.*

Пошла обедать, поспала, проснулась, гляжу — камни разбросаны.

— *А евражка, что, сильный такой?*

— *Да, сильный. И черви сильные, они в земле дырки делают. Ты евражку обидела, — сказал дедушка. — А у нее в земле маленькие детки есть, а она к ним прийти не могла.*

— *А если я попрошу у нее прощения, простит?*

— Ну (уклончиво), может быть, простит. Только подари ей самую любимую вещь.

А я больше всего любила сгущенное молоко. Напила его возле норки.

— Хватит?

— Лей еще, — говорит дедушка.

И когда уже много вылила, сказал: «Хватит». Наутро возле норки чисто.

— Евразка тебя простила, — объяснил дедушка.

Потом, позже, я догадалась — собаки молоко вылакали. Но всегда помнила, что обидеть зверя — это все равно, что обидеть человека.

Таня, медсестра в поселковой больнице, рассказывает:

— Помню, как ночью со Светой, младшей сестрой, ходим, стадо пасем. Зима, волки, нам страшно. Но у нас ружья есть. Я всегда быстро бегала, помогала отцу подгонять отставших оленей, но и уставала так, что наперстка не могла держать, а надо было еще и сшивать шкуры, кроить одежду. Как-то волк напал на олененка — огромный клоч шкуры со спины вырвал и убежал — спугнули. Так отец ножом свою кухлянку — раз, раз — и такой же кусочек оленьей шкуры отрезал и пришил ее на пораненного олененка. Малыш остался жить, вырос и еще долго бегал.

А наши зоопарки не только мысли о единении и братстве всего живого на Земле не вызывают, но и исподволь приучают детей к варварству победителя, создают сильно смещенное, даже гротескное представление о мире животных — бросил верблюду кусок печенья или льву, жалкому и не страшному, конфету — на ешь...

Человека не заставить стать сильным. Надо, чтобы он этого захотел. Это еще одна педагогическая заповедь чукчей. И соревнование — лучший способ

выполнить ее. Кто быстрее обежит вокруг сопки, кто кого переборет, чья упряжка быстрее?

— Кто побежит? Первый приз — олень, второй — шукура росوماхи. — Бригадир Сергей Михайлович Чейутегин воткнул в землю две ветки с обозначением призов.

Мальчики, девочки — одна совсем малышка — рванули к кустам ивняка. «Эй!» — кричат взрослые, подбадривая. Вперед вырвались два подростка. «Гей!» — победитель поднял ветку вверх. Его хватают. Спортивные игры — традиционный элемент каждого чукотского праздника. А часто и так бывало: приехал гость в стойбище, в честь него — соревнования.

И не двести метров бежать, а двадцать километров. И женщины, и мужчины. Ориентиры такие: обежать вокруг сопки. Неплохо? А еще — вольная борьба. Здесь семейные кланы готовят борцов: старшие братья — младших. Учитель, разминая ученика, борется поначалу с ним сам, потом выпускает в круг. Кроме того, есть игра в травяной мяч. И конечно, зимние гонки на оленьих упряжках.

Интенсивность нашей жизни в огромных городах такова, что кажется порой, будто мы живем на большом циферблате и спуем туда-сюда под неумолкающий метроном секундной стрелки. Но то — мы, взрослые. А малыши? Их — в загончики. Двадцать пар крошечных ножек — на несколько десятков квадратных метров. А потом мы удивляемся, что мальчонка или девчушка хнычет и не хочет сам идти по улице — вечное, как дамоклов меч: «На ручки!..»

Тридцать, сорок, семьдесят километров — и не пройти, а пробежать по мху, болотам, по сопкам вверх-вниз большими тренировочными прыжками — это и сегодня могут большинство чукчей. А раньше и подавно: догнать оленя, за день добежать до сосед-

него стойбища за десятки километров могли не спортсмены, а просто люди, привыкшие жить и перемещаться в пространстве, в несколько раз большем любого миллионного города.

...Старший брат поймал арканом оленя.

— А ты? Давай-ка, — подзуживают старики младшего, — поймашь, получишь кусок сердца (то, что дается почетным гостям и уважаемым старикам).

Я не видела в тундре ребенка старше пяти лет, у которого не было бы своего аркана. Кстати, попробуйте-ка сами побросать его пять—десять раз, тут же почувствуете, как напрягаются, тяжелеют мышцы. Ребятишки бросают эту нерпичью веревку часами — и левой и правой рукой.

Народ, живущий оленеводством, каждого родившегося мальчика предназначал единственной — лучшей, по его мнению, жизни — пасти оленей. Мать новорожденного, едва встав с постели, давала малышу посмотреть на мир сквозь олений хвостик, чтобы он, когда вырастет, мог узнать оленей даже сзади. Первые подарки малышу — арканчик, а если девочка — корзинка с нитками.

Постепенно с самого рождения воспитание детей в семьях как бы делится на две школы: мужскую и женскую. Это не отрицает общий совместный труд мальчиков и девочек — в огороде, в поле, но в девочке стараются культивировать черты, присущие будущей матери, хозяйке дома: женственность, ласковость, доброту, хозяйственность, скромность, гордость.

Подбор игрушек для девочек, как правило, повторяет в миниатюре ее будущие занятия. В мальчике стараются укрепить черты защитника и труженика — чабана, оленевода: мужество, правдивость, трудо-

любие, преданность семье. За каждым рано закрепляется круг обязанностей: девочка должна принести свежую воду, собирать ягоды. А еще она учится разжигать костер, шить. Надо сказать, нелегкое дело — сшить из оленьих шкур торбаса или кухлянку даже кукле. Мать или бабушка устраивает целый ритуал из первого детского шитья, например дарит одежду какому-нибудь зверьку, той же евражке. И через десятки лет, став взрослыми, вспоминают женщины свой детский праздник победы над иглой и наперстком.

Силу характера стараются воспитать с самого раннего возраста.

...Отец взял на рыбалку свою дочь Зину и ее подружку. И подружке отдал большую рыбу. Зина обиделась, позвала подругу в тундру погулять и там связала ее, а подружка ее укусила. Вечером плачущую девочку нашел пастух. Мать не только не пожалела, а, наоборот, отругала ее:

— Почему не защищалась? Ты разве палка, чтобы тебя можно было связывать?

— Она сильная!

— Должна защищаться.

— Я ее укусила.

— Ээ... А вот так нельзя. А вдруг ты завтра ножом кого-то порежешь оттого, что ты слабая?

И еще рассказ...

У одной девочки был очень задиристый брат. И вот однажды их двоих окружили дети с явным желанием проучить.

— Не бойся, сестренка, будем защищаться! — сказал брат, взял свой аркан и стал им размахивать во все стороны. Обидчики поначалу дрогнули, но силы неравны, и круг снова стал сжиматься.

— Эй, иди к нам! — крикнули сестре. И она смалодушничала и перешла в общий круг. А брат

заплакал от измены. И тогда появилась мать, отодрала дочку за ухо, нашла ее, а брата похвалила за стойкость и дала ему конфет. Девочка сидела наказанная и плакала. Сжалившись, брат принес ей конфет, но мать его прогнала: «Ей не за что! Она все понимает».

А сестре-то было всего четыре года! И когда спустя какое-то время вновь возникла похожая ситуация, сестра уже была с братом до конца.

Сила духа, верность и справедливость — вот из чего состоит настоящий человек.

Как правило, взрослые на Чукотке не вмешиваются в детские игры и конфликты. По их мнению, дети сами могут разобраться. Взрослые вмешиваются только тогда, когда дело принимает серьезный оборот, детей разводят, но зачинщиков ссор, шалостей не ищут (как это со всей дотошностью обычно делает наша школа). Учительница Л. Д. Гиункеу говорила мне, что ябед, которые любят жаловаться на товарищей, среди чукотских ребятишек, как правило, не бывает. Виноват — отвечай, не сваливай на другого.

Болтливость вообще считается здесь одним из непростительных людских пороков. В редких и малочисленных стойбищах оберегалось доброе согласие всех живущих. Отсюда, конечно, и забавное поверье, будто бы мужа сварливой жены обязательно задавит медведь.

Известно: тундра никогда не знала сирот — кто-то обязательно усыновлял оставшихся без родителей.

Нет чужих детей — считают чукчи. Взрослые тут часто действуют единым коллективом: равнодушные — погибель в тундре. Про родителей, которые отступают от этого правила, замечают: «Он не любит ребенка и его портит». Но портить ребенка здесь не позволяют.

По наблюдениям этнографа В. В. Лебедева, чукчи

выделяют между собой два типа людей: «разумный» и «слепой с людьми», т. е. эгоизм здесь — значит отсутствие разума.

Был такой человек. Он во всем потакал своему сыну до того, что тот не знал «меры общения». Дети обижали сына, тот бежал жаловаться, и отец разгонял чужих детей. И тогда одна из женщин сама начала учить «запущенного» ребенка. Как только отец в очередной раз вмешался в детские ссоры, она вышла из дома и сама отшлепала ребенка, что было крайним позором для него, и приговаривала при этом: «Я тебя буду наказывать, пока отец твой не поймет, что вину надо искать в тебе, а не в других».

До пяти — семи лет ребятишкам здесь отдается все лучшее из еды, им многое позволено. Но потом начинается довольно своеобразный цикл воспитания в человеке «самобичевания по поводу собственного эгоизма». В пять — семь лет ребенку однажды говорят: «А почему ты себе берешь лучший кусок? Ты только играл, а дедушка работал, бабушка готовила еду». И так по разным поводам весь день. Конечно, это день слез, истерик. День, который должен пробудить в ребенке реакцию стыда за собственное ничегонеделание, помочь ему осознать свое место в мире. **Человеку жить среди людей.**

Однажды Рая пожаловалась, что ее побили дети, тогда мать ее стала угощать этих детей конфетами и говорила Рае: «Ты должна жить так, чтобы тебя не обижали, так как обижают глупых и злых».

С пяти — семи лет в чукотской семье ребенок имеет право на участие в семейных обсуждениях, с ним советуются, спрашивают его мнение. Это отношение к ребятишкам как к маленьким, но уже взрослым, «взаправдашним» людям довольно распространено. Ребенок — такой же человек, как и мы, только маленький.

— Если чайка кружит по ходу солнца, будет плохая погода, — говорит Саша, — если наоборот — значит хорошая. И еще я знаю, — говорит он, — ворон перевернется спиной вниз — значит тоже погода плохая.

...Три дня лил дождь. Дул ветер с моря, и капли больно били по голове, как будто чьи-то пальцы. Все в пятой бригаде оленеводов промокли. Летние палатки упали и лежали оранжевой грудой среди бурого мха. Вещи внутри плавали, как в наводнение. Костер разжигали только для того, чтобы сварить еду, где уж тут обсушиться, да и надолго ли? Зато олени дождю рады: он отогнал оводов. Десятки километров, положенные пробежать в день оленеводу на дежурстве, теперь помножатся на дождь и ветер, но никак не уменьшатся в количестве. Впрочем, я не слышала, чтобы, уходя на полусуточные дежурства и возвращаясь после них, кто-то жаловался. А в бригаде были и подростки: Толя, сын бригадира, перешел в IX класс, Саша — в X, Андрей — тоже в X, Лена учится в техникуме. Ночью дежурить тоже шли спокойно, будто не металась буря между сопками. А те, кто оставался, ложились на мокрый брезент палатки, закрывались дождевиками и засыпали.

Я сначала не могла понять, почему оленеводы не носят с собой спальники, а теперь, когда в бригаде свой вездеход, — и еще массу принадлежностей, смягчавших бы спартанский уклад и не слишком разнообразный стол. Позже догадалась — это убеждение, что мужчина не должен баловать себя, что этот минимум комфорта — норма для человека, живущего в тундре. Иначе расслабишься. И традиционная еда — тоже норма, к которой взрослые сознательно приучают подростков. «Как галеты привезли — два дня, пока не съели, школьники к оленине не прикасались» — реплика бригадира.

— Что мы только ни делали, — рассказывала мне заведующая детским комбинатом в оленеводческом совхозе «Дружба» Валентина Петровна Бурдоль. — И температурный режим в группах соблюдаем, и проветриваем хорошо, но дети болеют, никуда не денешься. А уедут с родителями в тундру, бегают промокшими под дождем, зимой — горло открыто, а если солнце — так вообще без шапки... И хоть бы что! Никакой простуды. Почему? Свежий воздух, что ли...

А дождь все не переставал. Кто не дежурил, забились в тесноту вездехода, тут в самый раз был горячий чай, а на закуску Сашина сказка про злую Келе: «Она шила ярангу, а ей кто-то свет загорал. Келе решила, что щеки ей мешают. И — отрезала их! Сначала одну, потом другую. Но это катались по яранге мышата. Разозлилась Келе, поймала мышонка, посадила в мешочек, подвесила кверху яранги и пошла собирать хворост. Чтоб потом поджарить и съесть...

— Плачет мышонок, — с чувством произносит Саша и морщит лоб. И тут же улыбается: — Его лиса выручила. Она мимо яранги шла. Мышонок и лиса убежали, конечно. Келе погналась за ними. Кусочки льда, палки, камни бросали они ей навстречу, и вырастал кустарник, текли реки, возникали острые камни. Теперь эту полосу называют дорогой Келе. Не догнала Келе мышонка. А он в благодарность подарил лисе оленя».

Забавная и странная для нас сказка — мышонок дружит с лисой, да еще оленя ей дарит. Впрочем, в самой тундре и сегодня дети сталкиваются с вещами не менее сказочными, хотя и реальными...

*Магаданская обл.,
Чукотский автономный округ,
п. Мэйныпыльгыно*

*

Читатель. Насколько я мог заметить, для воспитательных традиций каждого народа характерна одна общая черта: каждый взрослый, если в том есть необходимость, становится педагогом для своего или чужого ребенка. Пусть он всего минуту будет в роли педагога, но главное — это готовность дать подрастающему поколению добрый урок жизни.

Автор. В этой естественной «школе» нет разницы между «уроками» и «свободным временем». По сути каждый шаг молодого существа находится под контролем взрослых, как вы заметили — не обязательно родственников. Это сейчас называется «педагогической средой». Не только семья растит из ребенка Человека, но — и все общество.

Читатель. Как раз этого катастрофически не хватает в огромных городах, где разрушены старые дворы, где люди не знают друг друга, хоть и живут дверь в дверь. Выбегая из подъезда, дети начинают жить «анонимной» жизнью. Что они делали, какие хорошие или дурные поступки совершили — никто из сверхзанятых родителей никогда не узнает, пока не дойдет до чего-то серьезного.

М. Дриаева (Ленингорийский р-н, Юго-Осетинская автономная обл.). Расскажу один случай из детства. Летом в огородах поспевали разные овощи. Однажды мой ровесник Анзор украл огурцы. Об этом, конечно, узнали. В середине аула была площадка — ныхас. Все важнейшие вопросы решали тут старики. И сейчас позвали всех. И детей тоже. Старики выступали один за другим. «Огурцы — это ничего, но воровство может стать привычкой. Сегодня украл огурцы, завтра курицу, послезавтра корову. Чужое никогда нельзя брать!» Анзор молча стоял на позорном камне среди ныхаса и слушал.

Позже кто-то из ребят убил из рогатки птицу.

Его тоже вызвали на ныхас и предупредили и его и всех. Убивать — это коварное дело. Сегодня тебе не жаль убивать птицу, завтра — кошку, потом — козу, а затем можешь убить человека.

Дети нашего аула, да и взрослые всегда боялись попасть на позорный камень. *Воровать, лгать, убивать* были для нас страшными словами. В ауле никогда никто двери не закрывал на ключ, уходя куда-то.

На ныхасе нас учили разному, например: когда сидишь и кто-то поздоровался с тобой, надо встать, неважно, младше он или старше.

Летом к нам приходило много гостей из разных мест. Гость — самый почетный человек. Его надо всегда встречать приветливо, пригласить домой, подавать хлеб и соль.

Если в аул к кому-то приходил гость, его приглашали все.

В горах у нас такой обычай. Придет в гости даже твой враг, его надо принять, надо защищать, если ему что-то грозит.

О. Синицын (Киев). Я наблюдал не раз, как взрослые помогали детям оценить важность даже маленьких, но добрых и полезных дел, которые те совершили.

В рейсовый автобус зашел старик. В машине находилось несколько человек, люди разного возраста. Все сразу встали, чтобы предложить ему свое место. В автобусе была шестилетняя девочка. Она сидела вместе с матерью и, заметив старика, как и все, поднялась с места. Увидев ее, старик понял, что этот эпизод, как эталон уважения и вежливости, должен остаться в ее памяти. Поэтому он прошел к ней и сел именно на то место, где раньше сидела девочка. Затем, как бы передумав, пересел на соседнее кресло. Я видел глаза девочки, видел в них искры восторга и радости. Глаза как бы говорили: «Смотрите, я встала, и дедушка сел на мое место». Старик неторопливо достал из кармана

плитку шоколада и вручил ее малышке. Наверное, шоколад он вез своей внучке. Но подарил — этой. Такие примеры гораздо эффективнее, чем замечания и внушения. Не случайно старик поблагодарил именно девочку, а не молодого человека, уступившего ему свое место.

Р. Ашурбеков, даргинский поэт. По улице с кувшином идет пожилая женщина. Две девушки, увидев ее, подошли:

— Идите домой, бабушка, мы принесем вам свежей воды.

— Спасибо, — говорит даргинка и спокойно уступает им кувшин...

А в праздники наши ребятишки ходят по дворам, поздравляют соседей, желают им счастья. В ответ детей угощают халвой, фруктами, яйцами...

З. Зеленкова (Калининградская обл.). Моя деревня Ковали самая обыкновенная, как и множество белорусских деревень. Необыкновенной осталась и останется она для меня в моем сердце — так как живет в ней простая женщина Евгения Александровна Копылова-Яковицкая. Человек с большой буквы!

Кто учил эту женщину педагогике? Сама жизнь была для нее постоянным уроком. Как хотелось ей сделать досуг колхозников разнообразным, чтобы не только плуг, борозду, колосья и бидоны могли видеть они каждый день, чтобы в глазах загорались искры радости, оживления. И тогда верными ее друзьями во всем становились дети, которые в свою очередь оказывались и присмотрены и организованы.

Вновь и вновь хочется быть участником тех вечеров, праздников, которые и по сей день в душе. День урожая, Купала, Книжкины именины, Октябрины, День ледяной игрушки! Да разве дело в перечислении. Их много. Дело в том, что они не просто так проходили — ради «галочки», а оставили свой след на многие

годы. И наверное, навсегда. С каким бы интересом и наслаждением вновь посмотрела те спектакли, где тунеядцев, расхитителей народного добра играли сами колхозники. И оказывались одаренными актерами. Сегодня Евгения Александровна возглавляет работу клуба красных следопытов. Основной контингент клуба — ребята. В деревне открыт музей, где собраны материалы о партизанском движении в районе, области, об отряде Данукалова, об истории первой в районе коммуны «Прогресс», на базе которой затем был организован наш колхоз, материалы об истории колхоза. А с каким старанием, усердием и рвением вместе с ней работают дети! Как бережно хранят они все то, что сделано для них и их руками! Их «тетя Женя», бывшая медсестра партизанского отряда, для них — живой свидетель ужасов войны, всех событий, проходивших в этих местах. Разве зачерствеет когда-нибудь сердце ребенка, разве останется он равнодушным к чужому горю, когда рядом такой человек?

Мальчишки вместе с девчонками, с кружками и с бидончиками, во главе с «тетей Женей» направляются в лес по грибы и ягоды. Затем во многие концы Союза пойдут посылки в адрес бывших партизан-данукаловцев с припиской: «Отведайте дары белорусской земли!» А варенье в банках сами варили и грибы собирали сами. Что может удивить сельских ребят на ферме, когда они видят ее и бывают там по нескольку раз в день? Но экскурсия с «тетей Женей» на ферму — это другое дело. И бидоны мальчишки моют чище девчонок, и сама колхозная ферма воспринимается как-то по-иному, и та же соседка кажется уже необыкновенной.

Автор. «Уроки», которые давались ребенку взрослыми у разных народов, отличались, конечно, по своей «форме», но были едиными по содержанию. Каж-

дый народ хотел видеть своих потомков такими, чтобы ими можно было гордиться, а не стыдиться. Честными, добрыми, смелыми, трудолюбивыми...

Каждый народ без исключения всячески поощряет детские игры, старики любят смотреть, как и кто проявил себя в них, справедливо полагая игру репетицией жизни. В архиве Тартуского университета, например, хранится более 1500 народных игр. В играх необходимы сообразительность, быстрота реакций, решительность, умение рисковать... Разве такие качества не пригодятся человеку в жизни?

В. Афанасьев, доктор педагогических наук, профессор Якутского государственного университета. Нравственные качества детей нерусских народов Сибири воспитываются в сфере игровой деятельности. Например, в творческой, ролевой или просто свободной игре, в которой дети принимают на себя определенные роли и выполняют игровое действие в воображаемой ситуации.

Играя, дети «совершают» отважные поступки, переживают необычные «приключения». Обычно они стремятся брать на себя такие роли или функции, которые связаны с проявлением высоких благородных качеств: смелости, мужества, решительности. Например, эвенкийские дети играют в игру «Охотник и медведь». Тут игроки вступают в единоборство, развивая смекалку, стойкость и находчивость, и игрок под конец игры должен перебороть медведя. У детей-ульчей игры преследуют цель — тренировку организма, выработку ловкости, выносливости, в итоге все это является подготовкой к промыслам.

Воспитательная ценность игры в том, что ребенок, играя, вполне сознательно выполняет определенные этические нормы поведения, у него воспитывается чувство коллективизма.

У нерусских народов Сибири заслуженным поче-

том и уважением пользовались и пользуются старшие члены семьи. Так, например, по словам Е. М. Ярославского, у якутов «...старика и старуху во всем слушают, особенно старика, повинуются ему во всем».

Пожилые охотно передают свои знания, свой опыт подрастающему поколению. Их слово, советы и поучения молодежью воспринимаются как должное, как руководство к действию. Нравственно воспитанный ребенок не вступает с ними в споры, пререкания.

Одной из отличительных особенностей характера сибирских народов вообще, нерусских в частности, издавна считается честность.

О честности сибирских народов не раз отзывались русские путешественники, ученые и политические ссыльные. «Я прожил среди якутов семь лет совершенно один в лесу и никогда никакой пакости от них не имел, — писал ссыльный С. Феохари. — Мне приходилось уезжать из дома верст на триста, бывать в отсутствии более месяца, моя хата оставалась без всякого сторожа, и никто ничего не тронул, и это было не единственный раз, а всегда».

В «Сибирском листке» 11 октября 1892 г. были напечатаны якутские письма, в которых указывалось, что «живущий в глухой тайге может уйти на неделю из дома, приперев дверь юрты снаружи палкой, и всякий знал: если нет хозяина, никто не войдет без него в юрту и ничего не пропадет».

Великий русский демократ Н. Г. Чернышевский высоко ценил честность якутов. «Вообще люди здесь добры, — писал он, — почти все честны; некоторые при всей своей темной дикости положительно благородные люди».

У бурятского народа бытуют прекрасные заповеди:

«Если нашел утерянное другими, пусть это будет золото или серебро, объяви всем. В дальнейшем ты

заслужишь доверие людей».

«Никогда не держи взятые в долг вещи до тех пор, пока о них забудут. Если присвоишь чужие вещи, это равносильно воровству».

«Ради легкой славы или выручки не прибегай, идя ложным путем, к обману и хитрости. Преданностью, прямоотой находят пищу и имущество на сто лет, а хитростью, обманом — пропитание лишь на один день!»

Одной из замечательных моральных ценностей нерусских народов Сибири издавна считается справедливость.

Эвенки охотились на зверя вместе. Добычу делили поровну. Если у кого-нибудь было много детей, тому давали побольше, а другим давали поровну. Если кто-либо был лентяем, тому много не давали, а если кто убивал зверей (много), тому давали больше.

У ненцев во время рыбной ловли или охоты больше доставалось продуктов хозяину, владевшему орудиями промысла. По обычаю, улов рыбы или мясо добытого зверя распределялись по потребности, в зависимости от количества членов семьи. Первый юкагирский писатель и ученый Н. Спиридонов (Текки Одулок) в своей автобиографии писал: «Так, наша еда кончается (во время кочевья). Одну куропатку найдя, ее едим все; одного дикого оленя убив, его едим все; сеть закинем, один хариус попадетсЯ, его едим все».

Обычай «ужа» тувинцев и хакасов впервые был отмечен в литературе Е. К. Яковлевым: «Если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет слово «уж», то добыча поступает или целиком, или в значительной части в пользование этого случайного встречного. У тувинцев сохранен обычай «ужа»: каждый должен делиться с другими добытым им. Это один из пере-

житков первобытной коммуны. И сейчас действует обычай: во время рыбалки любому человеку, посетившему рыбалку, отдают хорошую, отборную рыбу. Этот обычай имеет гуманистическую основу. Он укоренился у нерусских народов для того, чтобы охотник и его семья не остались голодными».

Раньше чувство справедливости у людей не выражало классовых интересов, оно, скорее, было связано с наивной верой в то, что человек должен помочь, что достоинство человека проявляется именно в том, что он в человеке видит своего товарища, друга, помощника и защитника.

В числе нравственных устоев, свойственных народам и народностям Сибири, нельзя не отметить скромное поведение. Каждая нация, каждая народность, каждая семья старалась детей воспитывать скромными, выдержанными. Увидев новое — не восторгайся, увидев старое — не сокрушайся. Они всегда осуждали тех, которые страдали нескромностью, себялюбием, барством и завуалированной мнимой гуманностью: «Не сравнивай себя с горой, а товарища с соломинкой» (алт.); «Кто мало говорит, тот много думает; в тайге языком не охотятся» (хакас.); «Чем быть лицом добрым, лучше быть сердцем добрым», «Сам себя не хвали, пусть народ похвалит» (шор.); «Болтуна надо бояться, как боится олень волка» (эвенк.).

Отличительные качества северных нерусских девушек — малоразговорчивость и застенчивость.

В народном творчестве осуждаются и всеми способами высмеиваются людские пороки: тщеславие, обман, хвастовство, пустозвонство, злопыхательство, нескромное отношение в быту: «Он грозил небу — поленом, облаку — ножом», «У этого верны только следы на снегу», «Что водой назвал — снег, что снегом — вода» (якут.); «В сухом дереве сока нет, в пус-

том слове проку нет», «Хотя и сильный, грудь не выпячивай; себя не мни святым, товарища не считай щенком» (тув.); «У хвастуна не ищи ума» (хакас.); «Произносить хвастливые слова о наступившем будущем — это привычка глупых» (бурят.).

Отличительной чертой почти всех сибирских нерусских народов издавна признается щедрость, приветливость и гостеприимство. Исторически, видимо, это объясняется суровыми климатическими условиями, удаленностью от центральных районов и их малонаселенностью, общностью языка и нравов многих народов.

У этих народов испокон веков были заведены экзогамные браки, т. е. брак мог состояться только с представителями другого рода, другого племени. И наконец, общий интерес и задачи борьбы с трудными природными условиями Сибири и Севера выработали единый, интернациональный обычай гостеприимства, без чего трудно жить, работать и осваивать этот суровый край.

И действительно, если бы не развивалось чувство гостеприимства, как могли бы люди устанавливать связи, обмен продуктами и товарами между собой? Как могли бы расширять свои знания, обогащать и совершенствовать житейский опыт?

Гостеприимство не только высокое моральное качество, но и показатель внутренней культуры. Гостеприимство развивает чувство дружбы и товарищества. Не будь этого качества, откуда бы сохранялась и развивалась общность территории, нрава, языка и психологического склада?

Таким образом, гостеприимство нельзя рассматривать как простой акт мимолетной вежливости; его следует рассматривать как одно из главных условий интернациональной связи между родами, племенами, народами, как источник симпатии и взаимного

понимания и поддержки.

Русские исследователи неоднократно отмечали гостеприимство у сибиряков и дальневосточников. Писатель И. А. Гончаров после посещения Якутии писал: «Я в самой беднейшей юрте... принят очень хорошо. В камин подложили дров, уступили мне передний угол, принесли молока». А. Уваровский весьма трогательно описал гостеприимство якутов: «...бесплатное угощение встретишь только у якутов. В этом сказывается доброе сердце якута. Войдешь в юрту какого-нибудь якута, и всем, что у него есть, он будет тебя угощать: проживи у него десять дней, проживи месяц — ты будешь сыт вместе со своим конем. Требовать за это какой-нибудь платы он считает не только за стыд, но прямо грехом... Если случится заболеть в юрте какого-нибудь якута — вся семья будет попеременно ухаживать за тобой, как за своим, исполнять по силам все твои нужды». Гостеприимством отличались и отличаются эвенки. «Кто бы ни пришел, всякого угощают, хотя и последним куском».

Приезд гостей в дом — явление особое, праздничное и приятное. Каждая семья старается, как бы она бедно ни жила, по мере сил и своих возможностей, хорошо, со вкусом накрыть стол, обильно угостить гостей различными блюдами. Убрать помещение, хорошо и чисто одеться и одеть членов семьи — во всем этом принимают участие и дети, выполняя посильную работу, таким образом воспринимая нормы жизни.

Суровые природные условия, с одной стороны, угнетенное, колониальное положение, с другой, у нерусских народов Сибири выработали чувство жалости, сирдобоьности. Прогрессивный русский писатель И. А. Гончаров отмечал: «Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там

люди». Жалость — это не унижение людей, а чувство сострадания к их несчастью и нуждам. Жалели дряхлых стариков, сирот, людей, имеющих природные недостатки, нищих и маленьких детей. Жалость вытекает из чистого чувства совести, из сознания того, что они тоже люди, хотят жить по-человечески.

Еще в 1911 г. в журнале «Живая старина» бывший политический ссыльный, впоследствии почетный академик Э. К. Пекарский писал, что «...неизвестно еще случая, когда тунгус погиб бы из-за того, что не нашел своевременной поддержки у родственников или сородичей». У якутов, бурятов, тувинцев принят такой обычай: старика, старушку, инвалида, сироту содержат за счет того рода, к которому они принадлежат.

Если у кого-либо из престарелых людей нет своих собственных детей, то они находят приют у родственников и живут на полном их иждивении, как члены семьи.

Включаются в состав семьи не только престарелые, но и одинокие родственники брата или сестры, отца или матери. До настоящего времени у орочей широко распространен обычай брать к себе в семью престарелых одиночек, которые порой даже не связаны с ней какими-либо узами родства.

У народов Крайнего Севера добровольная помощь престарелым, инвалидам, одиноким и сиротам продуктами, деньгами, одеждой, трудовым участием широко распространена и сейчас. Такой обычай бытует у эвенков, юкагиров, чукчей, коряков, эскимосов. Нарушители этого обычая осуждаются общественным мнением, они оцениваются как скупые, жадные, подвергаются насмешкам. По сибирским деревням издавна существовал обычай выставлять на ночь за окно молоко, хлеб, иногда и мясо для бродяг. До революции сибирские крестьяне также

выставляли на ночь еду и питье у специально открытого окошечка с тем, чтобы человек, бежавший из царской ссылки или с каторги, мог утолить голод и жажду.

Народная мудрость и жизненный опыт породили неписанные законы: «Не смейся над престарелыми, инвалидами»; «Старайся сделать что-нибудь доброе нищему, слепому, немому, хромоту; не обижай их и уступай им дорогу; если трудно, то помоги им»; «Не дразни малышей, не обижай их»; «Всегда обогрей замерзших, накорми голодных, приюти бездомных»; «Не злорадствуй над больными, не смейся над сиротами»; «Не принуждай жаловаться старых, не заставляй плакать младших»; «Не подчеркивай при разговоре физические недостатки людей»; «Умным себя возмнишь — над другими не смейся»; «Не смейся над чужой бедой»; «Услышанное — в ушах, увиденное — в глазах, зубы не скаль»; «Ротозея не обманывай, нерасторопного не расстраивай»; «Кто в горе, того не огорчай».

Г. Волков, профессор, доктор педагогических наук (Москва). В народе веками стойко держится убеждение: дети, конечно, нуждаются во взрослых, но едва ли взрослые нуждаются в детях меньше. Без них непременно наступило бы нравственное вырождение людей, самый сильный фактор очеловечивания любого и каждого — общение с детьми.

Мать первого в мире космонавта, русская крестьянка, говорит о вещах очень простых, о самых житейских. Каковы эти «очень простые вещи»? Доброта — дело доброе, слово доброе. Честность. Верность. Друзья считали Ю. А. Гагарина честным до щепетильности, верным, человеком бесконечно добрым. Обаяние его всем нам памятно — разве оно возможно без доброты?

После вручения паспорта Лёну Гагарину спроси-

ли: «Что более всего цените в людях?» Дочь космонавта ответила: честность и доброту, т. е. слово в слово повторила заветы бабушки, ставшие чертами характера отца.

Космонавту Вячеславу Зудову задали вопрос: «Что вы считаете главным в профессии космонавта?» — «Главное, по-моему, уметь не расслабляться, уметь держать себя всегда в форме, — был ответ. — И конечно, стопроцентная честность. Искренность».

Таковыми и представляют космонавтов, лучших сынов народа, люди честные и добрые. Преемственность здесь по всем, так сказать, линиям: и по народной, и по родственной, и по профессиональной. Впрочем, преемственность составляет одну из главных заповедей народной педагогики. Быть может, основную ее заботу.

В. Афанасьев, доктор педагогических наук, профессор Якутского государственного университета. Для народной педагогики характерна, я бы сказал, всевозрастность «учеников» — и взрослые, и дети подчиняются одним нравственным законам, и нет исключения ни для кого.

Т. Ормонов, заведующий кафедрой Ошского педагогического института. У киргизов издревле бытует обычай: всякий раз, когда в дом заходит старший, все сидящие за столом встают и предлагают ему место. И этому учат в семьях с малолетства. Всякий раз при встрече со старшим, будь он совершенно незнакомым человеком, младший, по обычаю, поздоровается первым и, если нужно, проявляет заботу, предлагает свои услуги. Если мимо дома проходит пожилой человек, хозяин дома обязан довести его до места, оставив на время свою работу. Если путнику предстоит дальняя дорога, то его следует довести до определенного места. При этом сначала пригласят его в дом, угостят

кумысом или горячим чаем. Обычно усталых, измученных путников довести до пункта назначения поручается детям. Выполняя такое почетное поручение, дети приучаются делать доброе и приятное людям, в свою очередь слышать от них доброе благопожелание и благословение. И поныне эта добрая традиция в почете, особенно в горных местностях.

Если авторитет старших среди детей столь велик, то каково его влияние в школе? — может спросить читатель.

Особенно велик авторитет учителя. Он самый уважаемый человек среди населения. Ученики безоговорочно подчиняются ему. Пререкания ученика с учителем в киргизских школах — немыслимое явление. Учителя киргизских школ вообще не знают, что такое непослушные. Учитель — самый близкий друг детей и советчик во всех делах.

Киргизская народная педагогика придает исключительно важное значение воспитанию у детей чувства самоанализа, самокритики, учит детей наблюдать за поведением окружающих, с тем чтобы поучиться у них уму-разуму. Не случайно в народе говорят: «Прежде чем судить о поступках других, подумай о своем поступке». Поэтому постоянный призыв старших к младшим: «Не говори о себе без нужды, особенно о своих заслугах».

Для того чтобы предупредить появление у ребенка таких черт характера, как хвастовство, эгоизм, старшие обращают его внимание на поучительные примеры из жизни, легенды, пословицы, поговорки, вроде этой: «У восточного мудреца Авиценны как-то спросили: «У кого ты учился благовоспитанности?» — «У невежественных, — ответил он, — я избегаю делать то, что делают они». Поучительные случаи из жизни, меткие и глубокие высказы-

вания, остроумные афоризмы действуют сильнее, чем любая нотация.

Забота о ребенке у киргизов начинается еще задолго до его рождения. В эпосе «Манас» и в ряде других произведений устного народного творчества встречаются неоднократные наставления о том, как должна вести себя беременная женщина. Она должна вести спокойный образ жизни, избегать различных житейских неприятностей. В семье ее никто не должен по мелочам тревожить, тем более огорчать. Беременной женщине не разрешается поднимать тяжести, рекомендуется питаться лучшими, свежими продуктами. Словом, все члены семьи, а также родственники всячески заботятся о будущей матери, чтобы она благополучно разрешилась от бремени и подарила семье здорового ребенка. В «Манасе» — венце всей киргизской поэзии и выдающемся его творении, — справедливо признанном национальной гордостью и энциклопедией жизни и всех стремлений народа, явно присутствует поклонение ребенку, его культ. У Джакыпа нет сына, и он готов проклясть целый свет: «Я хотел бы, чтобы мир погиб!» Не случайно киргизы говорят, что ребенок — царь семьи.

А. Хинтибидзе, доктор педагогических наук (Грузинская ССР). Как и все народы, грузинский народ с древнейших времен воспитывал в ребенке готовность к борьбе, при этом он опирался на активность и жизнеспособность самого ребенка. Помимо воспитания в ребенке силы, выносливости, воли народ-воспитатель прививал подрастающему человеку любовь к знаниям, учебе. «Учение — ключ судьбы», «Не выучишься плавать — не переплывешь» — так говорят до сих пор детям. По преданию, молодая мать, держа младенца на руках, говорила ему названия светил. Но черпающий зна-

ния только из книг «слеп на оба глаза». Необходимо, чтобы человек владел каким-либо ремеслом. В Грузии ремесло всегда очень высоко ценили. «Научи этого ребенка какому-либо ремеслу, иначе он будет несчастным».

Знание, опыт делают человека мудрым, ибо «мудрость — дитя опыта», но «мудр тот человек, который до старости учится».

Но главное в человеке, — это любовь к своей земле, к своей родине. Любовь к родине уравнивается в Грузии с любовью к матери.

М. Юхма, писатель (Чувашская АССР). Бабушка говорила: «Душа ребенка чиста, как белый снег, падающий с неба. И писать на ней надо белой палочкой, такой же чистой, как она сама. Проведешь один раз черной палочкой, уже всю душу замараешь...»

Всегда ли мы держим в руках белую палочку?

Если вдуматься, белой палочкой является и народная педагогика. И добрые обычаи, традиции, сказки, поучения... Все, чем жив человек.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Рано еще в нашем разговоре о народной педагогике ставить точку. Но выводы сделать уже можно. И даже нужно. Чтобы понять не только глубину научно-педагогической мысли народа, но и возможности народной педагогики помочь решить задачи современные. Первый вопрос, который у всех возникает: а какими должны быть отношения у народной и общей педагогики? На мой взгляд — самые тесные. Но спросим себя: такие ли они на самом деле?

И умиляясь над теми или иными педагогическими традициями, пришедшими из прошлого, не уподобляемся ли мы туристам, ахающим над шедеврами прикладной старины, тихо прикорнувшей под тяжелой крышкой узорного кованого бабушкиного сундука? Но народный педагогический опыт не этнографический «предмет» прошлого. Конечно, по отношению ко всей педагогике народная играет подчиненную роль, и все мы понимаем, что воспитание на прогрессивных национальных традициях возможно до той поры, пока сохраняются национальные различия.

Сегодня, когда мы много пишем о самоуправлении, самовоспитании народа, и перед учеными, и перед практиками стоит остро вопрос о поисках общественно-педагогических форм, в которых был бы задействован весь народ — в городе ли, в деревне, речь по существу идет о новых формах развития педагогики массовой, народной, о создании настоящей педагогической среды там, где живет, работает, отдыхает человек. И тут многое может подсказать нам

народная педагогическая практика, народная педагогическая мысль.

Мы уже знаем, что отнюдь не стихия «властвовала» в отборе тех или иных народных педагогических приемов и форм. И можно даже попытаться сформулировать основные закономерности народной педагогики, выделить те ее принципы, методы, формы воздействия, которые имеют непреходящую ценность и важны именно для дня сегодняшнего.

Народная социально-педагогическая практика имеет глубочайшие социальные корни. Это при ее помощи человеческое стадо превращалось в человеческое общество. А создавали многочисленные педагогические нормы, приемы, традиции условия, в которых жили древние, — голод, холод, опасности, желание выжить.

Заглянем ненадолго в прошлое человечества, в историю, как человек из животного становился *Homo sapiens*. «Причем тут народная педагогика?» — спросите вы. Не торопитесь... Человек, все мы знаем, развивался как существо общественное. В одиночку он не смог бы ни приспособиться к огромному чужому миру, ни тем более выжить. Потому эти две задачи и были тогда главными. Но первое каменное орудие, например ручное рубило, могло появиться лишь в человеческом, а не в животном коллективе, так как воспроизвести образец — значит знать его, а это знание сохраняется и передается **обществом**.

Но коллективная по своей природе производственная деятельность не могла успешно развиваться без преодоления зоологических инстинктов людей, без устранения тех или иных «животных» форм жизни, которые становились тормозом для ее развития. И уже в первобытном стаде отмечается существование коллективной потребности в ликвидации всего, что мешало общему труду.

Заметна связь между потребностями социальной (производственной) и индивидуальной (биологической). И эти потребности отражались и закреплялись в форме требований большинства к каждому — требований, которые являлись правилами. Надо сказать, что человечество прошло огромный путь от первых, примитивных моральных норм (отказ от образования гаремов внутри стада, от каннибализма и т. д.) к нынешним, от полусознательного, до целенаправленного их формирования. Но основной причиной, заставившей, вынудившей людей воздействовать на самих себя, приведшей к необходимости самовоспитания, и сегодня, как в далеком прошлом, является практика жизни, производительная деятельность людей. Она вызывает всеобщую коллективную зависимость людей друг от друга и всеобщую коллективную заинтересованность в усовершенствовании условий жизни и быта. Возникающая коллективная воля, отражая производственные, экономические, социальные потребности коллектива, формирует коллективную мораль.

Разные национальности и народы, естественно, в своем развитии сталкивались с необходимостью решения самых разных задач, связанных со спецификой их жизни, их истории, но всегда и везде существовал круг общих задач у человечества, независимо от национальной принадлежности.

Первая из них — выжить. Для этого надо было быть способным на защиту и на обеспечение пищей хотя бы только самого себя. Чтобы выполнить эту задачу, необходимо было быть здоровым, сильным, храбрым, выносливым, смекалистым, обладать пусть самыми примитивными охотничьими и воинскими навыками, знать приметы, повадки зверей, особенно тех, что составляли главную пищу; в обыденное знание о мире входили и зачатки астрономии, физики,

биологии, химии, навыки по производству и применению орудий труда.

Объектом естественного отбора был прежде всего не отдельный человек, а первобытная группа (стадо), т. е. не только биологический, но и социальный организм. Первобытное стадо, первобытная коммуна, первобытный род, племя, народ, нация — в обществе и с помощью общества выживал и развивался человек как вид. И отсюда вторая главная задача человека, прямо вытекающая из необходимости жить в обществе себе подобных, — уметь учиться жить в обществе людей.

Третья задача, которую решало человечество по мере накопления духовного потенциала, — воспитание членов общества: выработка приемов эффективной передачи всей жизненной информации последующему поколению, сохранение преемственности в воспроизводстве жизни и забота о поступательном ее развитии. Фактически речь шла о формах реализации двух первых задач — обучения каждого последующего поколения умению выжить и жить в обществе и для общества.

Различные условия жизни (например, скученность, общая зависимость от источников воды или слабая заселенность), требующие определенного склада человеческих отношений и определенного типа человеческой личности, психологические особенности характера, уровень развития производства и общественных отношений, историческая судьба народа, наконец, его связи с другими народами определили в то же время специфику национальных особенностей воспитания. Таким образом, задачи, стоявшие перед человеческой общностью, реализовывались через особенное — через национально-исторические механизмы воспитания и самовоспитания людей.

Если на первых этапах становления человеческо-

го общества поиск и отбор этих механизмов осуществлялись стихийно (половые табу во время производственной деятельности, возрастные инициации, тотемные праздники и т. д.), то в дальнейшем степень их сознательного отбора возрастала. То, что мы знаем сегодня о народных педагогических традициях, позволяет говорить о настоящей системе в воспитании, т. е. о продуманном поиске и отборе форм и методов.

Вот Кавказ. Множество исторических причин, на которых мы сейчас не будем останавливаться, заставляло горское население Кавказа многие десятилетия постоянно находиться в полной боевой готовности. Отсюда — необходимость основательной военно-физической подготовки для мужчин. Так сложилась целая система физического воспитания горцев, где каждому возрасту — от ребенка до взрослого соответствуют свои правила и задачи.

В Грузии (традиционно) учить физической культуре начинают мальчиков с 5—6 лет. Это первая младшая группа. Во вторую группу входят юноши с 15 лет, в третью — мужчины с 25 лет, и в четвертую, последнюю — люди с 50 лет и старше. Исследователи отмечают, что уже пятилетний горец понимает, что если он не выучится «по программе», то не сможет жить «как все», быть на равных, а уж тем более первым.

Уже с 7—9 лет мальчик может быстро бегать на малые расстояния, лазать по деревьям и шестам, прыгать самыми разнообразными способами, ловко скользить на лыжах, ездить верхом, он активно упражняется с доступными ему видами оружия: луком, самострелом и т. д. Задачей воспитания для первой группы является правильное физическое и духовное развитие, т. е. закладывается не только здоровье, но и такие черты, как мужество, товарищеская солидарность, чувство ответственности за свои

дела. Одновременно решается задача овладения жизненно необходимыми для горца навыками, начинается выработка комплекса прикладных навыков охотника. Средствами воспитания выступают: ходьба по горам, ходьба на ходулях, на снегоступах, бег на скорость (дистанция 60—80 м), бег от селения к селению, прыжки в длину, лазанье по деревьям, стрельба из лука (60—80 м). Многие навыки оттачиваются в различных детских играх.

Во второй возрастной группе задачи расширяются и углубляются. Нормативы по всем видам спорта тут более высокие: бег на скорость (например, на 100—120 м), лазанье по шестам от 5 до 8 м высотой, подъем на горные вершины, прыжки в длину через 1—2 бурки. Юноши начинают понемногу участвовать в боевых операциях вначале при обязательном участии старших и под их руководством.

На третью возрастную группу помимо сохранения полной физической и боевой формы для участия в трудовых и даже боевых действиях, а также в охоте общество возлагает еще и серьезную задачу воспитания младшего поколения, передачи ему трудовых и боевых навыков. Эта задача становится основной для четвертой возрастной группы. В нее входят люди старше 50 лет, обладающие большим жизненным опытом, пользующиеся авторитетом у односельчан, отмеченные заслуги в боевых действиях. Они являются своеобразным живым эталоном мужчины, горца «каикме», «капуркаци», «каци», черты которого должны передать молодежи. Старики обязаны не только по мере сил участвовать в трудовых делах, в охоте, но и хорошо владеть оружием, уметь его применять для самозащиты, т. е. «эталон» должен быть действующим, показывать ребятишкам все на собственном примере и служить примером. Проверка подготовленности по каждой возрастной группе проходила,

как правило, публично: экзаменовали друг друга сверстники, или старшие мужчины, или же все село — обычно это бывало на различных народных праздниках.

Традиции военно-физического воспитания в Грузии в общих чертах перекликаются с традициями военно-физического воспитания у аварцев, чеченцев и других горских народов Кавказа. Поиски форм воспитания велись всем народом сообща, и многое отбрасывалось и забывалось, если было непригодно для жизни, а удачные находки закреплялись в общественном мнении и становились общим достоянием.

На примере педагогических заповедей одного из северных народов — чукчей — можно наблюдать, как разнообразно и тонко подлаживается воспитательный механизм под весь спектр условий существования этих людей: любая неприспособленность человека к условиям Севера может оказаться гибельной. Крайне суровая природа, тяжелый труд на охотничьих и рыболовных промыслах поставили задачу воспитания прежде всего выносливого и здорового человека. Здесь в отличие от кавказских народов меньше внимания обращалось на военную подготовку и больше — на закаливание человека в прямом и переносном смысле, на развитие у него охотничьих навыков, таких черт характера, которые не позволили бы погибнуть, останься он в одиночку, и, наоборот, умению жить в обществе.

Болтливость считается у чукчей одной из самых дурных черт характера. И выделение этой черты характера не случайно: находясь подолгу в изоляции от семей, соседей, в обществе двух — пяти человек, чукчи (оленоводы, рыбаки, охотники) должны сохранять нормальный рабочий психологический климат в своей среде. Любая сплетня, слух, неосторожное слово

могут привести к самым серьезным, часто гибельным последствиям.

На Севере, пожалуй, не было столь жесткого, как на Кавказе, дифференцирования задач и нормативов по возрастам, здесь характерно всеобщее участие в физических испытаниях. Они происходили тогда, когда приезжал в стойбище или в ярангу почетный гость, проходил какой-то праздник. Достояна изучения и такая традиция чукчей, как воспитание в детях бережного отношения к природе.

Условия Средней Азии с ее большой плотностью населения, многодетными семьями, большими селениями, где почти все родственники и все хорошо знают друг друга, всеобщая зависимость от источника воды требует особого развития черт коллективизма.

Внешне узбекский кишлак производит впечатление разьединенности семей, их изолированности друг от друга: глиняные дувалы — выше человеческого роста, двор, как оазис, замкнут. Но при всем этом зависимость людей от общего мнения здесь чрезвычайно велика. И она имеет свои основания во всеобщей взаимозависимости в общественном укладе кишлака, где человек в одиночку жить не может и психологически, и материально.

В народной педагогической практике мы обнаруживаем осознанное и неосознанное стремление каждую часть, область жизни использовать в воспитательных целях. «Пособием» для воспитания является вся жизнь с ее трудовыми буднями, праздниками, природой, животным миром, песнями, сказками и т. д. Анализируя воспитательные традиции, существующие в северной русской деревне Кевроле (Архангельская область), отмечаешь прежде всего, что деревня сама по себе является условно автономным педагогическим коллективом, где все — ученики и все — воспитатели. Понимание деревни как единого целого, как

большой семьи, куда входят семьи малые, живо и сегодня.

Чрезвычайно ценной и остросовременной в народной педагогической мысли является идея совершенного человека. В ней создается своеобразный человеческий идеал, вобравший в себя все необходимые и лучшие черты человека, которого мечтало видеть человеческое общество. Вместе с тем в ней заключаются и цель, конечные задачи воспитания и самовоспитания человека. Этот идеал строг, компактен и понятен ребенку и взрослому.

Каждый народ, как видим, в общем облике своего героя выделяет самую главную для себя черту. Но притом национальные идеалы воспитания совершенного человека не противоречат друг другу, а вместе создают облик настоящего человека.

В сердцевину характера совершенного человека положены трудолюбие и ум, любовь к Родине, любовь не бездеятельная, а активная, в основе которой — стремление к совершенству своего рода, племени, народа. Совершенный человек — всегда представитель достойного коллектива (рода, семьи), и коллектив, в свою очередь, дополняет героя.

Совершенный человек — герой, богатырь — никогда в представлении людей не был индивидуалистом, одиночкой. Он силен и хорош сам по себе, но его подлинная сила в единении с другими, в общезначимости его дел, подвигов, всей жизни. Существует множество пословиц, призывающих к сплочению людей: «Если вздохнуть всем народом — ветер будет» (рус.), «Кто не вместе со всеми, тот покойник и без могилы» (нанайск.), «Родина — матушка родная, чужая сторона — мачеха» (чуваш.), «Если ты лишний дома — станешь своим среди чужих» (кирг.), «Один человек пройдет — след останется, сто человек пройдут — дорога проложится» (чуваш.) и т. д.

В сказках, песнях, былинах, легендах, показывая идеал — героя в действии, в поступках, народные педагоги последовательно подчеркивают и конкретизируют его главные черты.

Являясь достоянием коллективного разума, программа воспитания общества (в лице рода, племени, народа) реализовалась также через разнообразные коллективные формы воспитания. И собранные в течение веков в систему народные педагогические традиции — подтверждение тому. Но, создавая воспитательные традиции, приемы, люди, воздействуя с их помощью на других, подчинялись им и сами. Учителя были в не меньшей степени учениками.

Став всеобщими, утратив свое индивидуальное авторство, традиции, обычаи являлись средством самовоспитания коллектива. В общине, в роду, в племени никто не освобождался от необходимости подчинения общим правилам. Будучи формой самовоспитания общества, народная педагогика включала в себя воспитание людей всех возрастов, формировала их отношения между собой и окружающим миром. Единство требований создавало предпосылки для единства рода, народности, народа, общности.

В единстве требований была заложена большая сила; воспитывая отца и мать, общество воспитывало и их детей. И единство требований, которые были одинаково важны для отца и сына, в какой-то степени облегчало и упрощало воспитание детей, снимая с родительских требований оттенок семейной необязательности.

Но если все независимо от возраста были учениками, то, как мы уже говорили, все в такой же степени были и учителями. Для народной педагогики характерно наличие «коллективных учителей». Педагогической деятельностью занимался каждый взрос-

лый человек (по отношению к своим или чужим детям, к сверстникам, к обществу в целом).

В обществе выделялись люди, для которых педагогическая деятельность становилась главной (в Чувашии, например, таких людей называли ребячьими пастухами). Но главным учителем в обществе (в ауле, кишлаке, селе) был не тот или иной человек, главным учителем было общественное мнение, опирающееся на традиционные, выработанные веками мысли о моральных и правовых нормах, о добре и зле, о трудолюбии и храбрости. Как представитель и создатель общественного мнения, каждый член общества был в этом смысле народным педагогом: судил вместе с другими поступки односельчан, составлял мнение о настоящем мужчине, идеальной женщине, о порядке взаимоотношений в селении, нес в себе коллективную память поколений.

Общественное мнение руководило поступками людей, но особенно отчетливо проявлялось в дни общего горя или общей радости.

В развитии народной педагогики можно отметить некоторую ступенчатость: общество воспитывает взрослых людей, те в своих семьях воспитывают своих детей, но как взрослый, так и ребенок подчиняются главному правилу общества: свои личные интересы согласовывать с интересами коллектива. В традициях народной педагогики — ни одного человека не оставлять без внимания, всех объединять общественными делами. У аварцев считается позором, если человек не вышел на общий труд. Резкое общее осуждение вызывало уклонение от защиты своего аула от врага. Все жители узбекского кишлака выходят на прочистку арыков. Когда в русской деревне случался пожар — гулкие удары по рельсу быстро собирали крестьян на помощь попавшему в беду.

Коллективное начало в организации жизни чело-

века делало его коллективистом по духу. Не только труд, но и отдых несет в себе коллективистское содержание: обычные многолюдные свадьбы, встречи весны, праздник урожая, праздник молодого оленя...

В беде человек тоже был не одинок — в трудную минуту его поддерживало общество (у аварцев, например, недостроенный дом, где умер хозяин, обязательно достроят друзья, соседи, родня). У каждого народа есть немало пословиц, поговорок, содержащих призыв к человеку жить в мире и ладу с другими людьми. Они проповедуют идею общности с народом, учат единению с ним, опоре на него. Одиночество, жизнь без народа — большое горе.

Коллективистские начала, воспитание ощущения своей общности с народом, чувство ответственности за народ, патриотизм и желание защищать народ от беды — эти черты прививает своим сынам и дочерям каждый народ. Различны лишь способы утверждения коллективистских начал, заложенные в национальных традициях, обычаях, обрядах.

Педагогический опыт поколений людей закреплён в различных обрядах, связанных с новорожденным, с первыми шагами младенца, с его приобщением к интересам семьи. Можно говорить о педагогической направленности песен, игр, сказок — всего мира, в котором живет и формируется ребенок.

Постепенно, с самого рождения воспитание детей в народных семьях как бы делится на «две школы»: мужскую и женскую. Это не отрицает общего, совместного труда мальчиков и девочек (в огороде, в поле), но в девочке стараются культивировать черты, присущие будущей матери, хозяйке дома (женственность, ласковость, доброту, хозяйственность, преданность, скромность, гордость), т. е. мы наблюдаем дифференцированный подход к объекту воспитания.

Опыт народной педагогики в формировании перво-

основы личности человека был взят на вооружение такими выдающимися педагогами, как Я. А. Коменский, И. Г. Песталотци, К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский.

Историческая память, традиции семьи — важнейшие факторы воспитания, ибо в них концентрированно выражаются собственно семейный опыт и его нравственные ценности, а также опыт и ценности рода. В семейном опыте воспитания сохраняют свое значение и национальные традиции, составляющие богатство педагогической культуры страны.

О животворной силе народной педагогики, о ее жизненности в сфере семейного воспитания свидетельствует сохранение в семьях до сих пор почти всех методов, приемов и средств народного воспитания, существовавших тысячелетиями. Основная наука семьи — это традиции чести и честности, душевной чуткости и доброты, трудолюбия.

Если понаблюдать, как реализует себя народная педагогика, можно увидеть, как народ-воспитатель пользуется в первую очередь ненавязчивыми методами воспитания. Пластичность и богатейший арсенал приемов и методов народной педагогики создают непринужденную, естественную атмосферу, где основными отпавными моментами воспитания служат не приказание и принуждение, а собственный интерес, соревновательность и т. д.

Труд — сама жизнь народа. И потому народное искусство, народное творчество, художественные промыслы всегда сливались с трудовой деятельностью народа. Воспитание трудолюбия — главная забота воспитания. Любить труд и людей труда — важнейшая заповедь народной системы воспитания.

Трудовое воспитание осуществлялось в семье, но проверка уровня трудовой подготовки всегда была общественной. А это, в свою очередь, стимулировало

совершенствование трудовых навыков, придавало им характер соревновательности.

Не только будни, но и праздники, общие сходы, разнообразные традиции, обычаи формировали (и формируют) человека, создавая вокруг него постоянно «поле педагогического воздействия». Анализ имеющегося материала народных педагогических традиций дает основание говорить о педагогическом содержании трудовых будней, праздников, игр, свадеб, поминок, песен, сказок, загадок, пословиц.

Народ-педагог все вокруг так или иначе использовал для педагогических целей. Чувство прекрасного развивалось в песнях, хороводах, в фольклоре, в вышивках, в поделках: украшении избы, посуде. Сказки, которые каждый слушал в детстве, — это своеобразный воспитательный прием, в них «проигрывались» различные ситуации, в которые попадали сказочные герои.

Можно говорить и о воспитании чувства патриотизма через любовь к природе. Можно с полным правом говорить о массовых праздниках, ритуалах, обрядах как о воспитательных системах. Яркие и веселые праздники: русские проводы зимы, марийский праздник цветов, прибалтийский праздник песни. В одном — итог зимних и преддверие весенне-полевых работ, в другом — гимн весне, праздник природы, дружбы людей, в третьем можно увидеть мощное средство приобщения людей к художественному творчеству.

Для большинства праздников характерна длительная подготовка, в которой участвуют много людей, а сами праздники включают в себя богатейший спектр средств выявления человеческих возможностей и способностей.

Коллективная, всеобщая форма народных педагогических традиций, поиск, выявление и применение

ние на практике педагогических элементов в каждой детали быта и жизни, неосознанное, неотчетливо прослеживаемое стремление максимально педагогизировать всю окружающую человека среду, общественный контроль за осуществлением традиций в его различных национальных формах, социальная память как способ передачи опыта — таковы основные социальные элементы в народных педагогических традициях.

Итак, народная педагогика действует через ряд конкретных форм ее реализации.

Первая. Создание образа совершенного человека, который выступает как отражение коллективного опыта данной общности людей, как эталон, к которому должен стремиться каждый, как идеал, в котором сконцентрирована цель воспитания.

Вторая. Каждый член общества является одновременно и объектом и субъектом воспитания, и учителем, и учеником.

Третья. Главным методом воспитания считается воспитание в процессе труда. Участие в общественном труде рассматривается как обязательное требование к каждому члену общества.

Четвертая. Процесс воспитания сопровождается максимальным расширением набора воспитательных средств и связан практически с педагогизацией всех условий жизни человека и коллектива, общности.

И наконец, пятая. Общественный постоянный контроль за каждым через общественное мнение.

Запомним все это. Задумаемся над этим.

И помечтаем...

А почему бы и нет?.. Прижмешь однажды к себе головку сына, ласково шепнешь ему: «Я хочу гордиться тобой, малыш!» — и он, впустив в розовое ушко длинную ленту нравоучений, отправится в мир исполнять предназначенное — становится Челове-

ком. Мечты, мечты... Сидишь, смотришь на него с тоской и думаешь: «Я ему уже сказала все, что могла, уже шлепала, не давала смотреть телевизор. А толку?»

Есть кубики с буквами, и трехлетний ребенок играя учится азбуке, есть другие умные игры, чтобы юной головке хватало пищи. Многого можно купить в «Детском мире», увидеть по телевизору, услышать по радио. Только вот как сделать мальчика храбрым и честным, добрым и совестливым? Разумеется, надо жить так, чтобы дети, подражая тебе, становились хорошими людьми. Но разве не известно, что у хороших родителей очень плохие вырастают дети? Как управлять этим воспитателем-невидимкой — потоком жизненных впечатлений, уносящих порой родное существо совсем не туда, куда бы нам хотелось? Шацкий, Сухомлинский, Никитины?..

Но — не слишком ли мы сужаем поле нашего зрения в поисках самородков, когда рядом есть нечто необъятное: процеженный веками педагогический опыт целых народов?.. Пословицы, поговорки, сказки, былины, песни, загадки — народная память, сохраняющая духовный опыт народа, его педагогические воззрения, связывающая прошлое с настоящим и будущим... Сквозь столетия дошли они до наших дней. Сохранить их, знать, передать следующим поколениям — задача людей, живущих сегодня.

Дома и стены помогают (рус.).

Умел начать, умей и кончить (рус.).

Каков у хлеба, таков и у дела (чуваш.).

**Если хочешь порадовать своего гостя,
оказывай почет его ребенку (тадж.).**

**Что узнал в юности —
высечено на камне,
что узнал в старости — написано
на льду (татар.).**

**Красота — до вечера, доброта —
до смерти (чечен.).**

**Одно слово может разрушить весь
мир (тадж.).**

**Говорят,
и после смерти работы останется
на три дня (чуваш.).**

Глаза страшатся, а руки делают (рус.).

**С миру по нитке —
голому рубаха (рус.).**

**Хороший человек
хоть сам и умрет, но его слово
не умирает (ногайск.).**

Колыбельные песни Мезени

Баю-баю, баю-бай, да, малютка, засыпай,
Ты не спи-ко, малюточка, без байкания,
А ты спи-ко-ся, малюточка, без люлькания.
Ох и спи-ко по ночам, да вставай-ко по зорям,
А вставай-ко по зорям, да расти-ко по часам,
По часам-то, по часам, да по минуточкам,
По минуточкам, да по секундочкам.
А повырастешь побольше — в лес по ягодки
пойдешь,
В лес по ягодки пойдешь, да татке, мамке
принесешь,
Татке, мамке принесешь, да ты полушки не
займешь.

Саша-перышко,
Не летай в озерышко,
Ты улетишь высоко,
Упадешь глубоко.
Уж ты на землю падешь —
Тебя мышка съест,
Уж ты на воду падешь —
Тебя рыбка заcludes.
Бай, бай, бай, бай,
Поди, бука, на сарай.
Поди, бука, на сарай,
Коням сена надавай.
Кони сена не едят,
У меня на Коленьку глядят.

ББК 74.913
В19

Рецензент:
кандидат педагогических наук Ю. А. Рудь

В книге использованы работы художников

*А. В. Бородина, А. И. Губарева,
Г. Ф. Захарова, Л. А. Ильиной,
Е. М. Кузьминскиса, Е. Лося,
П. Я. Павлинова, Б. П. Пака,
В. А. Фаворского и др.*

Васильцова З. П.

**В 19 Мудрые заповеди народной педагогики:
(Заметки журналиста). — 2-е изд., доп. —
М.: Педагогика, 1988. — 160 с.: ил.**

40 коп.

Положительный опыт и традиции воспитания подрастающего поколения, сложившиеся издавна и тесно связанные с культурой и обычаями народов нашей многонациональной страны, не теряют своей значимости и по сей день.

Предлагаемая вниманию читателей книга раскрывает опыт воспитания, выявляет наиболее яркие традиции и принципы воспитания, являющиеся кладезем народной педагогической мудрости.

1-е издание вышло в 1983 г.

Для широкого круга читателей.

В 4311000000-062 КБ-49-37-1987
005(01)-88

ББК 74.913

ISBN 5-7155-0074-5

© Издательство «Педагогика», 1988

Содержание

От автора

3

У светлой реки Пинеги

7

Хлеб родного дома

35

Орлиное сердце мужчины

65

День, у которого нет границ

87

Белые снега детства

113

Вместо эпилога

140

Научно-популярное издание

Зоя Петровна Васильцова

Мудрые заповеди народной педагогики

Зав. редакцией *Л. И. Коровкина*

Редактор *Е. Д. Гончарова*

Художник *А. И. Алешин*

Художественный редактор *С. Г. Михайлов*

Технический редактор *Т. Г. Иванова*

Корректор *А. И. Сорнева*

ИБ № 1372

Сдано в набор 03.07.87. Подписано в печать 25.11.87. Формат 70×100¹₃₂.

Бумага офс. № 1. Печать офсетная. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 6,5.

Уч.-изд. л. 6,76. Усл. кр.-отт. 13,32. Тираж 100 000 экз. Зак. № 1239.

Цена 40 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР
и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли

107847, Москва, Лефортовский пер., 8

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли

170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5

40 к.

ref. 100

0-68